ПЕРЕВОРОТЪ

1762 года.

Русская Быль.

1949 r. 965 87

1687gm.8.

Переворотъ
1762 года.

Сочиненія и переписка участниковъ и современниковъ.

Четвертое исправленное изданіе.

Двадцать шестая тысяча.

Со многими портретами и картинами меццо-тинто.

16879 п.8.

Военная 355 отд.

БИБЛИОТЕКА Об. Дома Уч...

Московское Книгоиздательское Товарищество
„Образованіе“.

МОСКВА.—1910.
Типографія Русскаго Товарищества Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18-35.

Рюльеръ, сочиненіе котораго здѣсь печатается, былъ родомъ французъ, родился въ 1735 году и умеръ въ 1791-мъ. Даровитый писатель и поэтъ, восхваляемый Вольтеромъ, онъ еще молодымъ человѣкомъ находился съ 1760 года, т.-е. еще въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, секретаремъ при французскомъ посланникѣ въ Петербургѣ, баронѣ Бретейлѣ. Дворцовый переворотъ, возведшій на русскій престолъ «родоначальницу» нашего царскаго дома, естественно, возбудилъ всевозможные толки и слухи въ Западной Европѣ. Возвратившись на родину, Рюльеръ по настоянію своихъ друзей написалъ объ этомъ переворотѣ сочиненіе подъ названіемъ: «Исторія и анекдоты революціи въ Россіи въ 1762 году» [1]). Это сочиненіе настолько заинтересовало его соотечественниковъ, что оно быстро распространилось во множествѣ списковъ, такъ какъ Рюльеръ обязался передъ русскимъ правительствомъ не печатать его при жизни самой императрицы (Бартеневъ предполагаетъ, что Рюльеръ взялъ за это соотвѣтствующую мзду [2]) и дѣйствительно бы-

[1]) Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762.

[2]) Это не вѣрно; Екатерина дѣйствительно предлагала Рюльеру за молчаніе и хотѣла купить его рукопись, но было это неудачно; Рюльеръ отъ денегъ отказался, давъ слово не печатать. «Такое дѣло—писалъ Дидро

ло напечатано уже въ царствованіе Павла Петровича (наслѣдники Рюльера исполнили его обязательство).

Долгое время эта книга была единственнымъ описаніемъ переворота 1762 года; но въ то время, какъ Западная Европа могла безпрепятственно читать Рюльера и знакомиться съ событіями, имъ описанными, въ это время русскому читателю она была совершенно неизвѣстна и недоступна.

Покойный М. Н. Лонгиновъ вмѣстѣ съ издателемъ *Русскаго Архива*, П. Бартеневымъ, пытались его издать, но, благодаря цензурнымъ условіямъ (Бартеневъ пишетъ, что благодаря Е. М. Ѳеоктистова!), книга не вышла въ свѣтъ до настоящаго времени, хотя уже была отпечатана; въ дни свободы Бартеневу удалось получить разрѣшеніе на выпускъ Рюльера, но листы уже были сожжены въ топкѣ типографскаго парового котла.

Между тѣмъ сочиненіе Рюльера настолько интересно и настолько обратило на себя вниманіе читателя Европы, что на него сдѣлалъ примѣчанія самъ французскій король, Людовикъ XVI. Эти примѣчанія въ 1803 году были списаны съ подлинника нѣкіимъ Сулави и посланы имъ государственному канцлеру, графу А. Р. Воронцову, для поднесенія ихъ Александру Первому. Рукопись эта осталась почему-то въ бумагахъ канцлера и напечатана въ XI книгѣ «Архива князя Воронцова» и въ «Рус. Архивѣ» за 1905 годъ № 10.

Замѣчанія эти любопытны; они сдѣланы съ тѣмъ, чтобы обѣлить Петра III въ глазахъ Европы, и поэтому его всѣ безразсудства вѣнценосный авторъ сваливаетъ на придворныхъ интригановъ и самую Екатерину II.

Обвиняя Рюльера въ противорѣчіяхъ, король на каждомъ шагу самъ впадаетъ въ нихъ. Выясняя, напримѣръ, кто виноватъ въ переворотѣ, король пишетъ:

«*Вина Петра III* заключается въ предоставленіи слишкомъ большой самостоятельности своей супругѣ и въ недостаточномъ наблюденіи за образовавшейся вокругъ нея партіей честолюбцевъ, а *вина императрицы*—въ недостаткѣ снисхожденія къ супругу. Выходя изъ этихъ двухъ положеній, при которыхъ каждый изъ супруговъ *заслуживаетъ порицанія*, они оба были до-

---

Фальконетту,—удобнѣе дѣлать литератору съ литераторомъ, а не литератору съ министромъ, теперь же все испорчено, и я предполагалъ, что это такъ будетъ. Деньги принимаются или отвергаются, судя по тому, кто ихъ предлагаетъ». «Revue moderne» I janvier 1867 г., 69 стр.

ведены фаворитами и льстецами до крайней степени опасности, изъ которой не было другого исхода, кромѣ страшнаго преступленія». Этотъ приговоръ, однако, не мѣшаетъ автору тутъ же все свалить на придворныхъ. «И отвѣтственность за *всѣ* преступленія падаетъ *исключительно* на ихъ окружающихъ»—пишетъ король.

Другой примѣръ. Королю хорошо были извѣстны популярность и успѣхъ сочиненія Рюльера среди французовъ, особенно среди двора; онъ самъ даже пишетъ на нихъ замѣчаніе и все же ему не мѣшаетъ утверждать, что «*мало* найдется читателей, которые прочтутъ безъ отвращенія такого рода заявленіе, столь бездоказательное, столь мало интересное въ историческомъ смыслѣ и т. д.». Это уже прямо противъ дѣйствительности, хорошо извѣстной автору.

Въ немъ постоянно и очень рѣзко сказывается его царственное положеніе. Въ своихъ замѣчаніяхъ Людовикъ постоянно жалуется на то страдательное положеніе, которое занимаютъ монархи подъ перомъ историковъ и романистовъ. «Вы видите,—пишетъ король,—теперь, каково положеніе коронованныхъ лицъ. Когда они воздерживаются отъ поблажекъ свободы, они тираны; когда же они ей способствуютъ, г-нъ де-Рюльеръ и ему подобные оспариваютъ у нихъ на это право [1]). Словомъ, какими бы достоинствами и добродѣтелями ни обладало коронованное лицо, какъ бы ни поступало, оно всегда будетъ подвергаться издѣвательству романистовъ».

Намъ, конечно, нѣтъ надобности опровергать пессимизмъ Людовика XVI, и не потому, чтобы онъ былъ правъ, но именно потому, что онъ неправъ, равно какъ истина не на его сторонѣ въ его передачѣ фактовъ переворота. Особенно онъ грѣшитъ, отрицая безпримѣрное благоговѣніе Петра III передъ Фридрихомъ или объясняя чувства, питавшія это благоговѣніе, «важными государственными причинами», такъ же точно ему совершенно не были извѣстны отношенія супруговъ.

Но мы не хотимъ входить въ разборъ примѣчаній Людовика по существу, такъ какъ это завело бы насъ далеко; мы хотѣли только отмѣтить для нашего читателя существованіе такихъ примѣчаній, нѣсколько ихъ характеризовать; они интересны лишь именемъ своего несчастнаго автора.

---

[1]) Это написано по поводу дворянской вольности, данной Петромъ III.

Сочиненіе Рюльера, мы сказали, обратило на себя всеобщее вниманіе. Кн. Дашкова постаралась достать его въ рукописномъ спискѣ и сдѣлала свои примѣчанія [1]), главнымъ образомъ касающіяся до себя лично; однако, ея приговоръ, по справедливому замѣчанію Бильбасова, «очень строгъ» [2]). Въ сочиненіи встрѣчаются, конечно, ошибки и неточности, но въ общемъ исторія 9 дней разсказана довольно вѣрно и переданы довольно цѣнныя подробности.

О сочиненіи Екатерина узнала отъ Фальконетта черезъ Дидро и тогда уже писала: «Мудрено секретарю посольства иначе, какъ воображеніемъ, знать обстоятельно вещи, какъ онѣ суть... Такъ, напримѣръ, заранѣе бьюсь объ закладъ, что книга Рюльера пуста, особливо потому, что г. Дидеротъ говоритъ, что въ ней слышится бой-баба [3]) и первостепенный умъ; въ упоминаемомъ случаѣ дѣло было не въ томъ: предстояло или погибнуть вмѣстѣ съ полоумнымъ, или спастись съ толпою, желавшею отъ него избавиться» [4]).

Насколько Рюльеръ былъ освѣдомленъ о настоящемъ положеніи вещей, связанныхъ съ событіемъ 1762 года, намъ ясно показываютъ записки самой Екатерины и другіе историческіе свидѣтельства и документы. Ихъ мы приводимъ нарочно въ возможно большомъ количествѣ, чтобы освѣтить событіе со всѣхъ сторонъ. Оказывается, Рюльеръ располагалъ довольно точными свѣдѣніями, несмотря на свое положеніе секретаря посольства. Говоря о нихъ, Дидро писалъ: «...есть анекдоты и подробности, которые, если правдивы, могли быть извѣстны только благодаря нескромности важныхъ особъ, окружающихъ императрицу» [5]).

Какъ бы то ни было, но, несмотря на усиленное желаніе, Екатеринѣ не удалось купить рукопись Рюльера, ей даже не пришлось ея прочесть, иначе она увидѣла бы, что секретарь зналъ очень и очень многое.

---

1) Будутъ помѣщены при текстѣ.

2) В. А. Бильбасовъ. Исторія Екат. II. Т. II. Лондонъ, 1895 г.

3) Бартеневъ переводитъ это мѣсто «бой-баба съ умомъ принципессы» и дѣлаетъ предположеніе, что это относится до Дашковой, на самомъ же дѣлѣ это идетъ рѣчь о самой Екатеринѣ; это ясно видно изъ слѣдующихъ дальше словъ императрицы.

4) Сборникъ И. Р. Истор. О-ва, т. XVII, стр. 43.

5) «Revue moderne». Decembre 1866 г., стр. 388.

Положеніе Петра III и его поступки во дни переворота превосходно нарисовалъ намъ извѣстный историкъ—Бильбасовъ, превосходный трудъ котораго объ Екатеринѣ Второй до сихъ поръ находится подъ запрещеніемъ, хотя, на нашъ взглядъ, онъ смѣло могъ бы быть достояніемъ читающей публики. Изъ него мы беремъ нѣсколько главъ, касающихся несчастнаго монарха.

Поведеніе Петра на престолѣ обнаруживало его душевную болѣзнь; поведеніе же во время переворота рисуетъ его и трусомъ и идіотомъ. «Онъ далъ прогнать себя съ престола, какъ мальчика, котораго отсылаютъ спать»—сказалъ про Петра Фридрихъ. Лишившись трона, онъ скоро былъ лишенъ и жизни, оставивъ лишь нѣсколько записочекъ къ бывшей супругѣ—Екатеринѣ—съ ничтожными просьбами. Однако, эти записки очень интересны, такъ какъ только изъ нихъ мы узнали о положеніи узника, къ тому же онѣ на нашихъ дняхъ стали достояніемъ печати.

Но въ этомъ столкновеніи была другая сторона, оказавшаяся побѣдительницею. Она торжествовала свою «безкровную» побѣду, а послѣ передала намъ свое настроеніе и состояніе въ письмахъ и запискахъ. Мы имѣемъ въ виду записки Екатерины Второй. Болѣе чѣмъ важно выслушать ея голосъ въ этомъ дѣлѣ, и мы имѣемъ эту возможность. Правда, записки свои она не довела до переворота, но передала не мало фактическихъ данныхъ и довольно подробно свое душевное состояніе въ письмахъ къ бывшему сердечному другу—Понятовскому.

Наконецъ, въ бумагахъ Екатерины сохранилось нѣсколько весьма важныхъ документовъ, до переворота касавшихся, а именно нѣсколько писемъ Алексѣя Орлова изъ Ропши о бывшемъ императорѣ.

Передаютъ, что когда одно изъ нихъ (объ убійствѣ) прочелъ Павелъ, всегда обвинявшій въ этомъ свою мать, то онъ перекрестился, обрадовавшись, что Екатерина въ немъ обѣлялась совершенно. Однако, онъ очевидно не имѣлъ въ рукахъ другихъ писемъ; изъ нихъ онъ вынесъ бы совершенно другое впечатлѣніе: въ нихъ ярко сказывается *попустительство,* съ какимъ Екатерина относилась къ поступкамъ Орлова.

Итакъ, основнымъ положеніемъ переворота является разсказъ Рюльера; добавленіемъ и поясненіемъ къ нему служатъ всѣ письма современниковъ и, главное, самихъ участниковъ въ переворотѣ и различныя документальныя данныя.

Переводъ перваго изданія печатался съ рукописи, нахо-

дящейся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Это старинный переводъ, сдѣланный нѣсколько тяжелымъ для насъ слогомъ, но мы нарочно его не измѣняли, такъ какъ онъ близко и вѣрно передаетъ подлинный текстъ и приближается по своему стилю къ языку 18-го вѣка, когда было написано само сочиненіе. Кѣмъ сдѣланъ переводъ и когда—у насъ нѣтъ данныхъ. Мы старались, насколько возможно, сохранять правописаніе архивной рукописи.

Приступая къ печатанію перваго изданія разсказа Рюльера, мы вполнѣ были увѣрены въ его успѣхѣ среди нашихъ читателей, но у насъ не было увѣренности, что онъ пройдетъ сквозь цензурные тиски. Дѣйствительность превзошла наши ожиданія: цензуру миновали благополучно, а книга разошлась цѣликомъ въ пять мѣсяцевъ. То же повторилось съ вторымъ изданіемъ: оно вышло 15-го сентября 1908 года,—прошло три мѣсяца и мы отпечатали 3-имъ изданіемъ; въ 1910 г. печатаемъ 4-ое изданіе.

Г. Балицкій.

Москва, 2-ое іюня.

Исторія и анекдоты революціи въ Россіи въ 1762 г.

Я былъ свидѣтелемъ революціи, низложившей съ Россійскаго престола внука Петра Великаго, чтобы возвести на оный чужеземку. Я видѣлъ, какъ сія Государыня, убѣжавъ тайно изъ дворца, въ тотъ же день овладѣла жизнію и царствомъ своего мужа. Мнѣ были извѣстны всѣ лица сей ужасной сцены, гдѣ въ предстоящей опасности развернулись всѣ силы смѣлости и дарованій, и, не принимая никакого личнаго участія въ семъ происшествіи, путешествуя, чтобы познать различные образы Правленія, я почиталъ себя счастливымъ, что имѣлъ предъ глазами одно изъ тѣхъ рѣдкихъ происшествій, которыя изображаютъ народный характеръ и возводятъ дотолѣ неизвѣстныхъ людей. Въ повѣствованіи моемъ найдутся нѣкоторые анекдоты, несоотвѣтственные важности предмета, но я и не думаю разсказывать одинаковымъ языкомъ о любовныхъ хитростяхъ молодыхъ женщинъ и о государственномъ возмущеніи. Трагическій авторъ повѣствуетъ съ одинакою важностію о великихъ происшествіяхъ и живописуетъ натуру во всемъ ея совершенствѣ. Мой предметъ другого рода и картина великихъ происшествій будетъ снята съ подлинной натуры.

Напередъ надобно изложить, откуда проистекла та не-

примиримая ненависть между Императоромъ и его Супругою, и тогда обнаружится, какими честолюбивыми замыслами досигла сія Государыня до самаго насильственнаго престола.

Великая Княгиня Екатерина Ангальтъ-Цербтская, Принцесса Августа-Софія-Фридерика, родилась въ Штетинѣ 21-го апрѣля 1729 г. Отецъ ея Христіанъ Августъ, князь Ангальтъ-Цербтскій, служилъ въ арміи короля Прусскаго генералъ-фельдмаршаломъ и былъ губернаторомъ Штетина. По избраніи ея въ невѣсты наслѣднику Россійскаго Престола Петру Ѳедоровичу, она прибыла съ матерью своею княгинею Іоганною въ началѣ 1744-го года въ Москву, гдѣ тогда находилась Императрица Елисавета съ дворомъ своимъ. 28-го іюня того же года она приняла греко-россійскую вѣру и наречена Великою княжною Екатериною Алексѣевною, а на другой день обручена со своимъ женихомъ. Бракосочетаніе ихъ совершилось 21-го августа 1745 года. Въ первые свои годы она жила не въ великомъ изобиліи. Ея отецъ—владѣлецъ небольшой земли, генералъ въ службѣ короля Прусскаго, жилъ въ крѣпости, гдѣ была она воспитана среди почестей одного гарнизона, и если мать ея являлась иногда съ нею ко двору, чтобы обратить нѣкоторое вниманіе королевской фамиліи, то тамъ едва замѣчали ее въ толпѣ придворныхъ.

Великій князь Петръ Ѳедоровичъ, съ коимъ она была въ близкомъ родствѣ, по разнымъ политическимъ переворотамъ призванъ былъ изъ Голштиніи въ Россію, какъ ближайшій наслѣдникъ Престола [1]); и когда принцессы знатнѣйшихъ европейскихъ домовъ отказались соединить судьбу свою съ наслѣдникомъ столь сильно потрясаемаго царства, тогда избрали Екатерину въ супружество. Сами родители принудили ее оставить ту религію, въ которой она воспитана, чтобы принять греко-россійскую, и въ условіи было

---

[1]) Дочь Императора Петра Великаго, Великая Княжна Анна Петровна, выдана была въ замужество за Карла Фридриха, герцога Голштейнъ-Готторбскаго. Сынъ ихъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ, владѣтельный герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, на четырнадцатомъ году возраста прибылъ въ С.-Петербургъ 5 февраля 1742 г. По принятіи греко-россійскаго исповѣданія нареченъ Петромъ Ѳедоровичемъ и манифестомъ 7 ноября объявленъ Великимъ Княземъ и наслѣдникомъ Всероссійскаго престола. Онъ приходился троюроднымъ братомъ Екатеринѣ.

сказано, что если государь умретъ бездѣтенъ отъ сего брака, то супруга его непремѣнно наслѣдуетъ престолъ [1]).

Сама натура, казалось, образовала ее для Высочайшей степени. Наружный видъ ея предсказывалъ то, чего отъ нея ожидать долженствовали, и здѣсь, можетъ быть не безъ удовольствія (не входя въ дальнѣйшія подробности), всякій увидитъ очертаніе сей знаменитой женщины.

Пріятный и благородный станъ, гордая поступь, прелестныя черты лица и осанка, повелительный взглядъ, — все возвѣщало въ ней великій характеръ. Возвышенная шея особенно со стороны образуетъ отличительную красоту, которую она движеніемъ головы тщательно обнаруживала. Большое открытое чело и римскій носъ, розовыя губы, прекрасный рядъ зубовъ, нетучный, большой и нѣсколько раздвоенный подбородокъ. Волосы каштановаго цвѣта отличной красоты, черныя брови и таковые-жъ прелестные глаза, въ коихъ отраженіе свѣта производило голубые оттѣнки, и кожа ослѣпительной бѣлизны. Гордость составляетъ отличную черту ея физіономіи. Замѣчательныя въ ней пріятность и доброта для проницательныхъ глазъ суть не иное что, какъ дѣйствіе особеннаго желанія нравиться, и очаровательная рѣчь ея ясно открываетъ опасныя ея намѣренія. Живописецъ, желая изобразить сей характеръ, аллегорически представилъ ее въ образѣ прелестной нимфы, представляющей одною рукою цвѣточныя цѣпи, а въ другой скрывающей позади себя зажженный факелъ.

Ставъ супругою Великаго Князя на 14-мъ году возраста, она уже чувствовала, что будетъ управлять владѣніями своего мужа. Поверхность, которую она безъ труда пріобрѣла надъ нимъ, служила къ тому простымъ средствомъ, какъ дѣйствіе ея прелестей, и честолюбіе ея долго симъ ограничивалось. Ночи, которыя проводили они всегда вмѣстѣ, казалось, не удовлетворяли ихъ чувствамъ; всякій день скрывались они отъ глазъ по нѣскольку часовъ и Имперія ожидала рожденія второго наслѣдника, не воображая въ себѣ, что между молодыми супругами сіе время было употребляемо единственно на Прусскую экзерцицію, или стоя на часахъ съ ружьемъ на плечѣ.

[1]) *Дашкова замѣчаетъ*: При бракосочетаніи велікаго князя (потомъ Императора Петра III) отнюдь не было договорено, чтобы супруга его правила послѣ его смерти.

Долго спустя, Великая Княгиня, разсказывая сіи подробности, прибавляла: «Мнѣ казалось, что я годилась для чего-нибудь другого». Но, сохраняя въ тайнѣ странныя удовольствія своего мужа и тѣмъ ему угождая, она имъ управляла во всякомъ случаѣ, она тщательно скрывала сіи нелѣпости, и, надѣясь царствовать посредствомъ его, боялась, чтобъ его не признали достойнымъ престола.

Подобныя забавы не обѣщали Имперіи наслѣдственной линіи, а императрица Елисавета непремѣнно хотѣла ее имѣть для собственной своей безопасности. Она содержала въ тюрьмѣ малолѣтняго несчастливца, извѣстнаго подъ именемъ Іоанна Антоновича, котораго на второмъ году младенчества, свергнувъ съ престола, безпрестанно перевозила изъ края въ край Имперіи, изъ крѣпости въ крѣпость, дабы его участники, если таковые были, не могли никогда узнать о мѣстѣ его заточенія. Елисавета тѣмъ болѣе достойна хвалы, что даровала ему жизнь; и зная, какъ легко производится революція въ Россіи, она никогда не полагалась на безопасность носимой ею короны. Она не смѣла ложиться до разсвѣта, ибо заговоръ возвелъ ее самую на престолъ во время ночи. Она такъ боялась ночного нападенія, что тщательно приказала отыскать во всемъ государствѣ человѣка, который бы имѣлъ тончайшій сонъ, и этотъ человѣкъ, который по счастію былъ безобразенъ, проводилъ въ комнатѣ императрицы все время, въ которое она спала. При такомъ-то страхѣ оставила она жизнь тому человѣку, который былъ причиною онаго. Даже родители были съ нимъ неразлучны, и слухъ носился, что въ темницѣ своей, къ утѣшенію или, можетъ быть, къ несчастію, они имѣли многихъ дѣтей, опасныхъ совмѣстниковъ, ибо они были старшая отрасль царскаго дома. Вѣрнѣйшая противъ нихъ предосторожность состояла въ томъ, чтобъ показать народу рядъ другихъ наслѣдниковъ; сего-то и недоставало; уже прошло 8 лѣтъ, и хотя природа не лишила Великаго Князя всей чувствительности, но опытные люди неоспоримо доказывали, что нельзя было надѣяться отъ него сей наслѣдственной линіи.

Придворный молодой человѣкъ графъ Салтыковъ прекрасной наружности и недальняго ума избранъ былъ въ любовники Великой Княгини. Великому Канцлеру россійскому Бестужеву-Рюмину поручено было ее въ томъ предувѣдо-

мить. Она негодовала, угрожала, ссылаясь на ту статью свадебнаго договора, которою, за неимѣніемъ дѣтей, обѣщанъ былъ ей престолъ. Но, когда онъ внушилъ ей, что препорученіе сіе дѣлается со стороны тѣхъ, кому она намѣрена жаловаться, когда онъ представилъ, какимъ опасностямъ подвергаетъ она Имперію, если не приметъ сей предосторожности, какія мѣры, болѣе или менѣе пагубныя, могутъ быть приняты противъ нея самой въ намѣреніи предупредить сей опасности, тогда она отвѣчала: «я васъ понимаю, приводите его сего же вечера» [1]).

Какъ скоро открылась беременность, Императрица Елисавета приказала дать молодому россіянину порученіе въ чужихъ краяхъ. Великая Княгиня плакала [2]) и старалась утѣшить себя новымъ выборомъ. Но наслѣдство казалось несомнительнымъ,—новые выборы не нравились. За поведеніемъ ея присматривали съ такою строгостію, которая не согласовалась ни съ принятыми нравами, ни съ личнымъ поведеніемъ Елисаветы. Въ самомъ дѣлѣ, хотя русскія дамы недавно появились въ обществѣ; хотя еще въ концѣ прошедшаго [3]) столѣтія онѣ жили въ заключеніи и почитаемы были за ничто въ домашней жизни; но такъ какъ обычай совершенно запирать и приставлять къ нимъ евнуховъ не былъ въ сей землѣ въ употребленіи, отъ чего происходило, что женщины, заключенныя посреди рабовъ, предавались совершенному разврату. И когда Петръ Первый составилъ въ Россіи общества, то онъ преобразовалъ наружную суровость нравовъ уже весьма развращенныхъ.

Казалось, что послѣднія Императрицы ни мало не потратили славы своего царствованія, избирая довольное число фаворитовъ изъ всѣхъ состояній своихъ подданныхъ, даже рабовъ. Въ настоящемъ [4]) царствованіи юный любимецъ Разумовскій управлялъ Имперіею, между тѣмъ какъ простой казакъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, коего прежняя должность была играть на фаготѣ въ придворной капеллѣ, достигъ до тайнаго брака съ Императрицею. Таковой бракъ ни мало не удивителенъ въ той странѣ, гдѣ го-

---

[1]) Объ отношеніяхъ великой княгини съ Салтыковымъ смотри подробнѣе въ запискахъ самой Екатерины и «Чистосердечную исповѣдь» ея передъ Потемкинымъ, напечатанную въ XII томѣ ея сочиненій, изд. Академіи Наукъ СПБ. 1907 года. *Ред.* [2]) См. ея записки. [3]) 17-го вѣка. *Ред.* [4]) Елисаветы Петровны.

сударя за нѣсколько передъ симъ лѣтъ безъ разбора соединялись съ послѣдними фамиліями своихъ подданныхъ; но теперь особенная причина не дозволяла сей государынѣ обнародывать. Елисавета дала себѣ священный обѣтъ оставить Корону своему племяннику отъ старшей сестры, и отъ храненія сего обѣта, коего она не забывала при всѣхъ своихъ слабостяхъ, произошло то странное поведеніе, что она имѣла явно любовниковъ и въ тайнѣ мужа. Еще чаще открывались столь большія состоянія у людей, не имѣвшихъ никакой другой заслуги, кромѣ минутнаго угожденія Императрицѣ.

Но по тайной зависти или по убѣжденію совѣсти, на которой лежали первые проступки Великой Княгини, сія послѣдняя находила препятствія при всякомъ выборѣ, который она дѣлала. Низкое происхожденіе (ибо она искала и въ семъ классѣ) не скрывало ихъ отъ ужасной въ сей странѣ ссылки.

Она была въ отчаяніи, когда судьба привела въ Россію кавалера Вилліамса, англійскаго посланника, человѣка пылкаго воображенія и плѣнительнаго краснорѣчія, который осмѣливался ей сказать, что «кротость есть достоинство жертвъ, ничтожныя хитрости и скрытый гнѣвъ не стоятъ ни ея званія, ни ея дарованій; поелику большая часть людей слабы, то рѣшительные изъ нихъ одерживаютъ первенство; разорвавъ узы принужденности, объявивъ свободно людей достойныхъ своей благосклонности и показавъ, что она пріемлетъ за личное оскорбленіе все, что противъ нихъ предпримутъ, она будетъ жить по своей волѣ». Вслѣдствіе сего разговора онъ представилъ ей молодого поляка, бывшаго въ его свитѣ.

Графъ Понятовскій свелъ въ Польшѣ искреннія связи съ симъ посланникомъ и такъ какъ одинъ былъ прекрасной наружности, а другой крайне развратенъ, то связь сія была предметомъ злословія.

Можетъ быть такія подробности не относятся до моей исторіи; но поелику Понятовскій сдѣлался королемъ, то всегда пріятно видѣть, какіе пути ведутъ къ престолу. Въ родствѣ по матери съ сильнѣйшею въ Польшѣ фамиліей, онъ сопутствовалъ кавалеру Вилліамсу въ Россію, въ намѣреніи видѣть Дворъ, столь любопытный для Двора Варшавскаго, и, будучи извѣстенъ своею ловкостью, чтобы получить свѣдѣнія въ дѣлахъ, онъ исправлялъ должность Секре-

16879 п. 12.

16879 п.ф.

Императоръ ПЕТРЪ III.

Работы А. Антропова подписной, находится въ Сенатѣ въ С.-Петербургѣ

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

таря Посольства. Сему-то иноземцу, послѣ тайнаго свиданія, гдѣ Великая Княгиня была переодѣта, изъявила она всю свою благосклонность [1]). Понятовскій, съѣздивъ на свою родину, вскорѣ возвратился въ качествѣ министра и тѣмъ нѣсколько сблизился со своею любезною. Важность сего званія давала ему полную свободу, а неприкосновенность его особы доставляла его смѣлости священное покровительство народнаго права.

Великій Князь, сколь ни былъ жалокъ, однако, не позволилъ болѣе женѣ управлять собою и чрезъ то всего лишился. Предоставленный самому себѣ, онъ явился глазамъ свѣта въ настоящемъ своемъ видѣ. Никогда счастіе не благопріятствовало столько наслѣднику престола. Съ юныхъ лѣтъ, обладателемъ Голштиніи, онъ могъ еще выбирать одну изъ двухъ сосѣдственныхъ коронъ. Извѣстно, что герцоги Голштинскіе долгое время были угнетаемы Даніею, гдѣ царствовала старшая отрасль ихъ фамиліи; сильнѣйшія державы Сѣвера принимали участіе въ ихъ враждѣ; сіи герцоги, руководствуясь всегда одною политикою, брали себѣ въ супружество принцессъ Шведскаго и Россійскаго Домовъ и, наконецъ, восходили на тотъ или на другой престолъ. Оба сіи престола были предлагаемы Великому Князю Петру, который, соединяя въ себѣ кровь Карла XII и Петра I, въ одно и то же время избранъ былъ народомъ на Шведскій и признанъ былъ Императрицею, какъ Наслѣдникъ на Россійскій престолъ. Избирая царство по особенной благосклонности, онъ предоставилъ Шведскую корону своему дядѣ, такъ что Домъ его, занимая нынѣ всѣ престолы Сѣвера, одолженъ ему своею славою; но жестокая игра судьбы, которая, казалось, въ продолженіе двухъ вѣковъ пріуготовляла ему славу, произвела его совершенно ея недостойнымъ

Чтобы судить о его характерѣ, надобно знать, что воспитаніе его ввѣрено было двоимъ наставникамъ рѣдкаго достоинства; но ихъ ошибка состояла въ томъ, что они руководствовали его по образцамъ великимъ, имѣя болѣе въ виду его породу, нежели дарованія. Когда привезли его въ Россію, сіи наставники, для такого Двора слишкомъ строгіе,

---

[1]) О знакомствѣ съ Понятовскимъ и отношеніяхъ къ нему см. подробнѣе записки самой Екатерины, а также Валишевскаго—«Романъ императрицы».

БИБЛІОТЕКА

внушили опасеніе къ тому воспитанію, которое продолжали ему давать. Юный Князь взятъ былъ отъ нихъ и ввѣренъ подлымъ развратителямъ; но первыя основанія, глубоко вкоренившіяся въ его сердце, произвели странное соединеніе добрыхъ намѣреній подъ смѣшными видами и нелѣпыхъ затѣй, направленныхъ къ великимъ предметамъ. Воспитанный въ ужасахъ рабства, въ любви къ равенству, въ стремленіи къ героизму, онъ страстно привязался къ симъ благороднымъ идеямъ, но мѣшалъ великое съ малымъ и, подражая героямъ—своимъ предкамъ, по слабости своихъ дарованій оставался въ дѣтской мечтательности. Онъ утѣшался низкими должностями солдатъ, потому что Петръ I проходилъ по всѣмъ степенямъ военной службы, и слѣдуя сей высокой мысли, столь удивительной въ Монархѣ, который успѣхи своего образованія ведетъ по степенямъ возвышенія, онъ хвалился въ придворныхъ концертахъ, что служилъ нѣкогда музыкантомъ и сдѣлался по достоинству первымъ скрипачемъ. Безпредѣльная страсть къ военной службѣ не оставляла его во всю жизнь; любимое занятіе его состояло въ экзерциціи, и чтобы доставить ему это удовольствіе, не раздражая Россійскихъ полковъ, ему предоставили несчастныхъ Голштинскихъ солдатъ, которыхъ онъ былъ государемъ. Его наружность, отъ природы смѣшная, дѣлалась таковою еще болѣе въ искаженномъ Прусскомъ нарядѣ, штиблеты стягивалъ онъ всегда столь крѣпко, что не могъ сгибать колѣнъ и принужденъ былъ садиться и ходить съ вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное лицо довольно живой физіономіи, которую онъ еще болѣе безобразилъ безпрестаннымъ кривляніемъ для своего удовольствія. Однако, онъ имѣлъ нѣсколько живой умъ и отличную способность къ шутовству. Одинъ поступокъ обнаружилъ его совершенно. Безъ причины обидѣлъ онъ придворнаго, и какъ скоро почувствовалъ свою несправедливость, то въ удовлетвореніе предложилъ ему дуэль. Неизвѣстно, какое было намѣреніе придворнаго, человѣка искуснаго и ловкаго, но оба они отправились въ лѣсъ и, направивъ свои шпаги въ десяти шагахъ одинъ отъ другого, не сходя съ мѣста, стучали большими своими сапогами. Вдругъ Князь остановился, говоря: «жаль, если столь храбрые, какъ мы, переколемся, поцѣлуемся». Во взаимныхъ учтивостяхъ они возвращались къ дворцу, какъ вдругъ при-

дворный, примѣтивъ много людей, поспѣшно вскричалъ: «ахъ, Ваше Высочество, Вы ранены въ руку, берегитесь, чтобъ не увидѣли кровь», и бросился завязывать оную платкомъ. Великій Князь, вообразивъ, что этотъ человѣкъ почитаетъ его дѣйствительно раненымъ, не увѣрялъ его въ противномъ, хвалился своимъ геройствомъ, терпѣніемъ и, чтобы доказать свое великодушіе, принялъ его въ особенную милость.

Немудрено, что льстецы легко овладѣвали такимъ Княземъ. Между придворными дѣвицами скоро нашелъ онъ себѣ фаворитку Елисавету Романовну Воронцову, во всемъ себѣ достойную. Но удивительно, что первый его любимецъ и адъютантъ Гудовичъ, Андрей Васильевичъ, къ которому онъ питалъ неизмѣнное чувство дружбы, былъ достопочтенный молодой человѣкъ и прямо ему преданъ.

Итакъ, союзъ супружества, видимо, началъ раздѣляться, когда графъ Понятовскій въ одномъ загородномъ домѣ, идучи прямо къ Великой Княгинѣ, безъ всякой побудительной причины быть въ томъ мѣстѣ, попался въ руки мужа. Понятовскій, Министръ Иностраннаго Двора, въ предстоящей опасности противопоставлялъ права своего званія, и Великій Князь, видя, что такое происшествіе принесетъ безславіе обоимъ Дворамъ, не смѣлъ ничего рѣшить самъ собою, а приказалъ посадить его подъ караулъ и отправилъ курьера къ управляющему тогда Имперіей любимцу. Великая Княгиня, не теряя присутствія духа, пошла къ мужу, рѣшительно во всемъ призналась и представила, сколь непріятно, а можетъ быть и гибельно будетъ для него самого разглашать о такомъ приключеніи. Она оправдывалась, упрекая его въ любви къ другой, что было всѣмъ извѣстно [1]), и обѣщалась впредь обходиться съ этою дѣвицею со всею внимательностью, въ которой она по гордости своей до сихъ поръ ей отказывала. Но такъ какъ всѣ доходы Великаго Князя употребляемы были на солдатъ и ему не доставало средствъ, чтобы увеличить состояніе своей любовницы, то она, обращаясь къ ней, обѣщала давать ей ежегодное жалованье. Великій Князь, удивляясь вліянію, котораго она еще на него не имѣла, и убѣждаемый въ то же время просьбами своей любезной, смотрѣлъ сквозь пальцы на бѣгство

[1]) И подробно въ ея запискахъ и запискахъ Дашковой.

Понятовскаго и самъ старался загладить стыдъ, который хотѣлъ причинить [1]).

Случай, долженствующій погубить Великую Княгиню, доставилъ ей большую безопасность и способъ держать на своемъ жалованьѣ и самую любовницу своего мужа; она сдѣлалась отважнѣе на новые замыслы и начала обнаруживать всю нелѣпость своего мужа, столь же тщательно, сколь сперва старалась ее таить. Она совершенно перемѣнила систему и въ будущемъ, избравъ своего сына орудіемъ своего честолюбія, она вознамѣрилась доставить ему корону и пользоваться правомъ регентства; начертаніе благоразумное и въ совершенной точности сообразное съ законами Имперіи. Но надлежало, чтобъ сама Елисавета отрѣшила своего племянника. Государыня кроткая, нерѣшительная, суевѣрная, которая, подписывая однажды мирный договоръ съ иностраннымъ дворомъ, не докончила подписи потому, что шмель сѣлъ ей на перо; въ племянникѣ своемъ она уважала тѣ же права, какими воспользовалась сама. Оставалось одно средство, чтобы при кончинѣ ея подмѣнить завѣщаніе, — средство, которому бывали примѣры и между монархами и по которому Адріанъ наслѣдовалъ Траяну.

Между тѣмъ, какъ замышляли сію хитрость, переворотъ въ общихъ дѣлахъ Европы похитилъ у Великой Княгини нужнаго ей повѣреннаго, великаго канцлера Бестужева, котораго перемѣна придворныхъ связей лишила мѣста. Его отдаленіе влекло за собой и графа Понятовскаго, котораго отозвали къ своему королю, и Великая Княгиня съ чувствомъ глубочайшей горести у ногъ Императрицы тщетно умоляла ее со слезами возвратить ей графа, на котораго сама Елисавета взирала съ безпокойною завистью; Кн. начала жить при Дворѣ, какъ въ пустынѣ.

Такимъ образомъ она провела нѣсколько лѣтъ, имѣя извѣстныя связи только съ молодыми женщинами, которыя такъ же, какъ и она, любили поляковъ и были худо приняты при большомъ Дворѣ за юныя свои прелести; она вставала всегда на разсвѣтѣ и цѣлые дни просиживала за чтеніемъ полезныхъ французскихъ книгъ, часто въ уединеніи и не теряя-

---

[1]) Этотъ эпизодъ разсказанъ самимъ Понятовскимъ; отрывокъ изъ его записокъ напечатанъ Академіей Наукъ. См. XII т. соч. Екатерины. СПБ. 1907 г.

никогда времени ни за столомъ, ни за туалетомъ. Въ сіе-то время положила она основаніе будущему своему величію. Она признавалась, что уроками всей своей тонкости обязана была одной изъ своихъ дамъ, простой и не замѣчательной наружности. Въ сіе-то время заготовила она на нужный случай друзей; значительныя особы убѣждались, по тайнымъ съ нею связямъ, что онѣ были бы гораздо важнѣе во время ея правленія; и поелику подъ завѣсою злополучной страсти происходили нѣкоторыя утѣшительныя свиданія, то многимъ показалось, что при ея Дворѣ они вошли бы въ особенную къ ней милость. Таково было ея положеніе, когда скончалась Императрица Елисавета, 5 января 1762 г.

Оставляя до времени исполненіе великихъ предначертаній, она старалась въ сію минуту еще разъ получить свою власть кратчайшими средствами.

Министры, духовникъ, любимецъ, слуги — всѣ внушали умирающей Императрицѣ желаніе примирить Великаго Князя съ женою. Намѣреніе увѣнчалось успѣхомъ и наслѣдникъ престола въ настоящихъ хлопотахъ, казалось, возвратилъ ей прежнюю свою довѣренность. Она убѣдила его, чтобы не гвардейскіе полки провозглашали его, говоря: «что въ семъ обыкновеніи видимо древнее варварство и для нынѣшнихъ Россіянъ гораздо почтеннѣе», если новый государь признанъ будетъ въ Сенатѣ, въ полномъ увѣреніи, что въ Правленіи, гдѣ будутъ соблюдаемы формы, подчинитъ скоро все своей волѣ; министры были на ея сторонѣ, сенаторы предупреждены. Она сочинила рѣчь, которую ему надлежало произнесть [1]). Но едва скончалась Елисавета, Императоръ въ восторгѣ радости немедленно явился гвардіи и ободренный восклицаніями, деспотически принявъ полную власть, опровергъ всѣ противополагаемыя ему препятствія. Уничтоживъ навсегда вліяніе жены, каждый день вооружался противъ нея новымъ гнѣвомъ, почти отвергалъ своего сына, не признавая его своимъ наслѣдникомъ, и принудилъ такимъ образомъ Екатерину прибѣгнуть къ посредству своей отважности и друзей.

Петръ III началъ свое царствованіе манифестомъ, въ которомъ полною деспотическою властью дарилъ Россійское

---

[1]) Екатериной была написана инструкція поведенія Петра III на случай смерти Елисаветы Петровны. См. ниже.

Дворянство правами свободныхъ народовъ, и какъ будто въ самомъ дѣлѣ права народныя зависѣли отъ подобныхъ пожертвованій — сей манифестъ произвелъ восторги столь безпредѣльной радости, что легковѣрная нація предположила вылить въ честь его золотую статую. Но сія свобода, которую на первый разъ понимали только по имени и которой права неспособенъ былъ постановить подобный Государь, была не иное что, какъ минутная мечта. Воля самодержавца безъ всякой формы не переставала быть единственнымъ закономъ и народъ, неосновательно мечтавшій о какомъ-то благѣ, но его не понималъ, огорчился, видя себя обманутымъ.

Художникъ, долженствовавшій вырѣзывать новыя монеты, представилъ рисунокъ Императору. Сохраняя главныя черты его лица, старались ихъ облагородствовать. Лавровая вѣтвь небрежно украшала длинные локоны распущенныхъ волосъ. Онъ, бросивъ рисунокъ, вскричалъ: «я буду похожъ на французскаго Короля». Онъ хотѣлъ непремѣнно видѣть себя во всемъ натуральномъ безобразіи, въ солдатской прическѣ и столь неприличномъ величію престола образѣ, что сіи монеты сдѣлались предметомъ посмѣянія и, расходясь по всей Имперіи, произвели первый подрывъ народнаго почтенія.

Въ то же время онъ возвратилъ изъ Сибири толпу тѣхъ несчастныхъ, которыми въ продолженіе столькихъ лѣтъ старались населить ея пустыни, и его Дворъ представлялъ то рѣдкое зрѣлище, котораго, можетъ быть, потомство никогда не увидитъ.

Тамъ показался Бирон, бывшій нѣкогда служитель герцогини Курляндской, пріѣхавшій съ нею въ Россію, когда призвали ее на царство, и, какъ любимецъ Государыни, достигшій до ея самовластія; но, восходя столь скромнымъ путемъ, онъ управляетъ желѣзнымъ скипетромъ и въ девять лѣтъ своего правленія умертвилъ одиннадцать тысячъ человѣкъ.

Сіе ужасное владычество было въ самую блистательную эпоху, ибо всѣ государственныя части, чины и должности находились тогда въ рукахъ знаменитыхъ иноземцевъ, которыхъ Петръ I избиралъ во время своихъ путешествій. Долговременныя занятія возвели ихъ на главныя мѣста во всѣхъ заведеніяхъ, и Бирон, такой же иноземецъ, удерживая ихъ честолюбіе подъ игомъ строгости, подчинилъ ихъ власти

всю Россійскую націю. Насильственно сдѣлавшись обладателемъ Курляндіи, гдѣ Дворянство на нѣсколько предъ симъ лѣтъ не хотѣло принять его въ свое сословіе, онъ вознамѣрился сдѣлаться правителемъ Россійской Имперіи съ неограниченною властію. Его возлюбленная, избравъ при смерти своимъ наслѣдникомъ ребенка нѣсколькихъ недѣль, говорила ему со слезами: «Бирон, ты пропадешь!»—и не имѣла духа отказать ему. На сей разъ все было предусмотрѣно. Онъ незадолго предъ симъ тирански погубилъ всѣхъ тѣхъ ссыльныхъ, которые были для него опасны, дабы, принявъ бразды правленія, безбѣдно явить себя милосерднымъ. Въ жертву народной ненависти приказалъ онъ казнить одного изъ своихъ приверженцевъ, заткнувъ ему ротъ и обвинивъ его во всѣхъ мерзостяхъ, учиненныхъ въ сіе царствованіе. Онъ хотѣлъ присвоить себѣ корону, но погибъ при первомъ заговорѣ. Три недѣли верховной власти стоили ему двадцатилѣтней ссылки. Онъ возвратился оттуда подъ старость лѣтъ, не потерявъ ни прежней красоты, ни силы, ни черты лица, которыя были грубы и суровы. Въ лѣтнія ночи уединенно прогуливался онъ по улицамъ города, гдѣ онъ царствовалъ и гдѣ все, что ни встрѣчалось, вопило къ нему за кровь брата или друга. Онъ мечталъ еще возвратиться обладателемъ въ свое отечество, и когда Петръ III сверженъ былъ съ престола, Бирон говорилъ: «что снисходительность была важнѣйшею ошибкою сего Государя и что русскими должно повелѣвать не иначе, какъ кнутомъ или топоромъ».

Тутъ явился низложившій Бирона фельдмаршалъ Минихъ, дворянинъ графства Ольденбургскаго, бывшій поручикъ инфантеріи въ арміяхъ Евгенія и Мареборуго и обоими уважаемый, онъ сдѣлался пустымъ инженеромъ, когда на досугѣ зимнихъ квартиръ попалось ему разбитыхъ изорванныхъ листовъ негодной французской геометріи; превзошедъ дарованіями всѣхъ отличныхъ людей, съ которыми Петръ Великій привлекъ его на свою сторону, онъ прославился въ Россіи проведеніемъ канала, соединяющаго Петербургъ съ древнею столицею, и извѣстенъ въ Европѣ побѣдами, одержимыми имъ надъ поляками, татарами и турками.

По взятіи города Данцига, откуда осажденный имъ король Станиславъ успѣлъ убѣжать, Бирон-правитель, упрекая его въ сей оплошности, приказалъ судить его тайнымъ государственнымъ судомъ.

Минихъ, оправданный, не забылъ сего зла и чрезъ 8 лѣтъ, когда родители Іоанна предложили ему вступить въ заговоръ противъ регента Бирона, въ отвѣтъ взялъ у нихъ стражу, вошелъ во дворецъ и приказалъ его связать. Званіе сіе возложилъ онъ на мать Императора и подъ именемъ ея управлялъ нѣсколько времени Имперіею; но, будучи ненавидимъ сею высокомѣрною женщиною, онъ удалился со славою и жилъ въ уединеніи и съ достоинствомъ. Сіе однако жъ не избавило его отъ ареста и суда вмѣстѣ съ прежнею министеріею, когда получила престолъ Елисавета; спокойно онъ вошелъ на эшафотъ, гдѣ надлежало рубить его на части, и съ тѣмъ же лицомъ получилъ себѣ прощеніе. Сосланный въ Сибирь и хранимый предъ глазами въ уединенномъ домикѣ, посреди болота, его угрозы, а иногда одно имя заставляло еще трепетать правителей сосѣдственныхъ сторонъ, и искусство, которому онъ былъ обязанъ первымъ своимъ возвышеніемъ, сдѣлалось утѣхою долговременнаго его уединенія. На 82-мъ году возвратился онъ изъ ссылки съ рѣдкою въ таковыхъ лѣтахъ бодростію, не зная, что у него былъ сынъ, и тридцать три человѣка его потомства выступили къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями; при такомъ свиданіи тотъ, котораго не трогали тлѣніе, перевороты счастія, къ удивленію своему плакалъ.

Съ того времени, какъ Минихъ связалъ Бирона, оспаривая у него верховную власть, въ первый разъ увидѣлись они въ веселой и шумной толпѣ, окружавшей Петра III, и Государь, созвавъ ихъ, убѣждалъ выпить вмѣстѣ. Онъ приказалъ принести три стакана и, между тѣмъ, какъ онъ держалъ свой, ему сказали нѣчто на ухо; онъ выслушалъ, выпилъ и тотчасъ побѣжалъ, куда слѣдовало. Долговременные враги остались одинъ противъ другого со стаканами въ рукахъ, не говоря ни слова, устремивъ глаза въ ту сторону, куда скрылся Императоръ, и думая, что онъ о нихъ забылъ, пристально смотрѣли другъ на друга, измѣряли себя глазами и, отдавъ обратно полные стаканы, обратились другъ къ другу спиною.

Недалеко отъ нихъ стоялъ Лестокъ, низложившій правительницу и возведшій на престолъ Елисавету. Лестокъ, уроженецъ Ганноверской, обучаясь хирургіи въ Парижѣ, попалъ въ Бастилію, потомъ пріѣхалъ въ Россію искать своего счастія и скоро очутился въ Сибири. По возвраще-

ніи изъ первой ссылки онъ сдѣлался хирургомъ Великой Княгини Елисаветы, которой, представивъ права ея на тронъ, въ продолженіе года ревностно трудился въ заговорѣ, привлекъ одинъ на свою сторону Швецію и Францію и, видя его открытымъ, между тѣмъ какъ Елисавета въ столь очевидной опасности не находила другого средства, какъ отказаться отъ всѣхъ своихъ предпріятій, онъ нарисовалъ Великую Княгиню на картѣ съ обритою головою и себя на

Горы для катанія въ Ораніенбаумскомъ саду.

колесѣ, а на другой сторонѣ ее на престолѣ, а себя у подножія, украшеннаго лентою, и, показывая ей ту и другую сторону, сказалъ: «сего же вечера одно, или завтра другое». Въ ту же самую ночь онъ повелъ ее во дворецъ съ сотнею старыхъ солдатъ, которые служили Петру I, ея родителю. Они достигли первой караульни, гдѣ ударили тревогу, но Лестокъ или Великая Княгиня порвала ножемъ кожу на барабанѣ,—присутствіе духа, за честь котораго они всегда спорили. Стража, охранявшая комнату бывшаго въ колыбели

Императора, остановила Елисавету и приставила къ груди штыкъ. Лестокъ вскричалъ: «несчастный, что ты дѣлаешь? проси помилованія у своей Императрицы», и часовой повергся къ ногамъ. Такимъ образомъ, возведъ на престолъ Великую Княгиню, руководимый безпокойнымъ своимъ геніемъ и затѣвая всегда новыя связи съ иностранными державами, онъ скоро погибъ отъ министровъ. По возвращеніи его, когда заговоръ Императрицы Екатерины увѣнчался успѣхомъ, онъ неутѣшно сокрушался о томъ, что въ его время была революція безъ его участія, и съ злобною радостію замѣчалъ ошибки неопытныхъ заговорщиковъ.

Такимъ образомъ всякій день являлись замѣченныя (замѣчательныя) по крайней мѣрѣ по долговременнымъ несчастіямъ лица и Дворъ Петра III пополнялся числомъ людей, одолженныхъ ему болѣе, нежели жизнію; но въ то же время возрождались въ немъ и прежнія вражды и несовмѣстныя выгоды. Потерявъ все во время несчастія, сіи страдальцы требовали возвращенія своихъ имуществъ; имъ показывали огромные магазины, гдѣ по обыкновенію сей земли хранились отобранныя у нихъ вещи, печальные остатки разрушеннаго благосостоянія, гдѣ по порядку времени представлялись обломки сихъ знаменитыхъ кораблекрушеній. Въ пыли искали они драгоцѣнныхъ своихъ приборовъ, брилліантовыхъ знаковъ отличія, даровъ, какими сами цари платили нѣкогда имъ за вѣрность, и часто послѣ безполезныхъ исканій они узнавали ихъ у любимцевъ послѣдняго царствованія.

Петръ III клонился къ своему паденію поступками, въ основаніи своемъ добрыми; они были ему гибельны по его безвременной торопливости и впослѣдствіи совершены съ успѣхомъ и славою его супругою. Такъ, напримѣръ, небезполезно было для блага государства отнять у духовенства несмѣтныя богатства, и Екатерина по смерти его, привлекши на свою сторону нѣкоторыхъ главнѣйшихъ и одаривъ ихъ особенными пансіонами болѣе, нежели чего лишила, безъ труда выполнила сію опасную новизну. Но Петръ III своенравіемъ чистаго деспотизма, приказавъ сіе исполнить, возмутилъ суевѣрный народъ и духовенство, коего главныя имущества состояли въ крѣпостныхъ крестьянахъ, возбуждали ихъ къ мятежу и льстили имъ молитвами и отпущеніями грѣховъ.

Довѣренность, которую пріобрѣла сія Государыня въ Европѣ, и силу въ сосѣдственныхъ державахъ основала она на союзѣ съ королемъ Прусскимъ, и сей самый союзъ, предметъ и цѣль ея мужа, возбудилъ противъ него справедливое негодованіе. Дѣйствительно, въ то время, какъ Россія, союзница сильнѣйшихъ державъ, вела съ нимъ кровопролитную и упорную войну, Петръ, исполненный глупой страсти къ героизму, тайно принялъ чинъ полковника въ его службѣ и измѣнялъ для него союзнымъ планамъ. Какъ скоро сдѣлался онъ Императоромъ, то явно называлъ его: «Король мой государь!» и сей герой въ роковую минуту, въ которую, казалось, никакія силы удивительнаго его генія не въ состояніи были отвратить предстоявшей ему гибели, симъ счастливымъ переворотомъ вдругъ увидѣлъ себя въ наилучшемъ положеніи, побѣдители его русскіе переходили въ его армію, и онъ въ награду почтилъ Императора чиномъ своего генерала. Но русская нація, повинуясь, негодовала, что должна еще проливать кровь, чтобы возвратить свои побѣды, и въ долговременномъ навыкѣ, питая ненависть къ имени Прусскому, видѣла въ своемъ Государѣ союзника своему врагу.

Петръ, усугубляя безпрестанно таковыя же неудовольствія, прислалъ въ Сенатъ новые свои законы, извѣстные подъ именемъ Кодекса Фридерикова, кои король Прусскій сочинялъ для своего государства. Былъ приказъ руководствоваться ими во всей Россіи. Но по невѣжеству переводчиковъ или по необразованности русскаго языка — бѣднаго выраженіями въ юридическихъ понятіяхъ, ни одинъ сенаторъ не понималъ сего творенія и русскіе въ тщательномъ опытѣ семъ видѣли только явное презрѣніе къ своимъ обыкновеніямъ и слѣпую привязанность къ чужеземнымъ нравамъ. Въ народѣ, не имѣвшемъ благоразумныхъ законовъ, въ народѣ, у коего узаконенная форма уголовныхъ слѣдствій допускала бить обвиняемаго, пока не признается въ своемъ преступленіи, и если упорно отрекался, то бить обвинителя, пока не сознается въ лжесвидѣтельствѣ, — въ такомъ, говорю, народѣ нельзя сказать, чтобъ подобная привязанность не была полезна. Безъ сомнѣнія, обязанность монарха извлечь его изъ такого варварства; и поелику столь неосторожно предприняты имъ планы были, потомъ благоразумно выполнены его супругою, то надобно думать, что они были

предначертаны съ общаго согласія въ счастливыхъ минутахъ ихъ супружества. Оставляемъ политикамъ трудъ сравнивать два столь несходныя, хотя на одинакихъ основаніяхъ правленія, замѣчать, какъ сія Государыня, истребляя всѣ русскіе обычаи, умѣла искусно заставить забывать, что она иностранка; и, наконецъ, изслѣдовать, не облегчились ли для его наслѣдницы способы исполненія тѣхъ же самыхъ начертаній, которыя совсѣмъ не удались Императору и стоили ему жизни послѣ всѣхъ его усилій.

Негодованіе скоро овладѣло гвардейскими полками, истинными располагателями престола.

Сіи войска, привыкшія съ давнихъ лѣтъ къ покойной службѣ при Дворѣ, въ царствованіе по наслѣдственному праву женщинъ, получили приказъ слѣдовать за государемъ на отдаленную войну, и, съ сожалѣніемъ оставляя столицу, противъ воли приготовлялись въ походъ. Минута, близкая къ мятежу и всегда благопріятная тому, кто захочетъ поднять въ войскѣ знамя бунта. Императоръ велъ ихъ въ Голштинію, желая воспользоваться могуществомъ, отмстить обиды, нанесенныя предкамъ его Даніею, и возвратить прежнему своему участку всѣ отнятыя у него земли и независимость. Самая лестная цѣль сего похода долженствовала быть—свиданіе на пути съ королемъ Прусскимъ; мѣсто было назначено.

Всѣ опасались, чтобы герой, имѣвшій такую власть надъ изступленнымъ своимъ почитателемъ, не потребовалъ отъ него при первомъ случаѣ новой арміи изъ сотни тысячъ русскихъ, и цѣлая Европа, внимательно наблюдая сіе происшествіе, опасалась революціи.

Однако въ городѣ думали только о праздникахъ. Торжество мира происходило при военныхъ приготовленіяхъ. Неистовая радость наполняла царскіе чертоги, и такъ какъ близокъ былъ день отъѣзда въ армію, то Дворъ при прощаніи своемъ не пропустилъ ни одного дня безъ удовольствій. Праздность, веселость и развлеченіе составляютъ свойство русскаго народа, и хотя кротость послѣдняго царствованія сообщила нѣкоторую образованность умамъ и благопристойность нравамъ, но Дворъ еще помнилъ грубое удовольствіе, когда праздновалась свадьба Шута и Козы. Итакъ, видъ и обращеніе народное представляли шумныя пиршества и полугодичное царствованіе сіе было безпрерывнымъ праздне-

ствомъ. Прелестныя женщины разоряли себя англійскимъ пивомъ и, сидя въ табачномъ чаду, не имѣли позволенія отлучаться къ себѣ ни на одну минуту въ сутки. Истощивъ свои силы отъ движенія и бодрствованія, онѣ кидались на софы и засыпали среди сихъ шумныхъ радостей. Комедіантки и танцовщицы, совершенно постороннія, нерѣдко допускались на публичные праздники и когда придворныя дамы посредствомъ любимицы жаловались на сіе Императору, онъ отвѣчалъ, что—«между женщинами нѣтъ чиновъ».

Въ шуму праздниковъ и даже въ самомъ короткомъ обхожденіи съ русскими онъ явно обнаруживалъ къ нимъ свое презрѣніе безпрестанными насмѣшками. Чудное соединеніе справедливости и закоренѣлаго зла, величія и глупости видимо было при Дворѣ его. Двое изъ ближайшихъ къ нему любимцевъ, обѣщавъ за деньги ходатайствовать у него, были жестоко биты изъ собственныхъ его рукъ; онъ отнялъ у нихъ деньги и продолжалъ обходиться съ ними съ прежнею милостію. Иностранецъ доносилъ ему о нѣкоторыхъ возмутительныхъ словахъ, онъ отвѣчалъ, что ненавидитъ донощиковъ, и приказалъ его наказать. За придворными пиршествами слѣдовали ужасныя экзерциціи, которыми онъ изнурялъ солдатъ. Его страсть къ военной тактикѣ не знала никакой мѣры; онъ желалъ, чтобы безпрерывный пушечный громъ представлялъ ему наперед военныя дѣйствія, и мирная столица уподоблялась осажденному городу. Онъ приказалъ однажды сдѣлать залпъ изъ ста осадныхъ орудій, и, дабы отклонить его отъ сей забавы, надлежало ему представить, что онъ разрушитъ городъ. Часто, выскочивъ изъза стола со стаканомъ въ рукѣ, онъ бросался на колѣни предъ престоломъ короля Прусскаго и кричалъ: «любезный братъ, мы покоримъ съ тобою всю вселенную». Посланника его онъ принялъ къ себѣ въ особенную милость и хотѣлъ, чтобы онъ до отъѣзда въ походъ пользовался при Дворѣ благосклонностію всѣхъ молодыхъ женщинъ. Онъ запиралъ его съ ними и съ обнаженною шпагою становился на караулъ у дверей; и когда въ такое время явился къ нему великій государственный канцлеръ съ дѣлами, тогда онъ сказалъ ему: «отдавайте свой отчетъ принцу Георгу, вы видите, что я солдатъ». Принцъ Георгъ Голштинскаго Дома былъ ему дядя, служившій генералъ-лейтенантомъ у короля Прусскаго; ему - то онъ иногда говорилъ публично: «дядюшка,

ты плохой генералъ, король выключилъ тебя изъ службы». Какъ ни презрительно было таковое къ нему чувство, онъ повѣрялъ однако все сему принцу по родственной любви къ своей фамиліи. Въ то время, когда уже былъ лишенъ престола, онъ хотѣлъ сдѣлать его обладателемъ, принудивъ Бирона уступить ему такъ называемыя права свои на герцогство Курляндское и еще съ самаго начала своего царствованія, не кстати повинуясь сему родственному чувствованію, къ сожалѣнію всѣхъ русскихъ, онъ вызвалъ къ себѣ всѣхъ принцевъ и принцессъ сего многочисленнаго Дома [1]).

Взоры всѣхъ обратились на Императрицу; но сія Государыня, повидимому, уединенная и спокойная, не внушала никакого подозрѣнія. Во время похоронъ покойной Императрицы, она пріобрѣла любовь народа примѣрною набожностію и ревностнымъ храненіемъ обрядовъ греческой церкви, болѣе наружныхъ, нежели нравственныхъ. Она старалась привлечь къ себѣ любовь солдатъ единственнымъ средствомъ, возможнымъ въ ея единеніи, разговаривая милостиво съ наружными и давая цѣловать имъ свою руку. Однажды проходя темную галлерею, караульный отдалъ ей честь ружьемъ; она спросила, почему онъ ее узналъ, — онъ отвѣчалъ въ русскомъ, нѣсколько восточномъ вкусѣ: «кто тебя не узнаетъ, матушка наша? Ты освѣщаешь всѣ мѣста, которыми проходишь». Она выслала ему золотую монету, и повѣренный ея склонилъ его въ свою партію. Получивъ обиду отъ Императора, всякій разъ, когда надобно ей было явиться при Дворѣ, она, казалось, ожидала крайнихъ жестокостей. Иногда при всѣхъ, какъ будто противъ ея воли, навертывались у ней слезы, и она, возбуждая всеобщее сожалѣніе, пріобрѣла новое себѣ средство. Тайные соучастники разглашали о ея бѣдствіяхъ и казалось, что она въ самомъ дѣлѣ оставлена въ такомъ небреженіи и въ такомъ недовѣріи, что лишена всякой силы въ хозяйственномъ распоряженіи и будто служители ея повинуются ей только изъ усердія.

---

[1]) Бартеневъ на примѣчаніе Людовика пишетъ: «Конечно, французскій король не могъ понять, что воцареніе Екатерины было дѣломъ воли народа, выраженной лучшими его представителями, во главѣ съ духовенствомъ. Оно, кромѣ того, было схоже съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича; тогда освобождались отъ поляковъ, *«въ 1762 году отъ голштинцевъ»*. *«Рус. Арх.»* 1905 г.

Если судить о ея замыслахъ по ея бѣдствіямъ и оправдывать ея рѣшительность опасными ожиданіями, то надобно спросить, какія именно были противъ нея намѣренія ея мужа? Какъ ихъ точно опредѣлить? Такой человѣкъ не имѣлъ твердаго намѣренія, но поступки его были опасны. Извѣстнѣе всего то, что онъ хотѣлъ даровать свободу несчастному Іоанну и признать его наслѣдникомъ престола, что въ семъ намѣреніи онъ приказалъ привести его въ ближайшую къ Петербургу крѣпость и посѣщалъ его въ тюрьмѣ. Онъ вызвалъ изъ чужихъ странъ графа Салтыкова, того... который по мнимой надобности въ наслѣдственной линіи былъ избранъ для Императрицы, и принуждалъ его объявить себя публично отцомъ Великаго Князя, рѣшившись, казалось, не признавать сего ребенка. Его возлюбленная начинала безмѣрно горячиться. Во дворцѣ говорили о разводѣ молодыхъ дамъ, которыя приносили справедливыя жалобы на своихъ мужей. Императоръ точно приказалъ изготовить 12 кроватей, во всѣмъ равныхъ, для какихъ-то 12-ти свадебъ, изъ коихъ не было въ виду ни одной. Уже слышны были однѣ жалобы, роптаніе и уловки людей, взаимно другъ друга испытывавшихъ.

Въ уединенныхъ прогулкахъ Императрица встрѣчалась задумчивою, но печальною. Проницательный глазъ примѣтилъ бы на лицѣ ея холодную великость, подъ которою скрываются великія намѣренія. Въ народѣ пробѣгали возмутительные слухи, искусно разсѣянные для вѣрнѣйшаго его возмущенія. Это былъ отдаленный шумъ предмета ужасной бури, и публика съ безпокойствомъ ожидала рѣшительной перемѣны отъ великаго переворота, слыша со всѣхъ сторонъ, что погибель Императрицы неизбѣжна, и чувствуя также, что революція приготовлялась. Посреди всеобщаго участія въ судьбѣ Императрицы ужаснѣе всего казалось то, что не видно было въ ея пользу никакого сборища и не было въ виду ни одного защитника; безсиліе вельможъ, ненадежность всѣхъ извѣстныхъ людей не дозволяли ни на комъ остановить взоровъ, между тѣмъ какъ все сіе произведено было человѣкомъ, доселѣ неизвѣстнымъ и скрытымъ отъ всеобщаго вниманія.

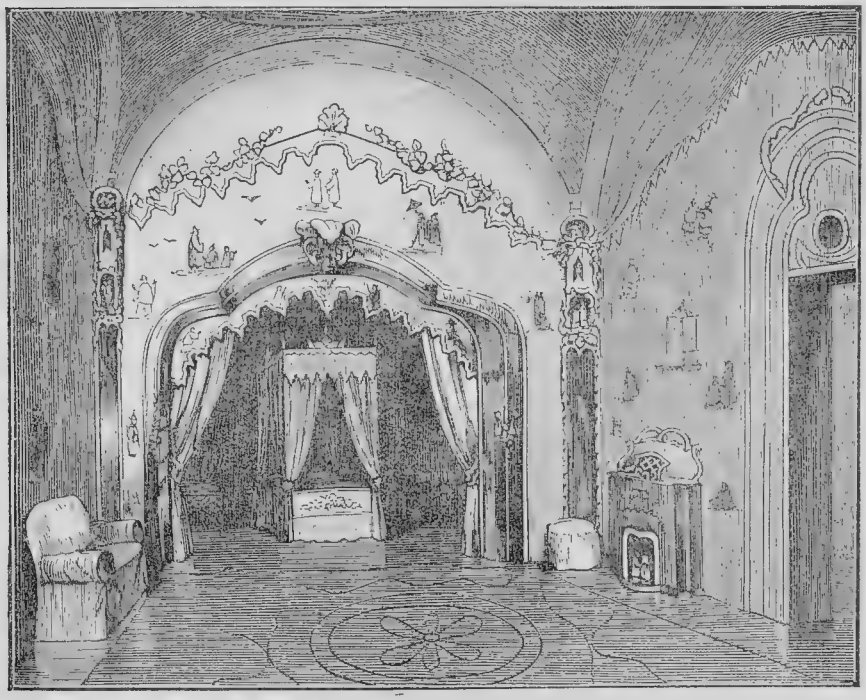
Григорій Григорьевичъ Орловъ, мужчина странъ сѣверныхъ, не весьма знатнаго происхожденія, дворянинъ, если угодно, потому что имѣлъ нѣсколько крѣпостныхъ кресть-

янъ и братьевъ, служившихъ солдатами въ полкахъ гвардейскихъ, былъ избранъ въ адъютанты къ начальнику артиллеріи графу Петру Ивановичу Шувалову, роскошнѣйшему изъ вельможъ русскихъ. По обыкновенію сей земли генералы имѣютъ во всякое время при себѣ своихъ адъютантовъ; они сидятъ у нихъ въ передней, ѣздятъ верхомъ при каретѣ и составляютъ домашнее общество. Выгода прекрасной наружности, по которой избранъ Орловъ, скоро была причиною его несчастія. Княгиня Куракина, одна изъ отличныхъ придворныхъ щеголихъ, темноволосая и бѣлолицая, живая и остроумная красавица извѣстна была въ свѣтѣ, какъ любовница генерала, а на самомъ дѣлѣ его адъютанта. Генералъ былъ столь разсѣянъ, что не ревновалъ; но надлежало уступить очевидному доказательству: по несчастію онъ засталъ его. Адъютантъ былъ выгнанъ и вѣрно былъ бы сосланъ навсегда въ Сибирь, если бы невидимая рука не спасла его отъ погибели. Это была Великая Княгиня. Слухъ о семъ происшествіи достигъ ушей ея въ томъ уединеніи, которое она избрала себѣ еще до кончины Императрицы Елисаветы. Что было говорено о семъ прекрасномъ несчастливцѣ, увѣряли ее, что онъ достоинъ ея покровительства; при томъ же княгиня Куракина была такъ извѣстна, что можно всякій разъ, завязавъ глаза, принять въ любовники того, который былъ у нея.

Голштинскія войска при Петрѣ III.

Горничная, женщина ловкая и любимая, Екатерина Ивановна, употреблена была въ посредство, приняла всѣ предосторожности, какія предусмотрительная недовѣрчивость

внушить можетъ, и Орловъ, любимецъ прекрасной незнакомки, не зная всего своего счастія, былъ уже благополучнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Что жъ чувствовалъ онъ тогда, когда въ блескѣ публичной церемоніи увидѣлъ онъ на тронѣ обожаемую имъ красоту? Однако же, онъ тѣмъ не болѣе сталъ извѣстенъ. Вкусъ, привычка или обдуманный планъ, но онъ жилъ всегда съ солдатами, и хотя по смерти генерала она доставила ему мѣсто артиллерійскаго казначея съ чиномъ капитана, но онъ не перемѣнилъ образъ своей жизни, употребляя свои деньги, чтобы привязать къ себѣ дружбою большее число солдатъ. Однако, онъ вездѣ слѣдовалъ за



Спальня Екатерины въ Ораніенбаумѣ.

своею любезною, вездѣ былъ передъ ея глазами и никогда извѣстныя сношенія не производились съ такимъ искусствомъ и благоразуміемъ. При Дворѣ недовѣрчивомъ она жила безъ подозрѣнія, и только тогда, когда Орловъ явился на высшей степени, придворные признались въ своей оплошности, припоминали себѣ условленные знаки и случаи, по которымъ все долженствовало бы объясниться. Слѣдствіемъ сихъ позд-

нихъ замѣчаній было то, что они давно имѣли удовольствіе понимать другъ друга, не открывъ ничего своею нескромностью. Такимъ-то образомъ жила Великая Княгиня, между тѣмъ какъ цѣлая Европа удивлялась благородству ея сердца и нѣсколько романическому постоянству.

Княгиня Екатирина Романовна Дашкова была младшая изъ трехъ знаменитыхъ сестеръ, изъ коихъ первая графиня Бутурлина прославилась въ путешествіяхъ по Европѣ своею красотою, умомъ и любезностью, а другая Елисавета Воронцова, которую Великій Князь избралъ между придворными дѣвицами или фрейлинами. Всѣ онѣ были племянницы новаго великаго канцлера гр. Воронцова, который, достигнувъ сей степени тридцатилѣтнею искательностью, услугами и гибкостію, наслаждался ею въ безпорядкѣ и роскоши и не доставлялъ ничего своимъ племянницамъ, кромѣ своей случайности. Первыя двѣ были приняты ко Двору, а младшая воспитывалась при немъ. Она видала тутъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, но съ 15-ти лѣтъ желала разговаривать только съ республиканскими. Она явно роптала противъ русскаго деспотизма и изъявляла желаніе жить въ Голландіи, въ которой хвалила гражданскую свободу и терпимость вѣроисповѣданій. Страсть ея къ славѣ еще болѣе обнаруживалась; примѣчательно, что въ странѣ, гдѣ бѣлилы и румяны были у дамъ во всеобщемъ употребленіи, гдѣ женщина не подойдетъ безъ румянъ подъ окно просить милостыни, гдѣ въ самомъ языкѣ слово красный есть выраженіе отличной красоты, и гдѣ въ деревенскихъ гостинцахъ, подносимыхъ своимъ помѣщикамъ, необходимо по порядку долженствовала быть банка бѣлилъ, въ такой, говорю, странѣ 15-тилѣтняя дѣвица Воронцова отказалась повиноваться навсегда сему обычаю. Однажды Князь Дашковъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ придворныхъ, забавлялъ ее разговоромъ въ лестныхъ на своемъ языкѣ выраженіяхъ, она подозвала великаго канцлера съ сими словами: «Дядюшка! Князь Дашковъ мнѣ дѣлаетъ честь своимъ предложеніемъ и проситъ моей руки» [1]). Собственно говоря, это была правда и молодой человѣкъ, не смѣя открыть первому въ государствѣ человѣку, что сдѣланное имъ его племянницѣ пред-

[1]) *Дашкова замѣчаетъ*: Я никогда не думала и не говорила, чтобы князь Дашковъ дѣлалъ мнѣ великую честь, пожелавъ на мнѣ жениться, и если кто изъ насъ такъ думалъ, то, конечно, не я.

ложеніе, не совсѣмъ было такое, на ней женился и отправилъ ее въ Москву за 200 миль; она провела тамъ 2 года въ отборномъ обществѣ умнѣйшихъ людей; но сестра ея, любовница Великаго Князя, жила какъ солдатка, безъ всякой пользы для своихъ родственниковъ, которые посредствомъ ея ласкъ старались управлять Великимъ Княземъ; но по своенравію и ея неосновательности видѣли ее совершенно неспособною выполнить ихъ намѣренія. Они вспомнили, что Княгиня Дашкова тонкостью и такъ называемою по ихъ гибкостію своего ума удобно выполнитъ ихъ надежды и хитро овладѣваетъ другими, употребили всѣ способы, чтобы возвратить ее ко Двору, который находился тогда внѣ города. Молодая княгиня съ презрѣніемъ смотрѣла на безобразную жизнь своей сестры и всякій день проводила время у Великой Княгини. Обѣ онѣ чувствовали равное отвращеніе къ деспотизму, который всегда былъ предметомъ ихъ разговора, а потому она думала, что нашла страстію любимыя ею чувствованія въ повелительницѣ ея отечества. Но какъ она дѣлала противное тому, чего отъ нея ожидали, то и была принуждена оставить Дворъ съ живѣйшимъ негодованіемъ противъ своихъ родственниковъ и съ пламенною преданностью къ Великой Княгинѣ. Она поселилась въ Петербургѣ, живя скромно и охотнѣе бесѣдуя съ иностранцами, нежели съ русскими, занимая пылкія свои дарованія высшими науками, видя при первомъ взглядѣ, сколь не давали во оныхъ любезные ея соотечественники и обнаруживая въ дружескихъ своихъ разговорахъ, что и страхъ эшафота не будетъ ей никогда преградою. Когда сестра ея готовилась взойти на престолъ, она гнушалась возвышеніемъ своей фамиліи [1]), которое основалось на погибели ея друга, и если удерживалась отъ явнаго роптанія, то причиною тому были рѣшительные планы, кои при самомъ началѣ она себѣ предначертала.

Во всеобщемъ забвеніи сіи-то были двѣ тайныя связи, которыя Императрица про себя сохраняла, и какъ они другъ другу были неизвѣстны, то она управляла въ одно время двумя партіями и никогда ихъ не соединяла, надѣясь одною возмутить гвардію, а другою возстановить вельможъ.

1) *Дашкова замѣчаетъ:* Я не ссорилась съ сестрою и могла легко руководить ею, а черезъ нея и государемъ, ежели бы захотѣла принимать какое-либо участіе въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу.

Орловъ для лучшаго успѣха продолжалъ тотъ же образъ жизни. Его первыми соучастниками были братья и искренній его другъ Бибиковъ. Сіи пять человѣкъ, въ чаяніи новаго счастія или смерти, продали все свое наслѣдство и разсыпались по всѣмъ питейнымъ домамъ. Искусство, съ которымъ Императрица умѣла поставить Орлова хранителемъ артиллерійской казны, доставило имъ знатныя суммы, которыми они могли удовлетворять всѣ прихоти солдатъ. Во всеобщемъ волненіи умовъ не трудно было дать имъ одинакое направленіе; во всѣхъ полкахъ разсѣивали они негодованіе и мятежъ, внушали состраданіе къ Императрицѣ и желаніе жить подъ ея законами. Чтобы увѣрить ее въ первомъ опытѣ, они склонили цѣлыя двѣ роты гвардейскаго Измайловскаго полка и крестнымъ цѣлованіемъ приняли отъ нихъ присягу. На всякій случай хотѣли удостовѣриться даже и въ ихъ полковникѣ, зная, что по характеру своему онъ не способенъ ни измѣнить заговору, ни сдѣлаться его зачинщикомъ.

Это былъ графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій, простой казакъ, который, живучи въ самомъ низкомъ промыслѣ, по брачному состоянію своего брата съ покойной Императрицею, достигъ до такой милости, что для него возстановили ужасное званіе гетмана или верховнаго Малороссійскаго казачьяго предводителя. Сей человѣкъ колоссальной красоты, непричастный ни къ какимъ хитростямъ и изворотамъ, былъ любимъ при Дворѣ за свою сановитость, пользовался милостью Императора и народною любовію за то, что въ почестяхъ и величіи сохранялъ ту простоту нрава, которая ясно показывала, что онъ не забывалъ незнатнаго своего происхожденія; неспособный быть зачинщикомъ, отъ его присутствія въ рѣшительную минуту могъ зависѣть перевѣсъ большинства. Орловъ, котораго онъ никогда не видалъ, осмѣлился потребовать отъ него секретнаго пріема, представилъ глазамъ его всѣ безпорядки Правленія и безъ труда получилъ обѣщаніе, что при первой надобности онъ представится къ услугамъ Императрицы. Разумовскій не принялъ, да отъ него и не требовали другого обязательства. Орловъ, увѣдомивъ о семъ Государыню въ тайныхъ своихъ свиданіяхъ, которыми избѣгали они какъ злословія казармъ, такъ и самаго Двора, и поелику она была тогда въ припадкахъ беременности, о которой она никому не сказывала,

то одна завѣса скрыла и любовь ея съ нимъ и единомыслiе.

Съ другой стороны Императрица поддерживала свою связь съ княгиней Дашковой безпрестанными записками, которыя сначала были не что иное, какъ игра юныхъ умовъ, а потомъ сдѣлались опасною перепискою. Сiя женщина, давъ своему мужу порученiе, чтобы избавиться труда объяснять ему свои поступки, а можетъ быть для того, чтобъ удалить его отъ опасностей, которымъ сама подвергалась, притворилась нездоровою, и какъ бы для употребленiя водъ выѣхала жить въ ближайшiй къ городу садъ, гдѣ, принимая многочисленныя посѣщенiя, избавилась всякаго подозрѣнiя.

Недовольные главы духовенства, и въ особенности архiепископъ Новгородскiй, при первомъ словѣ обѣщали со стороны своей всякое пособiе. Между вельможами искала она прежнiе происки Императрицы и съ нѣкоторыми только возобновила ихъ опять.

Одинъ только человѣкъ, который по званiю своему казался необходимъ для той и другой партiи, графъ Разумовскiй; но Императрица, тайно увѣрившись въ немъ, предупредила княгиню, «что уже не нужно было ему объ этомъ говорить, что съ давняго времени онъ обѣщалъ уже ей свое содѣйствiе, когда то будетъ нужно, что она, зная его слишкомъ твердо, полагается на его обѣщанiе и что надобно только увѣдомить его въ рѣшительную минуту». Слова сiи, доказывающiя и благоразумную осмотрительность и великодушную довѣренность, чистосердечно были приняты довѣрчивою княгинею и легко отвратили ее отъ единственнаго пути, на которомъ она могла свѣдать о двоякомъ проискѣ. Но обстоятельство, несовмѣстимое съ выгодами государыни и княгини, противоположило имъ непреодолимое препятствiе.

Екатерина, обративъ въ свою пользу оскорбленiе, которое Императоръ сдѣлалъ ея сыну, не называя его наслѣдникомъ престола, хотѣла сама онымъ воспользоваться.

Дядька малолѣтняго Великаго Князя графъ Панинъ, котораго польза, сопряженная съ пользою его воспитанника, безъ труда склоняла въ заговоръ, хотѣлъ, лишивъ короны Императора Петра III, возложить оную по праву наслѣдства на законнаго наслѣдника и предоставить Императрицѣ регентство. Долго и упорно сопротивлялся онъ всякому

другому предложенію. Тщетно княгиня Дашкова, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ, разставляла ему свои сѣти; она льстила его страсти, но была непоколебима, полагая между прочими причинами по тѣсной связи, которую имѣла съ нимъ мать ея, что она была дочь этого любовника. Піемонтецъ, по имени Одаръ, хранитель ихъ тайны [1]), убѣдилъ сію женщину отложить всякое сомнѣніе и на сихъ условіяхъ также пожертвовать своимъ ребенкомъ [2]). Чтобъ имѣть понятіе объ этомъ піемонтцѣ, довольно привести здѣсь собственныя его слова къ одному изъ его преданныхъ: «я родился бѣднымъ; видя, что ничто такъ не уважается въ свѣтѣ, какъ деньги, я хочу ихъ имѣть, сего же вечера готовъ для нихъ зажечь дворецъ; съ деньгами я уѣду въ свое отечество и буду такой же честный человѣкъ, какъ и другой».

Панинъ и графиня одинаково мыслили на счетъ своего правленія, и если послѣдняя по врожденному чувству ненавидѣла рабство, то первый, бывъ 14 лѣтъ министромъ своего двора въ Швеціи, почерпнулъ тамъ нѣкоторыя республиканскія понятія, оба соединились они въ намѣреніи исторгнуть свое отечество изъ рукъ деспотизма и Императрица, казалось, ихъ ободряла; они сочинили условія, на которыхъ знатнѣйшіе чиновники, отрѣшивъ Петра III, при единственномъ избраніи долженствовали возложить корону на его супругу съ ограниченною властью. Таковое предположеніе завлекло въ заговоръ знатную часть дворянства. Исполненіе сего проекта пріобрѣтало ежедневно болѣе вѣроятности, и Екатерина, употреблявшая его средствомъ обольщенія, чувствовала, что отъ нея требуютъ болѣе, нежели она хочетъ дать.

Въ то же самое время обѣ партіи начинали встрѣчаться. Княгиня, увѣренная въ расположеніи знатныхъ, испытывала солдатъ; Орловъ, увѣренный въ солдатахъ, испытывалъ вельможъ. Оба, незнаемые другъ другу, встрѣтились въ казармахъ и посмотрѣли другъ на друга съ безпокойнымъ любопытствомъ. Императрица, которую увѣдомили они о сей

---

1) *Дашкова замѣчаетъ:* Я никогда не была любовницею Панина ни чьею-либо.

2) *Дашкова замѣчаетъ:* Одаръ никогда не былъ у меня довѣреннымъ лицомъ, но я ему покровительствовала.

встрѣчѣ, почитала за нужное соединить объ стороны и имѣла столько искусства, что, подкрѣпляя одну другою, она сдѣлалась главнымъ лицомъ всего дѣйствія.

Орловъ, наученный ею, обратилъ на себя вниманіе княгини, которая, думая, что чувства, ее одушевлявшія, были необходимы въ сердцѣ каждаго, видѣла во главѣ мятежниковъ ревностнаго патріота. Она никакъ не подозрѣвала, чтобы онъ имѣлъ свободный доступъ къ Императрицѣ, и съ сей минуты Орловъ, сдѣлавшись въ самомъ дѣлѣ единымъ и настоящимъ исполнителемъ предпріятія, имѣлъ особенную ловкость казаться только сподвижникомъ княгини Дашковой.

Но какъ скоро открылось предъ нимъ намѣреніе вельможъ, онъ опрокинулъ всѣ ихъ предположенія и клялся не допустить, чтобы они предлагали условія своей монархинѣ. Онъ сказалъ: «что поелику Императрица дала слово установить права ихъ вольности, они должны ей вѣрить, впрочемъ, какъ имъ угодно, но онъ предводитель солдатъ; онъ и гвардія будутъ дѣйствовать одни, если это нужно, и имѣютъ довольно силы, чтобы сдѣлать ее монархинею».

Тутъ не забыли и народъ и чтобы поселить духъ возмущенія, то пропустили слухъ, будто оное вспыхнуло во всѣхъ губерніяхъ; будто монастырскіе крестьяне сбѣгались толпами со всѣхъ сторонъ и не повиновались новому указу, будто крымскіе татары стоятъ на границѣ и приготовлялись къ нападенію, какъ скоро Императоръ выведетъ всѣ войска изъ Имперіи для войны, совершенно чуждой для Россіи. Не только сіи слухи смѣсь истины и лжи быстро распространялись, какъ и вездѣ случается, гдѣ правленіе становится ненавистнымъ и гдѣ всеобщее негодованіе жадно хватается за все, что можетъ ему льстить или раздражать; но въ Россіи, гдѣ не разговариваютъ о дѣлахъ публичныхъ, гдѣ за сіе любопытство иногда наказываютъ смертью, подобные слухи сами по себѣ были уже началомъ бунта, и безразсудная нелѣпость Императора къ отъѣзду истребила изъ его памяти, что по древнему обыкновенію должно ѣхать въ Москву и принять корону прежнихъ царей въ соборной церкви, почему явно почти кричали, что позволительно свергнуть съ престола Государя, который небрежетъ помазать себя на царство.

Въ то же время Императрица увѣдомляла министровъ тѣхъ дворовъ, коихъ союзъ нарушилъ Императоръ, что она ненавидитъ такое вѣроломство и находится принужденною

просить у нихъ денегъ, въ которыхъ начинала она нуждаться. Сіи министры и особенно французскій, баронъ Бретейль, привыкшіе съ давнихъ лѣтъ управлять умами сей націи, въ теперешнемъ переломѣ общественныхъ дѣлъ старались споспѣшествовать намѣреніямъ, въ которыя увлекали Императора враги ихъ государей. Они немедленно воспользовались средствомъ, которое подавалъ къ тому сей заговоръ; и хотя имъ предписано было отъ дворовъ не принимать особеннаго участія въ своихъ движеніяхъ, однако, они дѣятельно и успѣшно старались доставить Императрицѣ всѣхъ своихъ участниковъ. Напротивъ, министры, друзья императорскіе, всячески старались ускорить отъѣздъ его; въ угодность ему предавались изнурительнымъ удовольствіямъ Двора и между тѣмъ, какъ имъ разставляли вездѣ сѣти, они восхищались успѣхами своей дѣятельности, видя проходящія со всѣхъ сторонъ войска, готовый выступить въ море флотъ, Императора, усиленнаго всѣми способами своей Имперіи и уже назначенный день своего отъѣзда.

Такъ составилась многочисленная партія и надежныя средства, между тѣмъ какъ въ минуту наступившей опасности казалось, что у нихъ нѣтъ никакого еще плана къ сему заговору. Знающіе хорошо русскую націю и прежнихъ заговорщиковъ увѣряютъ, что такого рода предпріятія должны всегда такъ производиться, и хотя сей народъ, весьма способный къ возмущеніямъ по образу своего правленія, по враждебному расположенію къ тайному и по самому терпѣнью въ наказаніяхъ, по причинѣ непримиримой вражды, гнѣздящейся во всѣхъ фамиліяхъ, и крайней недовѣрчивости ихъ другъ къ другу, неблагоразумно бы было собирать тутъ общество заговорщиковъ, которые раздробили бы на разныя части исполненіе одного намѣренія; при томъ же привычка видѣть, какъ часто восходятъ изъ самыхъ низкихъ состояній на первыя степени, давала каждому право на ту же надежду; слѣдственно было бы опасно указывать на главныя лица, которыхъ будущее величіе могло бы возбудить въ нихъ зависть, а надлежало, увѣрившись въ каждомъ порознь, подавать имъ надежду на величайшую милость и не прежде ихъ соединять, какъ въ самую минуту исполненія.

Если бы желали убійства, тотчасъ было бы исполнено, и гвардіи капитанъ Пассекъ лежалъ у ногъ Императрицы, прося только ея согласія, чтобы среди бѣлаго дня въ виду

цѣлой гвардіи поразить Императора. Сей человѣкъ и нѣкто Баскаковъ, его единомышленникъ, стерегли его дважды подлѣ пустого и того самаго домика, который прежде всего Петръ Великій приказалъ построить на островахъ, гдѣ основалъ Петербургъ, и который посему русскіе съ почтеніемъ сохраняютъ; это была уединенная прогулка, когда Петръ III хаживалъ иногда по вечерамъ съ своею любезною и гдѣ сіи безумцы стерегли его изъ собственнаго подвига. Отборная шайка заговорщиковъ подъ руководствомъ графа Панина осмотрѣла его комнаты, спальню, постель и всѣ ведущія къ нему двери. Положено было въ одну изъ слѣдующихъ ночей ворваться туда силою, если можно—увезти, будетъ сопротивляться—заколоть и созвать государственные чины, чтобы отреченію его дать законный видъ, а Императрица, которая бы, казалось, не принимала ни малѣйшаго участія въ семъ заговорѣ, отдаляя всякое на себя подозрѣніе, долженствовала для виду уступить только просьбѣ народной и принять по добровольнымъ и единодушнымъ восклицаніямъ права, ни съ какой стороны ей не принадлежащія. Таково было основаніе ея поведенія, слѣдствіемъ котораго было то, что она, будучи почти невидима въ заговорѣ, дѣйствовала всѣми его пружинами и даже послѣ очевидныхъ опытовъ, въ которыхъ она по необходимости себя обнаруживала, старалась направлять умы на прежнюю точку зрѣнія.

Императоръ былъ въ деревнѣ за 12 миль. Императрица, избѣгая подозрѣній, если бы осталась въ городѣ во время его отсутствія, удалилась сама въ другую. Срокъ отъѣзда Императора на войну положенъ былъ по его возвращеніи, а Императрица назначила въ то же время исполненіе своего заговора; но сумасбродная ревность того самаго капитана Пассека все разрушила. Этотъ неистовый соучастникъ, неумѣренный въ своихъ выраженіяхъ, говорилъ о злоумышленіи предъ однимъ солдатомъ, котораго недавно побилъ. Сей тотчасъ донесъ на него въ полковой канцеляріи и 8 іюля въ 9 часовъ вечера Пассекъ былъ арестованъ, а къ Императору отправленъ тотчасъ же курьеръ.

Безъ предосторожности піемонтца Одара [1]), которая

---

[1]) *Дашкова замѣчаетъ*: Въ три послѣдніе дня передъ событіемъ Одаръ до такой степени мало принималъ въ немъ участія, что не былъ даже и въ городѣ, а былъ у Строгонова.

втайнѣ была извѣстна только ему и княгинѣ Дашковой, все было бы потеряно.

Близъ каждаго начальника мѣста находился шпіонъ, который не упускалъ его изъ виду. Въ четверть десятаго княгиню увѣдомили, что Пассекъ былъ арестованъ. Она послала за графомъ Панинымъ и предложила въ ту же минуту начать исполненіе; предложеніе такое точно, какое настоящіе римляне нѣкогда сдѣлали въ подобномъ заговорѣ: «надобно взбунтовать вдругъ народъ и войско и собрать злоумышленниковъ, неожиданность поразитъ умы, овладѣетъ большею частью оныхъ; Императоръ совсѣмъ не приготовленъ къ отраженію сего удара; нечаянное нападеніе изумляетъ самыхъ отважныхъ, да и что могъ противопоставить имъ сей Донкишотъ съ шайкою развратниковъ? Вещи, невозможныя здравому разсужденію, выполняются единственно по отважности, и какъ сохранить тайну между пораженными ужасомъ заговорщиками? Вѣрность прясяги устоитъ ли между казнью и наградами? Чего было ожидать?—смерть была неминуема и смерть постыдная. Не лучше ли было погибнуть за свободу отечества, умоляя его о помощи, погибнуть отъ ошибки солдатъ и народа, если они откажутся помогать, но быть достойнымъ и своихъ предковъ и безсмертія?»

Римскій заговорщикъ не послѣдовалъ сему совѣту и умеръ отъ руки палача. Русскій думалъ также: «что поспѣшное открытіе испортило бы все дѣло, если бы и успѣли взбунтовать весь Петербургъ, то сіе было бы не что иное, какъ начало междуусобной войны, между тѣмъ какъ у Императора въ рукахъ военный городъ, снаряженный флотъ, 3000 собственныхъ Голштинскихъ солдатъ и всѣ войска, проходившія для соединенія съ арміей; ночь никакъ не благопріятствовала исполненію, ибо въ сіе время оныя бываютъ ясны; Императрица въ отсутствіи и не можетъ пріѣхать прежде утра, надлежало подумать о слѣдствіяхъ и не поздно бы было условиться въ исполненіи онаго на другой день». Такъ думалъ графъ Панинъ по своей медленности и легъ спать.

Княгиня Дашкова выслушала и ушла. Уже была полночь. Сія 18-лѣтняя женщина одѣвается въ мужское платье, оставляетъ домъ, идетъ на мостъ, гдѣ собирались обыкновенно заговорщики. Орловъ былъ уже тамъ съ своими бра-

тьями. Любопытно видѣть, какъ счастье помогло неусыпности. Узнавъ объ арестѣ Пассека и времени немедленнаго возмущенія, всѣ оцѣпенѣли, и когда радость заняла мѣсто прежняго удивленія, всѣ согласились на сіе съ восторгомъ. Одинъ изъ сихъ братьевъ, отличавшійся отъ другихъ рубцомъ на лицѣ отъ удара, полученнаго на публичной игрѣ, простой солдатъ [1]), который былъ бы рѣдкой красоты, если бы не имѣлъ столь суровой наружности, и который соединялъ проворство съ силою, отправленъ былъ отъ княгини съ запискою въ сихъ словахъ: «пріѣзжай, Государыня, время дорого». Другіе жъ и княгиня приготовлялись во всю ночь съ такимъ искусствомъ, что къ пріѣзду Императрицы было все уже готово, или если бы какое препятствіе остановило ее, то никакой безразсудный шагъ не открылъ бы ихъ тайны. Они даже предполагали, что предпріятіе могло быть неудачное, и на сей случай приготовили все къ побѣгу ея въ Швецію. Орловъ со своимъ другомъ зарядили по пистолету и помѣнялись ими съ клятвою не употреблять ихъ ни въ какой опасности, но сохранить на случай неудачи, чтобы взаимно поразить другъ друга. Княгиня не приготовила себѣ ничего и думала о казни равнодушно.

Императрица была за 8 миль въ Петергофѣ и подъ предлогомъ, что оставляетъ Императору въ полное распоряженіе весь домъ изъ опасенія помѣшать ему съ его Дворомъ, жила въ особомъ павильонѣ, который, находясь на каналѣ, соединенномъ съ рѣкою, доставлялъ при первой тревогѣ болѣе удобности къ побѣгу въ нарочно привязанной подъ самыми окнами лодкѣ.

Означенный Орловъ узналъ отъ своего брата самые потаенные изгибы въ саду и павильонѣ. Онъ разбудилъ свою Государыню и, думая присвоить въ пользу своей фамиліи честь революціи, сей солдатъ имѣлъ дерзкую хитрость утаить записку княгини Дашковой и объявилъ Императрицѣ: «Государыня, не теряйте ни минуты, спѣшите» и, не дождавшись отвѣта, оставилъ ее, вышелъ и исчезъ.

Императрица въ неизъяснимомъ удивленіи одѣвалась и не знала, что начать; но тотъ же самый человѣкъ съ быстротою молніи скачетъ по аллеямъ парка: «вотъ ваша каре-

---

[1]) *Дашкова замѣчаетъ:*
Орловъ, у котораго рубецъ на лицѣ, былъ не солдатъ, а офицеръ.

та!» сказалъ онъ, и Императрица, не имѣя времени одуматься, держась рукою за Екатерину Ивановну, какъ бы увлеченная, бѣжала къ воротамъ парка. Она увидала тутъ карету, которую сей Орловъ отыскалъ на довольно отдаленной дачѣ, гдѣ по старанію княгини Дашковой за два дня предъ симъ стояла она на всякій случай въ готовности, для того ли, что по нетерпѣнію гвардіи ожидали дѣйствія заговора нѣсколько прежде, или для того, чтобы имѣть болѣе средствъ сохранить Императрицу отъ всякой опасности, содержа подставныхъ лошадей до сосѣдственныхъ границъ.

Карета отправилась съ наемными крестьянами, запряженная въ 8 лошадей, которыя въ сихъ странахъ, будучи татарской породы, бѣгаютъ съ удивительною быстротою.

Екатерина сохраняла такое присутствіе духа, что во все время своего пути смѣялась съ своею горничной какому-то безпорядку въ своемъ одѣяніи.

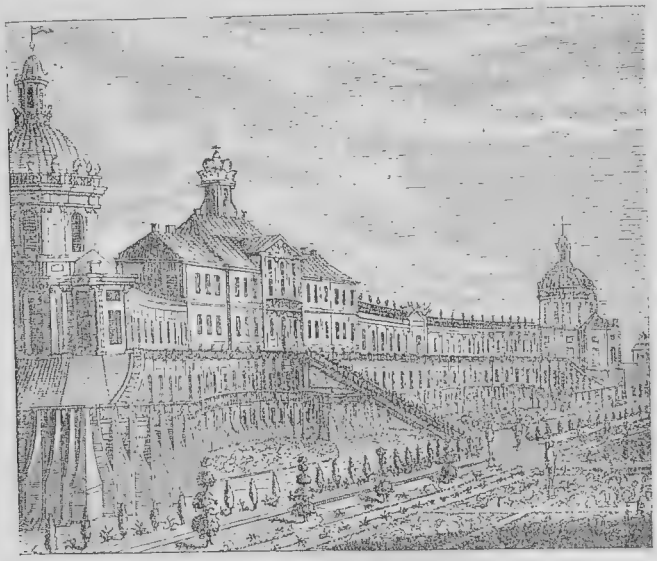
Издали усмотрѣли открытую коляску, которая неслась съ удивительною быстротою, и какъ сія дорога вела къ Императору, то и смотрѣли на нее съ безпокойствомъ. Но это былъ Орловъ, любимецъ, который, прискакавъ навстрѣчу своей любезной и крича «все готово», — пустился обратно впередъ съ тою же быстротою. Такимъ образомъ продолжали путь свой къ городу. Орловъ одинъ въ передней коляскѣ, за нимъ Императрица со своею женщиною, а позади Орловъ-солдатъ съ товарищемъ, который его провожалъ.

Близъ города они встрѣтили Мишеля, француза камердинера, которому Императрица оказывала особую милость, храня его тайны и отдавая на воспитаніе побочныхъ его дѣтей. Онъ шелъ къ своей должности, съ ужасомъ узналъ Императрицу между такими проводниками, и думалъ, что ее везутъ по приказу Императора. Она высунула голову и закричала: «послѣдуй за мною» и Мишель съ трепещущимъ сердцемъ думалъ, что ѣдетъ въ Сибирь.

Такимъ-то образомъ, чтобы деспотически царствовать въ обширнѣйшей въ мірѣ Имперіи, прибыла Екатерина въ восьмомъ часу утра, по увѣренію солдата, съ наемными кучерами, руководимая любимцемъ, своею женщиною и парикмахеромъ.

Надлежало переѣхать черезъ городъ, чтобы явиться въ казармахъ, находящихся съ восточной стороны и образую-

щихъ въ семъ мѣстѣ совершенный лагерь. Они пріѣхали прямо къ тѣмъ двумъ ротамъ Измайловскаго полка, которыя уже дали присягу. Солдаты не всѣ выходили изъ казармъ, ибо опасались, чтобъ излишнею тревогою не испортить начала. Императрица сошла на дорогу, идущую мимо казармъ, а между тѣмъ, какъ ея провожатые бѣжали извѣстить о ея прибытіи, она, опираясь на свою горничную, переходила большое пространство, отдѣляющее казармы отъ дороги. Ее встрѣтили 30 человѣкъ, выходящихъ въ безпорядкѣ и продолжающихъ надѣвать кителя и рубашки. При



Дворецъ въ Ораніенбаумѣ.

семъ зрѣлищѣ она удивилась, поблѣднѣла и ужасъ видимо овладѣлъ ею. Въ ту же минуту, которая представляла ее еще трогательнѣе, она говоритъ, что пришла къ нимъ искать своего спасенья, что Императоръ приказалъ убить ее и съ сыномъ и что убійцы, получа сіе повелѣніе, уже отправились. Всѣ единогласно поклялись за нее умереть. Прибѣгаютъ офицеры, толпа увеличивается. Она посылаетъ за полковымъ священникомъ и приказываетъ принести распятіе. Блѣдный, трепещущій священникъ явился съ крестомъ въ рукѣ и, не зная самъ, что дѣлалъ, принялъ отъ солдатъ присягу.

Тогда явился графъ Разумовскій, болѣе преданный ей, не-

жели Императору; съ нимъ пріѣхали: генералъ Волхонскій и племянникъ того великаго канцлера, который отрѣшенъ между прочимъ за особую преданность свою къ сей Государынѣ; графъ Шуваловъ, который въ послѣднее царствованіе съ рѣдкимъ благоразуміемъ пользовался величайшею къ нему милостью, и котораго любили солдаты, воспоминая Елисавету; графъ Брюсъ, премьеръ-маіоръ гвардіи, графъ Строгановъ, котораго супруга вмѣстѣ съ графинею Брюсъ были съ Императоромъ, обѣ знаменитыя по своей красотѣ и почитаемыя въ числѣ, какъ говорили, назначенныхъ къ разводу. Въ семъ первомъ собраніи нѣкоторые провозгласили Императрицу правительницею. Орловъ прибѣгъ къ нимъ, говоря, что—«не должно оставлять дѣло въ половину и подвергаться казни, откладывая его до другого времени, и перваго, кто осмѣлится упомянуть о регентствѣ, онъ заколетъ изъ собственныхъ рукъ». Маіоръ Шепелевъ, на котораго полагались, не явился, и первый ордеръ, данный Императрицею, былъ такой: «Скажите ему, что я не имѣю въ немъ надобности и чтобы его посадили подъ арестъ». Простые офицеры явились къ своимъ мѣстамъ и командовали къ оружью. Замѣчательно, что изъ великаго числа субалтерныхъ офицеровъ, давшихъ свое слово, одинъ только, именемъ Пушкинъ, по несчастію или по слабости не сдержалъ его. Императрица объѣхала кругомъ казармъ и пробѣжала пѣшкомъ каждый изъ трехъ гвардейскихъ полковъ—стражу, всегда ужасную своимъ государямъ, которая, нѣкогда бывъ составлена Петромъ I изъ иностранцевъ, охраняла его отъ мятежниковъ, но потомъ, умноженная числомъ русскихъ, уже трикратно располагала регенствомъ и короною.

Идучи отъ Измайловскихъ казармъ къ Семеновскимъ, предводительствуя тѣмъ первымъ полкомъ, который возмутила она только представленіемъ своихъ опасностей, солдаты кричали, что—«идучи предъ ними, она была не безъ опасности», и составили сами собою батальонъ-каре. Во всѣхъ казармахъ только два офицера Преображенскаго полка воспротивились своимъ солдатамъ и были арестованы. Проходя мимо полковой тюрьмы, гдѣ Пассекъ-заговорщикъ содержался, она послала его освободить, и тотъ, который приготовился перенести всѣ пытки, не открывая тайны, пораженный столь непредвидѣнною новостью, имѣлъ духъ не довѣрять, подозрѣвая въ томъ хитрость, посредствомъ которой

по его движеніямъ хотятъ открыть цѣль заговора, и не ошелъ. Когда собрались всѣ три полка, солдаты кричали «ура!» и почитали уже все конченнымъ и просили цѣловать руку Императрицы; тогда она, укротивъ сей восторгъ, милостиво представила имъ, что въ сію минуту у нихъ есть другое цѣло. Орловъ бѣжалъ къ артиллеріи, войску многочисленному, опасному, котораго всѣ почти солдаты носили знаки отличія за кровавыя брани противъ короля Прусскаго. Онъ воображалъ, что званіе казначея давало ему столько довѣренности и они тотчасъ примутся для него за оружіе; но они отказались повиноваться и ожидали приказанія отъ своего генерала.

Это былъ Вильбуа, французскій эмигрантъ, главнокомандующій артиллеріей и инженерами, человѣкъ отличной храбрости и рѣдкой честности. Любимый нѣсколько лѣтъ Екатериной, онъ надѣялся быть таковымъ и впредь; посредствомъ его даже во время немилости доставила она Орлову мѣсто казначейское, столь полезное своимъ намѣреніямъ. Но Орловъ, безъ сомнѣнія, желая разорвать его связь съ Императрицею, не включилъ его въ число заговорщиковъ. Онъ работалъ въ это время съ инженерами, когда одинъ изъ заговорщиковъ объявилъ ему, что—«Императрица, его Государыня, приказываетъ ему явиться къ ней въ гвардейскіе караулы». Вильбау, удивленный такимъ приказаніемъ, спросилъ: «развѣ Императоръ умеръ?» Посланный, не отвѣчая ему, повторилъ тѣ же слова, и Вильбуа, обращаясь къ инженерамъ, сказалъ: «всякій человѣкъ смертенъ»,—и послѣдовалъ за адъютантомъ.

Вильбуа, до сей минуты ласкавшій себя надеждою быть любимымъ, пріѣхавъ въ казармы и видя Императрицу, окруженную сею толпою, съ смертельною досадою чувствовалъ, что столь важный прожектъ произвели въ дѣйство, не сдѣлавъ ему ни малѣйшей довѣренности. Онъ обожалъ свою Государыню и, притворно или дѣйствительно извиняясь предъ нею въ затрудненіяхъ, которыя представлялись ему при осуществленіи ея предпріятія единственно потому, что по несчастью не имѣлъ участія въ ея тайнѣ, старался чрезъ то упрекать ее: «Вамъ бы надлежало предвидѣть, Государыня»—прибавилъ онъ... но она поспѣшила прервать его и отвѣчала ему со всею гордостью: «Я не за тѣмъ послала за вами, чтобы спросить у васъ, что надлежало мнѣ предвидѣть,

но чтобы узнать, что хотите вы дѣлать?». Тогда онъ бросился на колѣни, говоря: «Вамъ повиноваться, Государыня»— и отправился, чтобы вооружить свой полкъ и открыть Императрицѣ всѣ арсеналы.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ людей, которые были преданы Императору, оставался въ городѣ одинъ только принцъ Георгъ Голштинскій, его дядя. Адъютантъ увѣдомилъ его, что въ казармахъ бунтъ, онъ поспѣшно одѣлся и тотчасъ былъ арестованъ со всѣмъ семействомъ.

Императрица, окруженная уже десятью тысячами человѣкъ, вошла въ ту же самую карету и, зная духъ своего народа, повела ихъ къ соборной церкви и вышла помолиться. Оттуда поѣхала она въ огромный дворецъ, который одной стороной стоитъ надъ рѣкой, а другой обращенъ къ обширной площади. Сей дворецъ, сколь возможно, былъ окруженъ солдатами. При концахъ улицъ поставлены были пушки и готовы фитили. Площади и другія мѣста были заняты караулами, и чтобы не допустить ни малѣйшаго свѣдѣнія Императору о происходившемъ, то поставили отрядъ солдатъ на мосту, ведущемъ при выѣздѣ изъ Петербурга на ту дачу, гдѣ былъ Императоръ, но было уже поздно.

Въ цѣломъ городѣ одинъ иностранецъ выдумалъ увѣдомить Императора, это былъ нѣкто Брессанъ, урожденный изъ княжества Монако, но воспитанный по-французски, почему и выдавалъ себя въ Россіи за француза, чтобы имѣть лучшій пріемъ и покровительство; человѣкъ умный и честный, котораго Императоръ принялъ къ себѣ въ парикмахеры, чтобы возвести его на первыя степени счастія и который по крайней мѣрѣ въ семъ случаѣ оправдалъ своею вѣрностію высшую къ нему милость. Онъ послалъ ловкаго лакея въ крестьянскомъ платьѣ на деревенской телѣжкѣ, и, не смѣя полагаться въ такую минуту ни на кого изъ окружавшихъ Императора, онъ приказалъ посланному своему вручить лично ему свою записку. Сей мнимый крестьянинъ только что пріѣхалъ, когда заняли солдаты мостъ.

Одинъ офицеръ съ многочисленнымъ отрядомъ бросился по повелѣнію Императрицы къ молодому Великому Князю, который спалъ въ другомъ дворцѣ. Сей ребенокъ, узнавъ о предстоящихъ опасностяхъ своей жизни, проснулся, окруженный солдатами и пришелъ въ ужасъ, котораго впечатлѣніе оставалось въ немъ на долгое время. Дядька его, Па-

Елизавета Романовна Воронцова.

Съ портрета, принадлежащаго гр. Е. Воронцовой-Дашковой находится въ селѣ Андреевскомъ, Владимірской губ.

нинъ, бывшій съ нимъ до сей минуты, успокаивалъ его, взялъ на руки во всемъ ночномъ платьѣ и принесъ его такимъ образомъ матери.

Она вынесла его на балконъ и показала солдатамъ и народу. Стеченіе было безчисленное и всѣ прочіе полки присоединились къ гвардіи. Восклицанія повторялись долгое время и народъ въ восторгѣ радости кидалъ вверхъ шапки. Вдругъ раздался слухъ, что привезли Императора. Понуждаемая безъ шума толпа раздвигалась, тѣснилась и въ глубокомъ молчаніи давала мѣсто процессіи, которая медленно посреди ея пробиралась. Это были великолѣпныя похороны, пронесенныя по главнымъ улицамъ, и никто не зналъ, чье погребеніе? Солдаты, одѣтые по-казацки, въ траурѣ несли факелы; и между тѣмъ, какъ вниманіе народа было все на семъ мѣстѣ, сія церемонія скрылась изъ вида. Часто послѣ спрашивали объ этомъ княгиню Дашкову, и она всегда отвѣчала такъ: «мы хорошо приняли свои мѣры».

Вѣроятно сіе явленіе выдумано, чтобы между чернію и рабами распространить полное понятіе о смерти Императора, удалить на ту минуту всякую мысль о сопротивленіи и дѣйствуя въ одно время на умы и сердца зрителей, произвести всеобщее единодушное провозглашеніе. И подлинно изъ всего множества на мѣстѣ по улицамъ стѣснившагося народа едва ли двадцать человѣкъ даже и во дворцѣ понимали все сіе происшествіе, какъ оно было. Народъ, солдаты, не зная, живъ или нѣтъ Императоръ, и восклицая безпрестанно ура!—слово, не имѣющее другого смысла, кромѣ выраженія радости, думали, что провозглашаютъ Императоромъ юнаго Великаго Князя и матери даютъ регенство. Многіе заговорщики, поспѣшая въ первыя минуты увѣдомить друзей своихъ, писали имъ ложную сію новость, отъ чего всѣ были въ полной радости, никакая мысль о несправедливости не возмущала народнаго самодовольствія и друзья цѣловались, поздравляя себя взаимно.

Но манифестъ, розданный по всему городу, скоро объяснилъ истинное намѣреніе; манифестъ печатный, который піемонтецъ Одаръ въ смертельномъ страхѣ хранилъ уже нѣсколько дней въ своей комнатѣ; на другой день, какъ бы отдыхая на свободѣ, онъ говорилъ: «наконецъ, я не боюсь быть колесованъ». Въ немъ заключалось, что Императрица Екатерина II, убѣждаясь просьбою своихъ народовъ, взо-

шла на престолъ любезнаго своего отечества, дабы спасти его отъ погибели; и, укоряя Императора, съ негодованіемъ возставала противъ короля Прусскаго и отнятія у духовенства имущества. Такъ говорила нѣмецкая принцесса, которая подтверждала сей союзъ и привела къ окончанію помянутое отнятіе имѣній.

Всѣ вельможи, узнавъ поутру о сей новости, торопились во дворецъ; это было не послѣднее зрѣлище, которое представляли ихъ физіономіи, изображавшія безпокойство и радость, гдѣ суета и улыбки видимы были на блѣдныхъ и испуганныхъ лицахъ.

Они услышали во дворцѣ торжественную службу, увидѣли священниковъ, принимающихъ присягу въ вѣрности, и Императрицу, употребляющую всѣ способы обольщенія. Въ присутствіи ея былъ шумный совѣтъ о томъ, что долженствовало быть впередъ. Всякій, страшась опасности и стараясь показать себя, предлагалъ и торопился исполнить. Не почитая нужнымъ никакія предосторожности противъ города, совершенно возмущеннаго, и не предвидя никакой опасности оставить позади себя Петербургъ, скоро положено было, не теряя ни минуты, вести всю сію армію противъ Императора. Великій шумъ между солдатами прервалъ ихъ совѣщаніе. Въ безпрестанной тревогѣ на счетъ предстоявшей Императрицѣ опасности и ожидая всякую минуту, чтобы мнимые убійцы, посланные къ ней и ея сыну, къ ней не пріѣхали, они полагали, что она не довольно безопасна въ семъ обширномъ дворцѣ, который съ одной стороны омывается рѣкою, и, не бывъ оконченъ, казался открытъ со всѣхъ сторонъ. Они говорили, что не могутъ ручаться за жизнь ея, и съ великимъ шумомъ требовали, чтобы перевели ее въ старый деревянный дворецъ, гораздо меньшій, который, будучи на небольшомъ пространствѣ, могли бы они окружить со всѣхъ четырехъ сторонъ. Итакъ, Императрица перешла площадь при самыхъ шумныхъ восклицаніяхъ. Солдатамъ раздавали пиво и вино; они переодѣлись въ прежній свой нарядъ, кидая со смѣхомъ Прусскій униформъ, въ который одѣлъ ихъ Императоръ и который въ ихъ холодномъ климатѣ оставлялъ солдата почти полуоткрытымъ, встрѣчали съ громкимъ смѣхомъ тѣхъ, которые по скорости прибѣгали въ семъ платьѣ, и ихъ новыя шапки летѣли изъ рукъ въ руки, какъ мячи, дѣлаясь игрою черни.

Одинъ полкъ явился печальнымъ; это были прекрасные кавалеристы, у которыхъ съ дѣтства своего Императоръ былъ полковникомъ и которыхъ по восшествіи на престолъ онъ тотчасъ ввелъ въ Петербургъ и далъ имъ мѣсто въ Гвардейскомъ корпусѣ. Офицеры отказались итти и были всѣ арестованы, а солдаты, коихъ недоброходство было очевидно, были ведены другими изъ разныхъ полковъ.

Въ полдень первое россійское духовенство, старцы почтеннаго вида (извѣстно, сколь маловажныя вещи, дѣйствуя на воображеніе, дѣлаются въ сіи рѣшительныя минуты существенной важности), украшенные сѣдинами, съ длинными бѣлыми бородами, въ блестящемъ и приличномъ одѣяніи, принявъ царскія регаліи, корону, скипетръ и державу съ священными книгами, покойнымъ и величественнымъ шествіемъ проходили чрезъ всю армію, которая съ благоговѣніемъ хранила тогда молчаніе. Они вошли во дворецъ, чтобы помазать на царство Императрицу, и сей обрядъ производилъ въ сердцахъ, не знаю, какое-то впечатлѣніе, которое, казалось, давало законный видъ насилію и хищенію.

Какъ скоро совершили надъ нею помазаніе, она тотчасъ переодѣлась въ прежній гвардейскій мундиръ, который взяла у молодого офицера такого же роста. Послѣ благоговѣйныхъ обрядовъ религіи слѣдовалъ военный туалетъ, гдѣ тонкости щегольства возвышали нарядныя прелести, гдѣ молодая и прекрасная женщина съ очаровательной улыбкою принимала отъ окружавшихъ ее чиновниковъ шляпу, шпагу и особенно ленту перваго въ государствѣ ордена, который сложилъ съ себя мужъ ея, чтобы вмѣсто него носить всегда Прусскій.

Въ семъ новомъ нарядѣ она сѣла верхомъ у крыльца своего дома и вмѣстѣ съ княгинею Дашковой, также на лошади и въ гвардейскомъ мундирѣ, объѣхала кругомъ площадь, объявляла войскамъ, какъ будто хочетъ быть ихъ генераломъ и веселымъ, и надежнымъ своимъ видомъ внушала имъ довѣренность, которую сама отъ нихъ принимала.

Полки потянулись изъ города навстрѣчу Императору. Императрица опять взошла во дворецъ и обѣдала у окна, открытаго на площадь. Держа стаканъ въ рукѣ, она привѣтствовала войска, которыя отвѣчали продолжительнымъ крикомъ; потомъ сѣла опять на лошадь и поѣхала передъ своею арміею.

Весь городъ былъ въ смятеніи и армія взбунтовалась безъ

малѣйшаго безпорядка; послѣ выхода въ Петербургѣ было все совершенно спокойно. Въ 6-ть часовъ, казачій трехтысячный полкъ, идучи въ недальнемъ разстояніи, котораго посланные Императрицы встрѣтили прежде, нежели императорскіе; вслѣдъ за нею проходили черезъ городъ хорошо вооруженные люди на добрыхъ лошадяхъ и офицеры отмѣнно учтивые. Шествіе сіе уподоблялось празднику, который поселялъ въ воображеніи мысль о благополучіи Императрицы и ручался за благосостояніе народа.

Краткое географическое описаніе необходимо нужно къ уразумѣнію слѣдующихъ за симъ обстоятельствъ: Нева впадаетъ въ море при концѣ Финскаго залива и служитъ ему продолженіемъ. За 12 миль до ея устья на нѣсколькихъ островахъ, гдѣ широта различныхъ рукавовъ образуетъ прекраснѣйшій видъ, за 60 лѣтъ построенъ Петербургъ на низкомъ и болотистомъ мѣстѣ, но которое по непрочности первыхъ зданій, поспѣшно строенныхъ, и отъ частыхъ пожаровъ покрылось развалинами болѣе 3-хъ футовъ. Спускаясь по рѣкѣ, правый берегъ еще не воздѣланъ и покрытъ большими лѣсами; лѣвый же образуетъ холмъ повсюду одинаковой высоты до самаго того мѣста, гдѣ оба берега расходятся на необозримое пространство и заключаютъ между собою безпредѣльное море. На семъ мѣстѣ на высотѣ холма въ прелестномъ положеніи стоитъ замокъ Ораніенбаумъ, который построилъ знаменитый Меньшиковъ, и который въ несчастное время сего любимца по конфискованіи его имѣнія поступилъ въ казну. Это особенное мѣстопребываніе Императора въ его молодости. Тамъ была построена для ученія его маленькая примѣрная крѣпость, у которой высота окоповъ была не болѣе 6-ти футовъ, дабы молодому Великому Князю дать на опытѣ идею о великихъ управленіяхъ и потому сама по себѣ неспособна была ни къ какой оборонѣ. Въ семъ же намѣреніи собрали тамъ арсеналъ, неспособный для вооруженія войскъ, бывшій не что иное, какъ кабинетъ военныхъ рѣдкостей, между коими хранились наилучшіе памятники сей имперіи, знамена, отбитыя у шведовъ и пруссаковъ. Императоръ любилъ особенно сей замокъ и въ немъ-то жилъ онъ съ тремя тысячами собственнаго своего войска изъ герцогства Голштинскаго.

Противъ него виденъ простымъ глазомъ въ самомъ устьѣ рѣки на островѣ городъ Кронштадтъ. Дома построены со

временъ Петра I и мало населенные приходятъ въ ветхость. Надежная и спокойная его пристань находится на сторонѣ острова, обращенной къ Ораніенбауму, которая весьма укрѣплена, а укрѣпленія другой стороны не были докончены; но сей рукавъ рѣки, самой по себѣ опасной, сдѣлался непроходимымъ по причинѣ набросанныхъ туда огромныхъ камней. Въ пристани сего-то острова большая часть флота, готовая выступить въ Голштинію, хорошо снабженная съѣстными припасами, аммуниціею и людьми, находилась подъ командою самого Императора; а другая подъ его же командою была въ Ревелѣ, старинномъ городѣ, лежащемъ далѣе на томъ же заливѣ.

По всей длинѣ холма, идущаго по берегу рѣки между Ораніенбаумомъ и Петербургомъ, въ пріятныхъ рощахъ, построены увеселительные дома русскихъ господъ не въ дальнемъ между собою разстояніи. Посреди ихъ находится прекрасный дворецъ, который построилъ Петръ I по возвращеніи своемъ изъ Франціи, надѣясь по близости моря сдѣлать подражаніе водамъ Версальскимъ. Въ семъ-то мѣстѣ находилась Императрица и пребываніе ея, какъ изъ сего видно, было избрано замѣчательно между Петербургомъ, гдѣ былъ заговоръ, Ораніенбаумомъ, гдѣ былъ дворъ, и сосѣдственнымъ берегомъ Финляндіи, гдѣ могла бы она найти свое убѣжище. Въ сей самый замокъ, именуемый Петергофъ, дворъ Петра, Императоръ долженствовалъ прибыть въ тотъ самый день, чтобы праздновать день своего ангела, святаго Петра.

Сей Государь былъ въ совершенной безпечности и, когда увѣдомили его о признакахъ заговора и объ арестованіи одного заговорщика, онъ сказалъ: «это дуракъ». Изъ Ораніенбаума отправился онъ и весело продолжалъ путь свой въ большой открытой коляскѣ съ своею любезною, съ министромъ Прусскимъ, съ прекраснѣйшими женщинами. Всѣхъ умы, казалось, были оживлены ожиданіями веселаго праздника; но въ Петергофѣ, куда онъ ѣхалъ, были уже въ отчаяніи. Бѣгство Императрицы было очевидно, тщетно искали ее по садамъ и рощамъ. Часовой сказалъ, что въ 4 часа утра онъ видѣлъ двухъ дамъ, выходящихъ изъ парка. Пріѣзжавшіе изъ Петербурга, не подозрѣвая того, что происходило въ казармахъ при отъѣздѣ, не только не привезли никакой новости, но еще клятвенно увѣряли, что тамъ не было

никакой перемѣны. Одинъ изъ таковыхъ и одинъ изъ камергеровъ Императрицы отправились пѣшкомъ по той дорогѣ, по которой надлежало ѣхать Императору. Они встрѣтили его любимца, адъютанта Гудовича, который ѣхалъ впередъ верхомъ, и разсудили за благо открыть ему сію новость. Адъютантъ быстро повернулъ назадъ, остановилъ карету, несмотря, что Императоръ кричалъ: «что за глупость?» Приблизившись, говорилъ ему на ухо. Императоръ поблѣднѣлъ и сказалъ: «пустите меня вонъ». Онъ остановился нѣсколько времени на дорогѣ и съ крайнею горячностью разспрашивалъ адъютанта; но, примѣтивъ близко ворота въ паркъ, онъ приказалъ всѣмъ дамамъ выйти, оставивъ ихъ среди дороги въ удивленіи и страхѣ отъ такого поступка, котораго онѣ не понимали причины, и, сказалъ только имъ, чтобъ онѣ приходили къ нему въ замокъ по аллеямъ парка, поспѣшно сѣлъ въ карету съ нѣкоторыми людьми и погналъ съ удивительною быстротою. Пріѣхавъ, онъ бросился въ комнату Императрицы, заглянулъ подъ кровать, открылъ шкафы, пробовалъ своею тростью потолокъ и панели, и, видя свою любезную, которая бѣжала къ нему съ тѣми молодыми дамами, онъ ей кричалъ: «не говорилъ ли я, что она способна на все». Всѣ его придворные, признавая въ душѣ своей роковую истину, хранили около него глубокое молчаніе, не довѣряя другъ другу, они чувствовали про себя, чего имъ держаться, или потому, что въ сію минуту боялись раздражать Государя, приводя его въ недоумѣніе. Низкіе служители узнали отъ крестьянъ, встрѣчавшихся въ рощахъ, или по собственнымъ своимъ догадкамъ разговаривали между собою о томъ, что происходило въ Петербургѣ, о которомъ Дворъ, казалось, не имѣетъ никакого сомнѣнія. Иностранецъ лакей, пріѣхавъ изъ города (это былъ молодой французъ, который, судя обо всемъ по понятіямъ своей земли, видѣлъ начало возмущенія и не вообразилъ тому причины), крайне удивился, нашедъ Петергофъ въ такомъ унынiи, и спѣшилъ увѣдомить, что Императрица не пропала, она въ Петербургѣ и что праздникъ св. Петра будетъ праздновать тамъ великолѣпно, ибо всѣ войска стоятъ подъ ружьемъ. Между тѣмъ какъ Императоръ въ простотѣ сего разсказа видѣлъ, что царство его миновалось. Пользуясь безпорядкомъ, вошелъ къ нему крестьянинъ, который, по обычаю страны помолясь и поклонясь, молча подошелъ къ Императору,

вынулъ изъ пазухи записку и вручилъ ее, поднимая глаза къ небу. Это былъ переодѣтый слуга, который, по приказу своего господина, не отдалъ никому сей записки и тщетно старался встрѣтиться въ рощахъ съ самимъ Государемъ. Всѣ въ молчаніи и неизвѣстности окружили Императора, который, пробѣжавъ ее глазами, перечиталъ потомъ вслухъ. Она состола въ слѣдующемъ: «гвардейскіе полки взбунтовались; Императрица впереди; бьетъ 9 часовъ; она идетъ въ Казанскую церковь, кажется весь народъ увлекается симъ движеніемъ, и вѣрные подданные Вашего Величества нигдѣ не являются». Императоръ вскричалъ: «ну, господа, видите, что я говорилъ правду». Первый чиновникъ въ Имперіи великій канцлеръ Воронцовъ, поговоривъ о той силѣ, какую имѣетъ онъ надъ умомъ народа и Императрицы, вызвался тотчасъ ѣхать въ Петербургъ. И въ самомъ дѣлѣ, пріѣхавъ къ Императрицѣ, онъ мудро представлялъ ей всѣ послѣдствія сего предпріятія. Она отвѣчала, показывая на народъ и войско: «причиною тому не я, но цѣлая нація». Великій канцлеръ отвѣчалъ, что онъ это очень видитъ, далъ присягу [1]) и въ то же время прибавилъ: «что не въ состояніи будучи послѣдовать за нею въ походъ и послѣ такого посольства, которое онъ тотчасъ сдѣлалъ, боясь сдѣлаться ей подозрительнымъ, онъ ее всеподданнѣйше проситъ приказать посадить его дома подъ арестъ, приставивъ къ нему одного офицера, который бы отъ него не отходилъ». Такимъ образомъ, каковъ бы ни былъ конецъ происшествія, онъ оставался безопасенъ съ той и другой стороны.

Однако, Императоръ послалъ приказъ къ своимъ Голштинскимъ войскамъ, чтобы поспѣшно явились съ артиллеріею. По всѣмъ Петербургскимъ дорогамъ разослали гусаровъ, чтобы узнавать новости, собирать крестьянъ въ сосѣдственныхъ деревняхъ и сзывать окрестъ проходящіе полки, если время сіе позволитъ. Онъ наименовалъ генералиссимусомъ того самаго камергера Императрицы, который шелъ къ нему навстрѣчу, чтобы извѣстить его о побѣгѣ. Онъ приказалъ послать въ Петербургъ за своимъ полкомъ, и многіе, пользуясь симъ случаемъ, его оставили. Онъ бѣгалъ большими

[1]) *Дашкова замѣчаетъ*:

Неправда, будто бы дядя мой, великій канцлеръ графъ Воронцовъ, присягнулъ Императрицѣ. Напротивъ, онъ отказывался отъ присяги и присягнулъ только тогда, когда послѣдовала кончина Императора.

шагами, подобно помѣшанному, часто просилъ пить и диктовалъ противъ нея два большіе манифеста, исполненные ужасныхъ ругательствъ. Множество придворныхъ занимались перепискою оныхъ, и такое же число гусаръ развозили сіи копіи. Наконецъ, въ сей крайности онъ рѣшился оставить свой Прусскій мундиръ и ленту и возложилъ всѣ знаки Россійской Имперіи.

Всѣ придворные прогуливались по садамъ въ уединеніи и печали, но Минихъ хотѣлъ спасти своего благодѣтеля. Слава прежнихъ побѣдъ доставила ему мѣсто при семъ мнимо-военномъ дворѣ и по 20-лѣтней ссылкѣ нашелъ только новую экзерцицію, которая съ изступленіемъ занимала цѣлую Европу и въ которой младшій поручикъ навѣрно превзошелъ бы стараго генерала, онъ до сего времени ни во что не мѣшался, но въ предстоящихъ опасностяхъ великіе таланты воспринимаютъ сами собою всю свою силу и, безъ сомнѣнія, спасая Императора, онъ льстилъ себя надеждою еще разъ сдѣлаться обладателемъ Имперіи; онъ представилъ ему и время, и силы Императрицы, возвѣстилъ, что въ нѣсколько часовъ она явится съ 20,000 войска и ужасной артилеріею; доказалъ, что ни Петергофъ, гдѣ они находятся, ни окрестности его не могутъ держаться въ оборонительномъ положеніи, и присовокупилъ изъ опыта, который имѣетъ онъ о свойствѣ русскаго солдата, что слабое сопротивленіе произведетъ только то, что они убьютъ Императора и женщинъ, его окружающихъ; спасеніе его и побѣда состоятъ въ Кронштадтѣ; тамъ находится многочисленный гарнизонъ и снаряженный флотъ; всѣ женщины, при немъ находящіяся, должны служить ему залогомъ, все зависитъ отъ выигрыша одного дня; народное движеніе, ночной бунтъ, все сіе должно само собою уничтожиться, а если бы и продолжалось, то Императоръ могъ бы противопоставить силы почти равныя и заставить трепетать Петербургъ.

Сей совѣтъ оживилъ всѣ сердца, даже тѣ, которыя помышляли о бѣгствѣ; видя нѣкоторую возможность въ успѣхѣ, рѣшились послѣдовать за Императоромъ, чтобы раздѣлять общую съ нимъ участь, если ему удастся, или чтобы снискать удобный случай измѣнить ему съ пользою для себя, если постигнетъ его несчастіе.

Преданный ему генералъ былъ посланъ въ Кронштадтъ [1])

[1]) Событія въ Кронштадтѣ подробно описаны ниже въ отдѣльной статьѣ.

принять надъ нимъ начальство, а адъютантъ его возвратился съ извѣстіемъ, что гарнизонъ пребываетъ вѣрнымъ своему долгу и рѣшился умереть за Императора, его тамъ ожидаютъ и трудятся съ величайшею ревностью, дабы приготовиться къ оборонѣ. Между тѣмъ, прибыли его Голштинскія войска, и увѣренность въ убѣжищѣ поселила въ немъ нѣкоторую безпечность. Онъ выстроилъ ихъ въ боевой порядокъ и, предаваясь безумной своей страсти, говорилъ: «что не долженъ бѣжать, не видавъ непріятеля». Приказали подвести къ берегу двѣ яхты; но какъ тщетно старались склонить его къ отъѣзду, то употребили къ тому шутовъ и любимыхъ его слугъ. Онъ называлъ ихъ трусами и разсматривалъ, съ какою выгодою можно бы употребить нѣкоторыя небольшія высоты. Между тѣмъ какъ онъ терялъ время на сіи пустыя распоряженія, узнали отъ гусаръ, пойманныхъ со стороны Императрицы, которые заѣхали для розысковъ, что въ Петербургѣ ей все покорилось, и она предводительствуетъ 20,000 войска. Въ 8 часовъ адъютантъ прискакалъ стремительно, говоря, что сія армія въ боевомъ порядкѣ была на пути къ Петергофу. При семъ извѣстіи Императоръ и весь Дворъ бросились къ берегу, заняли двѣ яхты и поспѣшно отправились: такимъ образомъ, ужасный планъ, предложенный Минихомъ, былъ исполненъ только отъ испуга.

Здѣсь не излишне упомянуть о такомъ обстоятельствѣ, которе само по себѣ ничего бы не значило, если бы не доказывало, съ какимъ примѣрнымъ хладнокровіемъ можно смотрѣть на сіи ужасныя происшествія. Одинъ очевидный свидѣтель сего бѣгства, оставшись спокойно на берегу, разсказывалъ объ этомъ на другой день; у него спросили: почему, когда его Государь отправлялся оспаривать свою корону и жизнь, онъ не захотѣлъ за нимъ слѣдовать? тогда онъ отвѣчалъ: въ самомъ дѣлѣ, я хотѣлъ сѣсть въ яхту, но было уже поздно; вѣтеръ дулъ къ сѣверу, а со мною не было плаща.

Они плыли къ Кронштадту на веслахъ и парусахъ; но послѣ отвѣта адъютанта въ семъ городѣ случилась странная перемѣна. Въ шумномъ совѣтѣ, который посреди самаго возмущенія по утру былъ въ Петербургѣ долгое время, не вспомнили о Кронштадтѣ. Молодой офицеръ изъ нѣмцевъ первый упомянулъ о немъ, и одно сіе слово доставило ему справедливыя награды. Вице-адмиралъ Талызинъ вызвался ѣхать въ сей городъ и не взялъ никого въ свою шлюпку.

Онъ запретилъ гребцамъ подъ опасеніемъ жизни сказывать, откуда онъ! Когда пріѣхали въ Кронштадтъ, то комендантъ, безъ приказанія коего не велѣно было никого пропускать, вышелъ самъ къ нему навстрѣчу; видя его одного, онъ позволилъ ему выйти на берегъ и спросилъ о новостяхъ. Талызинъ отвѣчалъ: что онъ ничего не знаетъ, но, живучи все въ деревнѣ, слышалъ, что въ Петербургѣ неспокойно, а какъ его мѣсто на флотѣ, то онъ и пріѣхалъ сюда прямо. Комендантъ повѣрилъ ему и какъ скоро отъ него ушелъ, то онъ, собравъ нѣсколько солдатъ, приказалъ имъ его арестовать и сказалъ, что Императоръ лишенъ престола, надобно оказать услугу Императрицѣ, сдавши ей Кронштадтъ, за что вѣрно получатъ награду. Они послѣдовали за нимъ; комендантъ былъ арестованъ, а онъ, собравши гарнизонъ и морскія войска, сдѣлалъ къ нимъ воззваніе и заставилъ присягнуть Императрицѣ.

Уже показались вдали двѣ императорскія галеры;—Талызинъ—по одной отважности властелинъ города—чувствовалъ, что одно появленіе Императора обратило бы все къ его погибели и что надлежало развлечь умы. Вдругъ по-приказанію его раздался въ городѣ звукъ набатнаго колокола, цѣлый гарнизонъ съ заряженными ружьями вылетѣлъ на крѣпостные валы и 200 фитилей засверкали надъ такимъ же числомъ пушекъ. Къ 10-ти часамъ вечера подъѣзжаетъ императорская яхта и приготовляется къ высадкѣ. Ей кричатъ: кто идетъ!—Императоръ.—«Нѣтъ Императора». При семъ ужасномъ словѣ онъ встаетъ, выходитъ впередъ и, сбрасывая свой плащъ, дабы показать свой орденъ, говоритъ: это я—познайте меня; уже онъ готовъ выходить вонъ; но весь гарнизонъ прибѣжавъ на помощь къ часовымъ, устремляетъ противъ него штыки; а комендантъ угрожаетъ открыть огонь, если онъ не удалится. Императоръ упадаетъ въ руки окружавшихъ его, а Талызинъ кричалъ съ пристани обѣимъ яхтамъ: «удалитесь, въ противномъ случаѣ по васъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ»,—и вся сія толпа повторяла: «галеры прочь, галеры прочь» съ такимъ ожесточеніемъ, что капитанъ, видя себя подъ тучей пуль, готовыхъ раздробить его, взялъ трубу и кричалъ: уѣдемъ, уѣдемъ, дайте время отчалить, а чтобы скорѣе сіе исполнить, приказалъ рубить канаты.

За трубнымъ крикомъ послѣдовало въ городѣ ужасное молчаніе, и по отплытіи галеры раздался еще ужаснѣйшій

крикъ: «да здравствуетъ Императрица Екатерина!»—Между тѣмъ, какъ галера бѣжала на веслахъ изо всей силы, Императоръ въ слезахъ говорилъ: «заговоръ повсемѣстный — я это видѣлъ съ перваго дня своего царствованія». Безъ силъ вошелъ онъ въ свою каюту, куда послѣдовала за нимъ одна его любезная съ отцомъ своимъ. Оба судна, отъѣхавъ на пушечный выстрѣлъ, остановились и, не получая никакого приказа, стояли на одномъ мѣстѣ и били по водѣ веслами. Такимъ образомъ провели они цѣлую ночь, которая была тиха. Минихъ, спокойно стоя на верхней палубѣ, любовался ея тишиною; между тѣмъ, какъ нѣкоторыя молодыя дамы, какъ послѣ сами разсказывали, шептали между собою политическую пословицу: Qu'allons nous faire dans cette galère?—такъ смѣшное бываетъ близко ужаснаго.

Когда всѣ войска Императрицы вышли изъ города и построились, то было такъ уже поздно, что въ тотъ день не могли далеко уйти. Сама Государыня, утомленная отъ прошедшей ночи и такого дня, отдыхала нѣсколько часовъ въ одномъ замкѣ [1]) на дорогѣ. Прибывъ на сіе мѣсто, она потребовала нѣкоторыхъ прохлажденій и, дѣлясь частію съ простыми офицерами, которые наперерывъ ей служили, говоря имъ: «что только будетъ у меня, все охотно раздѣлю съ вами».

Всѣ думали, что идутъ противъ Голштинскихъ войскъ, которыя были выстроены передъ Петергофомъ, но по отплытіи Императора они получили приказаніе возвратиться въ Ораніенбаумъ, и Петергофъ остался пустъ. Однако, сосѣдственные крестьяне, которыхъ посылали собирать, явились туда вооруженные вилами и косами; и, не находя ни войскъ, ни распоряженій, ожидали въ безпорядкѣ, что съ ними будетъ подъ командою тѣхъ самыхъ гусаръ, которые ихъ привели. Орловъ, первый партизанъ арміи, приблизился въ 5 часовъ утра для обозрѣнія, ударилъ плашмя саблями на сихъ бѣдныхъ, крича: «да здравствуетъ Императрица!» и они бросились бѣжать, кидая оружіе свое и повторяя: «да здравствуетъ Императрица!» И такъ армія безпрепятственно прошла на другую сторону Петергофа, и Императрица самовластно вошла въ тотъ самый дворецъ, откуда за 24 часа прежде убѣжала.

[1]) *Дашкова замѣчаетъ*: Въ день переворота мы остановились на отдыхъ вовсе не въ какомъ-нибудь замкѣ, а въ плохомъ трактирѣ.

Между тѣмъ, Императоръ стоялъ на водѣ нѣсколько часовъ, между флотомъ, готовымъ поразить его въ первомъ изступленіи бунта, арміей и двумя городами, которые отъ него отложились; отъ столь обширной Имперіи остались ему только двѣ яхты, безполезная въ Ораніенбаумѣ крѣпость и нѣсколько иностраннаго войска, лишеннаго бодрости, безъ аммуниціи и провіанта. Онъ приказалъ позвать въ свою каюту фельдмаршала Миниха и сказалъ: «Фельдмаршалъ! мнѣ бы надлежало немедленно послѣдовать вашему совѣту; вы видѣли много опасностей, скажите, наконецъ, что мнѣ дѣлать?»—Минихъ отвѣчалъ, что дѣло еще не проиграно: надлежитъ, не медля ни минуты, направить путь къ Ревелю, взять тамъ военный корабль, пустить въ Пруссію, гдѣ была его армія, возвратиться въ свою Имперію съ 80,000 человѣкъ, и клялся, что ближе полутора мѣсяца приведетъ государство въ прежнее повиновеніе.

Придворные и молодыя дамы вошли вмѣстѣ съ Минихомъ, чтобы изустно слышать, какое еще оставалось средство ко спасенію; они говорили, что у гребцовъ не достаетъ силъ, чтобы везти въ Ревель. «Такъ что же!—возразилъ Минихъ,—мы всѣ будемъ имъ помогать». Весь дворъ содрогнулся отъ сего предложенія, и потому ли, что лесть не оставляла сего несчастнаго Государя, или потому, что онъ былъ окруженъ измѣнниками (ибо чему приписать такое несогласіе ихъ мнѣній?), ему представили, что онъ не въ такой еще крайности; неприлично столь мощному Государю выходить изъ своихъ владѣній на одномъ суднѣ; невозможно вѣрить, чтобы нація противъ него взбунтовалась, и вѣрно цѣлію сего возмущенія имѣютъ, чтобы примирить его съ женою.

Петръ рѣшился на примиреніе и, какъ человѣкъ, желающій даровать прощеніе, онъ приказалъ себя высадить въ Ораніенбаумѣ. Слуги со слезами встрѣтили его на берегу. «Дѣти мои,—сказалъ онъ,—теперь мы ничего не значимъ». Ихъ слезы тронули его до глубины души и сердца. Онъ узналъ отъ нихъ, что армія Императрицы была очень близко, а потому тайно приказалъ осѣдлать наилучшую свою лошадь въ намѣреніи, переодѣвшись, уѣхать одинъ въ Польшу, но встревоженная мысль скоро привела его въ недоумѣніе, и его любезная, обольщенная надеждою найти убѣжище, а можетъ быть въ то же время для себя и престолъ, убѣдила его послать къ Императрицѣ просить ее, чтобы она по-

зволила имъ ѣхать вмѣстѣ въ герцогство Голштинское. По словамъ ея, это значило исполнить всѣ желанія Императрицы, которой ничто такъ не нужно, какъ примиреніе, столь благопріятное ея честолюбію: и когда императорскіе слуги кричали: «Батюшка нашъ! она прикажетъ умертвить тебя!»— тогда любезная его отвѣчала имъ: «для чего пугаете вы своего Государя?!»

Это было послѣднее рѣшеніе, и тотчасъ послѣ единогласнаго совѣта, въ которомъ положено, что единственное средство избѣжать перваго ожесточенія солдатъ было то, чтобы не дѣлать имъ никакого сопротивленія, онъ отдалъ приказъ разрушить все, что могло служить къ малѣйшей оборонѣ, свезти пушки, распустить солдатъ и положить оружіе. При семъ зрѣлищѣ Минихъ, объятый негодованіемъ, спросилъ его: «ужели онъ не умѣетъ умереть, какъ Императоръ, передъ своимъ войскомъ?—Если вы боитесь,—продолжалъ онъ,—сабельнаго удара, то возьмите въ руки распятіе, они не осмѣлятся вамъ вредить, а я буду командовать въ сраженіи». Императоръ держался своего рѣшенія и написалъ своей супругѣ, что онъ оставляетъ ей Россійское государство и проситъ только позволенія удалиться въ свое герцогство Голштинское съ фрейлиной Воронцовой и адъютантомъ Гудовичемъ.

Камергеръ, котораго наименовалъ онъ своимъ генералиссимусомъ, былъ посланъ съ симъ письмомъ и всѣ придворные бросались въ первыя суда и, поспѣшно оставляя Императора, стремились умножить новый штатъ.

Въ отвѣтъ Императрица послала къ нему для подписанія отреченіе слѣдующаго содержанія:

«Во время кратковременнаго и самовластнаго моего царствованія въ Россійской Имперіи я узналъ на опытѣ, что не имѣю достаточныхъ силъ для такого бремени, и управленіе таковымъ государствомъ не только самовластное, но какою бы ни было формою превышаетъ мои понятія, и потому и примѣтилъ я колебаніе, за которымъ могло бы послѣдовать и совершенное онаго разрушеніе къ вѣчному моему безславію. Итакъ, сообразивъ благовременно все сіе, я добровольно и торжественно объявляю всей Россіи и цѣлому свѣту, что на всю жизнь свою отрекаюсь отъ Правленія помянутымъ государствомъ, не желая тамъ царствовать ни самовластно, ниже подъ другою какою-либо формою пра-

вленія, даже не домогаться того никогда посредствомъ какой-либо посторонней помощи. Въ удостовѣреніе чего клянусь передъ Богомъ и всею вселенною, написавъ и подписавъ сіе отреченіе собственною своею рукою».

Чего оставалось бояться отъ человѣка, который унизилъ себя до того, что переписалъ и подписалъ такое отреченіе? или что надобно подумать о націи, у которой такой человѣкъ былъ еще опасенъ?

Тотъ же самый камергеръ, отвезши сіе отреченіе къ Императрицѣ, скоро возвратился назадъ, чтобы обезоружить Голштинскихъ солдатъ, которые съ бѣшенствомъ отда-

Отъѣздъ Екатерины II изъ Петергофа.

вали свое оружіе и были заперты по житницамъ; наконецъ, онъ приказалъ сѣсть въ карету Императору, его любезной и любимцу и безъ всякаго сопротивленія привезъ ихъ въ Петергофъ. Петръ, отдаваясь добровольно въ руки своей супруги, былъ не безъ надежды.

Первыя войска, которыя онъ встрѣтилъ, никогда его не видали; это были тѣ 3,000 казаковъ, которыя нечаянный случай привелъ къ сему происшествію. Они хранили глубокое молчаніе и не причинили ему никакого безпокойства. Но,

какъ скоро увидѣла его армія, то единогласные крики: «да здравствуетъ Екатерина!» раздались со всѣхъ сторонъ, и среди сихъ-то новыхъ восклицаній, неистово повторяемыхъ, проѣхавъ всѣ полки, онъ лишился памяти. Подъѣхали къ большому подъѣзду, гдѣ при выходѣ изъ кареты его любезную подхватили солдаты и оборвали съ нея знаки. Любимецъ его былъ встрѣченъ крикомъ ругательства, на которое онъ отвѣчалъ имъ съ гордостью и укорялъ ихъ въ преступленіи. Императоръ вошелъ одинъ въ жару бѣшенства. Ему говорятъ: «раздѣвайся!» И какъ не одинъ изъ мятежниковъ не прикасался къ нему рукою, то онъ сорвалъ съ себя ленту, шпагу и платье, говоря: «теперь я весь въ вашихъ рукахъ». Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ въ рубашкѣ, босикомъ на посмѣяніе солдатъ. Такимъ образомъ, Петръ былъ разлученъ навсегда со своею любезною и своимъ любимцемъ, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое были вывезены подъ крѣпкими караулами въ разныя стороны.

Петербургъ со времени отправленія Императрицы былъ въ неизвѣстности и 24 часа не получалъ никакой новости. По разнымъ слухамъ, которые пробѣгали по городу, думали, что при малѣйшихъ надеждахъ Императоръ найдетъ еще тамъ своихъ защитниковъ. Иностранцы были не безъ страха, зная, что настоящіе русскіе, гнушаясь и новыхъ обычаевъ, и всего, что приходитъ къ нимъ изъ чужихъ краевъ, просили иногда у своихъ государей въ награду позволенія перебить всѣхъ иностранцевъ; но каковъ бы ни былъ конецъ, они опасались своевольства или ярости солдатъ.

Въ 5 часовъ вечера услышали отдаленный громъ пушекъ; всѣ внимательно прислушивались, скоро по равномѣрнымъ промежуткамъ времени различили, что это были торжественные залпы, дождались объ окончаніи дѣла и съ того времени во всѣхъ было одинаковое расположеніе.

Императрица ночевала въ Петергофѣ, и на другой день поутру прежнія ея собесѣдницы, которыя оставили ее въ ея бѣдствіяхъ, молодыя дамы, которыя вездѣ слѣдовали за Императоромъ, придворные, которые въ намѣреніи управлять симъ Государствомъ въ продолженіи сихъ лѣтъ, питали въ немъ ненависть къ его супругѣ, явились къ ней всѣ и поверглись къ ногамъ ея.

Большая часть изъ нихъ были родственники фрейлины Воронцовой. Видя ихъ поверженныхъ, княгиня Дашкова,

сестра ея, также бросились на колѣни [1]), говоря: «Государыня! вотъ мое семейство, которымъ я вамъ пожертвовала». Императрица приняла ихъ всѣхъ съ плѣнительнымъ снисхожденіемъ и при нихъ же пожаловала княгинѣ ленту и драгоцѣнные уборы сестры ея. Минихъ находился въ сей же толпѣ, она сказала ему: «вы хотѣли противъ меня сражаться?»— «Такъ, Государыня, — отвѣчалъ онъ, — а теперь мой долгъ сражаться за Васъ». Она оказала къ нему такое уваженіе и милость, что удивляясь дарованіямъ сей Государыни, онъ скоро предложилъ ей въ слѣдующихъ потомъ разговорахъ всѣ тѣ знанія во всѣхъ частяхъ всей обширной Имперіи, которыя пріобрѣлъ онъ въ продолжительный вѣкъ свой въ наукахъ на войнѣ, въ министерствѣ и ссылкѣ, потому ли, что онъ былъ тронутъ симъ великодушнымъ и неожиданнымъ пріемомъ, или, какъ полагали, потому, что это было послѣднее усиліе его честолюбія.

Въ сей самый день она возвратилась въ городъ торжественно, и солдаты при сей радости были содержимы въ такой же строгой дисциплинѣ, какъ и во время возмущенія.

Императрица была нѣсколько разгорячена, и встревоженная кровь произвела по ея тѣлу небольшія красноты. Она провела нѣсколько дней въ отдохновеніи. Новый Дворъ ея представлялъ зрѣлище, достойное вниманія; въ немъ радость столь великаго успѣха не препятствовала никому наблюдать все вокругъ себя внимательно; тончайшія предосторожности были приняты, посреди безпорядка, въ которомъ придворные старались, уже по своей хитрости взять преимущество надъ ревностными заговорщиками, гордящимися оказанною услугою, и поелику щедроты Государыни не опредѣлили никому надлежащаго мѣста, то всякій хотѣлъ показаться тѣмъ, чѣмъ непремѣнно хотѣлось сдѣлаться. Въ сіи-то первые дни княгиня Дашкова, вошедъ къ Императрицѣ, по особенной съ нею короткости, къ удивленію своему, увидѣла Орлова на длинныхъ креслахъ и съ обнаженною ногою, которую Императрица сама перевязывала, ибо онъ получилъ въ сію ногу контузію.

Княгиня сдѣлала замѣчаніе на столь излишнюю милость,

---

[1]) *Дашкова замѣчаетъ:*

Въ Петергофѣ я никогда не бросалась къ ногамъ Императрицы вмѣстѣ съ моими родными. Никого изъ моихъ родныхъ тамъ не было.

Алеѯсѣй Орловъ-Чесменскій.

Печатается въ первый разъ.

и скоро, узнавъ все подробнѣе, она приняла тонъ строгаго наблюденія. Ея планы вольности, ея усердіе участвовать въ дѣлахъ (что извѣстно стало въ чужихъ краяхъ, гдѣ повсюду ей приписывали честь заговора, между тѣмъ, какъ Екатерина хотѣла казаться избранною и можетъ быть успѣла себя въ этомъ увѣрить); наконецъ, все не нравилось, и немилость къ ней обнаружилась въ дни блистательной славы, которую воздали ей изъ приличія.

Орловъ скоро обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Между Императрицей и симъ дотолѣ неизвѣстнымъ человѣкомъ оказалась та нѣжная короткость, которая была слѣдствіемъ давнишней связи. Дворъ былъ въ крайнемъ удивленіи. Вельможи, изъ которыхъ многіе почитали несомнѣнными права свои на сердце Государыни, не понимали, какъ, несмотря даже на его неизвѣстность, сей соперникъ скрывался отъ ихъ проницательности, и съ жесточайшею досадою видѣли, что они трудились только для его возвышенія. Не знаю почему, — по своей дерзости, въ намѣреніи ли заставить молчать своихъ соперниковъ или по согласію съ своею любезною, дабы оправдать то величіе, которое она ему предназначала, онъ осмѣлился однажды ей сказать въ публичномъ обѣдѣ: что онъ самовластный повелитель гвардіи и, чтобы лишить ея престола, стоитъ только ему захотѣть. Всѣ зрители за сіе оскорбились, нѣкоторые отвѣчали съ негодованіемъ, но столь усердные служители были худые придворные; они исчезли, и честолюбіе Орлова не знало никакихъ предѣловъ.

Городъ Москва, столица Имперіи, получила извѣстіе о революціи такимъ образомъ, который причинилъ много безпокойства. Въ столь обширномъ городѣ заключается настоящая Россійская нація, между тѣмъ, какъ Петербургъ есть только резиденція Двора. Пять полковъ составляли гарнизонъ. Губернаторъ приказалъ раздать каждому солдату по 20 патроновъ. Собравъ ихъ на большой площади предъ старинным Царскимъ Дворцомъ въ древней крѣпости, называемой Кремлемъ, которая построена передъ симъ за 400 лѣтъ и была первою колыбелью Россійскаго могущества. Онъ пригласилъ туда и народъ, который, съ одной стороны встревоженный раздачей патроновъ, а съ другой увлекаемый любопытствомъ, собрался туда со всѣхъ сторонъ, и въ такомъ множествѣ, какое только могло помѣститься

въ крѣпости. Тогда губернаторъ читалъ во весь голосъ манифестъ, въ коемъ Императрица объявляла о восшествіи своемъ на престолъ и объ отреченіи ея мужа; когда онъ окончилъ свое чтеніе, то закричалъ: «да здравствуетъ Императрица Екатерина II». Но вся сія толпа и пять полковъ хранили глубокое молчаніе. Онъ возобновилъ тотъ же крикъ,—ому отвѣтили тѣмъ же молчаніемъ, которое прерывалось только глухимъ шумомъ солдатъ, роптавшихъ между собою за то, что гвардейскіе полки располагаютъ престоломъ по своей волѣ. Губернаторъ съ жаромъ возбуждалъ офицеровъ, его окружавшихъ, соединиться съ нимъ; они закричали въ третій разъ; «да здравствуетъ Императрица!» и, опасаясь быть жертвою раздраженныхъ солдатъ и народа, тотчасъ приказали ихъ распустить [1]).

Уже прошло 6 дней послѣ революціи, и сіе великое происшествіе казалось конченнымъ, такъ что никакое насиліе не оставило непріятныхъ впечатлѣній. Петръ содержался въ прекрасномъ домѣ, называемомъ Ропша, въ 6 миляхъ отъ Петербурга. Въ дорогѣ онъ спросилъ карты и состроилъ изъ нихъ родъ крѣпости, говоря: «я въ жизнь свою болѣе ихъ не увижу». Пріѣхавъ въ сію деревню, онъ спросилъ свою скрипку, собаку и негра.

Но солдаты удивлялись своему поступку и не понимали, какое очарованіе руководило ихъ къ тому, что они лишили престола внука Петра Великаго и возложили его корону на нѣмку. Большая часть безъ цѣли и мысли были увлечены движеніемъ другихъ, и когда всякій вошелъ въ себя и удовольствіе располагать короной миновало, то почувствовали угрызенія. Матросы, которыхъ не льстили ничѣмъ во время бунта, упрекали публично въ кабачкахъ гвардейцевъ, что они на пиво продали своего Императора, и состраданіе, которое оправдываетъ и самыхъ величайшихъ злодѣевъ, говорило въ сердцѣ каждаго. Въ одну ночь приверженная къ Императрицѣ толпа солдатъ взбунтовалась отъ пустого страха, говоря: «что ихъ матушка въ опасности». Надлежало ее разбудить, чтобы они ее видѣли. Въ слѣдующую ночь новое возмущеніе еще опаснѣе; однимъ словомъ, пока

---

[1]) *Дашкова замѣчаетъ*:

Ложь, будто въ Москвѣ равнодушно приняли извѣстіе о переворотѣ; напротивъ, радость была всеобщая, и ее восторженно выражали.

жизнь Императора подавала поводъ къ мятежамъ, то думали, что нельзя ожидать спокойствія.

Одинъ изъ графовъ Орловыхъ (ибо съ перваго дня имъ дано было сіе достоинство), тотъ самый солдатъ, извѣстный по находящемуся на лицѣ знаку, который утаилъ билетъ княгини Дашковой, и нѣкто по имени Тепловъ [1]), достигшій изъ нижнихъ чиновъ по особенному дару губить своихъ сопериковъ, пришли вмѣстѣ къ несчастному сему Государю и объявили при входѣ, что они намѣрены съ нимъ обѣдать. По обыкновенію русскому передъ обѣдомъ подали рюмки съ водкою и представленная Императору была съ ядомъ. Потому ли, что они спѣшили доставить свою новость или ужасъ злодѣянія понуждалъ ихъ торопиться, черезъ минуту они налили ему другую. Уже пламя распространилось по его жиламъ, и злодѣйство, изображенное на ихъ лицахъ, возбудило въ немъ подозрѣніе—онъ отказался отъ другой, они употребили насиліе, а онъ противъ нихъ оборону. Въ сей ужасной борьбѣ, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло, и повергли на землю; но какъ онъ защищался всѣми силами, какія придаетъ послѣднее отчаяніе, а они избѣгали всячески, чтобы не нанести ему раны, опасаясь за сіе наказанія, то и призвали къ себѣ на помощь двухъ офицеровъ, которымъ поручено было его караулить и которые въ сіе время стояли у дверей внѣ тюрьмы. Это былъ младшій князь Барятинскій и нѣкто Потемкинъ 17-ти лѣтъ отъ роду. Они показали такое рвеніе въ заговорѣ, что, несмотря на ихъ первую молодость, имъ ввѣрили сію стражу. Они прибѣжали и трое изъ сихъ убійцъ, обвязавъ и стянувши салфеткою шею сего несчастнаго Императора, между тѣмъ какъ Орловъ обоими колѣнами давилъ ему грудь и заперъ дыханіе; такимъ образомъ его задушили и онъ испустилъ духъ въ рукахъ ихъ.

Нельзя достовѣрно сказать, какое участіе принимала Императрица въ семъ приключеніи [2]); но извѣстно то, что въ сей самый день, когда сіе случилось, Государыня садилась за столъ съ отмѣнною веселостію.

Вдругъ является тотъ самый Орловъ, растрепанный въ потѣ и пыли, въ изорванномъ платьѣ, съ безпокойнымъ ли-

[1]) *Дашкова замѣчаетъ.* Ложь, будто Тепловъ посланъ былъ въ Ропшу.

[2]) Объ этомъ смотри ниже отдѣльную статью и документы.

цомъ, исполненнымъ ужаса и торопливости. Войдя въ комнату, сверкающіе и быстрые глаза его искали Императрицу [1]). Не говоря ни слова, она встала, пошла въ кабинетъ, куда и онъ послѣдовалъ; черезъ нѣсколько минутъ она позвала къ себѣ графа Панина, который былъ уже именованъ ея министромъ. Она извѣстила его, что Государь умеръ, и совѣтовалась съ нимъ, какимъ образомъ публиковать о его смерти народу. Панинъ совѣтовалъ пропустить одну ночь и на другое утро объявить сію новость, какъ будто сіе случилось ночью. Принявъ сей совѣтъ, Императрица возвратилась съ тѣмъ же лицомъ и продолжала обѣдать съ тою же веселостью. На утро, когда узнали, что Петръ умеръ отъ геморроидальной колики, она показалась орошенная слезами и возвѣстила печаль свою указомъ.

Тѣло покойнаго было привезено въ Петербургъ и выставлено на показъ. Лицо черное и шея уязвленная. Несмотря на сіи ужасные знаки, чтобы усмирить возмущенія, которыя начинали обнаруживаться, и предупредить, чтобы самозванцы подъ его именемъ не потрясли бы нѣкогда Имперію, его показывали три дня народу въ простомъ нарядѣ Голштинскаго офицера. Его солдаты, получивъ свободу, но безъ оружія, мѣшались въ толпѣ народа, и смотря на своего Государя, обнаруживали на лицахъ своихъ жалость, презрѣніе, нѣкоторый родъ стыда и поздняго раскаянія.

Скоро ихъ посадили на суда и отправили въ свое отечество; но по роковому дѣйствію на нихъ жестокой ихъ судьбы буря потопила почти всѣхъ сихъ несчастныхъ. Нѣкоторые спаслись на ближайшихъ скалахъ къ берегу, но были также потоплены тѣмъ временемъ, какъ Кронштадтскій Губернаторъ посылалъ въ Петербургъ спросить, позволено ли будетъ имъ помочь?

Императрица спѣшила отправить всѣхъ родственниковъ покойнаго Императора въ Голштинію со всею почестію и даже отдала сіе Герцогство въ управленіе принцу Георгу. Бирон, который уступалъ сему Принцу права свои на Герцогство Курляндское, при семъ отдаленіи увидалъ себя въ прежнихъ своихъ правахъ; а Императрица, желая уничтожить управлявшаго тамъ Принца и имѣя намѣреніе го-

---

1) Алексѣй Орловъ письменно извѣстилъ о смерти Петра, а не лично. *Смотри ниже его письма.*

сподствовать тамъ одна, чтобы не встрѣчать препятствій своимъ планамъ на Польшу и не зная, на что употребить такого человѣка, какъ Бирон, отправила его царствовать въ сіе Герцогство. Узнавъ о революціи, Понятовскій, почитая ее свободною, хотѣлъ передъ нею явиться, но благоразумные совѣты его удержали; онъ остановился на границахъ и всякую минуту ожидалъ позволенія пріѣхать въ Петербургъ [1]), со времени своего отъѣзда, онъ доказывалъ къ ней самую настоящую страсть, которая можетъ служить примѣромъ. Сей молодой человѣкъ, выѣхавшій изъ Россіи поспѣшно, въ такой землѣ, гдѣ искусства не усовершенствованы, не могъ достать портрета своей любезной, но по его памяти, по его описанію достигъ того, что ему написали ее совершенно сходно. Не отнимая у него надежды, она умѣла всегда держать его въ отдаленіи, и скоро употребила русское оружіе, которое всегда желаетъ квартировать въ Польшѣ, чтобы доставить ему Корону. Она склонила Принца Ангальтъ-Цербтскаго, своего брата, не служить никакому монарху; но она не принимала его также и въ Россію, всячески избѣгая всего того, что могло напомнить русссимъ, что она иностранка, и черезъ то внушать имъ опасеніе подпасть опять подъ иго нѣмцевъ. Всѣ Государи наперерывъ искали ея союза, и одинъ только Китайскій Императоръ, котораго обширныя области граничатъ съ Россіею, отказался принять ея посольство и далъ отвѣтъ, что онъ не ищетъ съ нею ни дружбы, ни коммерціи и никакого сообщенія.

Первое стараніе ея было вызвать прежняго Канцлера Безстужева, который, гордясь тогда самою ссылкою своею, разставилъ во многихъ мѣстахъ во дворцѣ свои портреты въ одѣяніи несчастнаго. Она наказала слегка француза Брессана, увѣдомившаго Императора, и оставивъ ему все его имущество, казалось, удовлетворила ненависти придворныхъ только тѣмъ, что отняла у него ленту третьяго по Имперіи ордена. Она немедленно дала почувствовать Графу Шувалову, что онъ долженъ удалиться, и жестоко подшутила, подаривъ любимцу покойной Императрицы стараго араба, любимаго шута покойнаго Императора. Учредивъ порядокъ во всѣхъ частяхъ Государства, она пріѣхала въ Москву для

[1]) Смотри ниже ихъ переписку.

коронованія своего въ соборной церкви древнихъ Царей. Сія столица встрѣтила ее равнодушно—безъ удовольствія. Когда она проѣзжала по улицамъ, то народъ бѣжалъ отъ нея, между тѣмъ какъ сынъ ея всегда окруженъ былъ толпою. Противъ нея были даже заговоры. Піемонтецъ Одаръ былъ доносчикомъ. Онъ измѣнилъ прежнимъ друзьямъ своимъ, которые, будучи уже недовольны Императрицею, устроили ей новые ковы, и въ единственную за то награду просилъ только денегъ. На всѣ предложенія, данныя ему Императрицею, чтобы возвести его на высшую степень, онъ отвѣчалъ всегда: «Государыня, дайте мнѣ денегъ», и какъ скоро получилъ, то и возвратился въ свое отечество.

Черезъ полгода она возвратила ко Двору того Гудовича, который былъ такъ преданъ Императору, и его вѣрность была вознаграждена благосклоннымъ предложеніемъ наилучшихъ женщинъ. Фрейлинѣ Воронцовой, недостойной своей соперницѣ, она позволила возвратиться въ Москву въ свое семейство, гдѣ нашла она сестру Княгиню Дашкову, которой отъ столь знаменитаго предпріятія остались въ удѣлъ только беременность, скрытая досада и горестное познаніе людей.

Вся обстановка сего царствованія, казалось, состояла въ рукахъ Орловыхъ. Любимецъ скоро отрѣшилъ отъ должности Главнаго Начальника Артиллеріи Вильбуа и получилъ себѣ его мѣсто и полкъ. Замѣченный рубцомъ на лицѣ остался въ одномъ Гвардейскомъ Полку съ главнымъ надзоромъ надъ всѣмъ корпусомъ, а третій получилъ первое мѣсто въ Сенатѣ. Кровавый переворотъ окончилъ жизнь Іоанна, и Императрица не опасалась болѣе соперника, кромѣ собственнаго сына, противъ котораго она, казалось, себя обезпечила, повѣривъ главное управленіе дѣлами Графу Панину, бывшему всегда его воспитателемъ. Довѣренность, которою пользовался сей министръ, противополагалась всегда могуществу Орловыхъ; почему Дворъ раздѣлился на двѣ партіи—остатокъ двухъ заговоровъ, и Императрица посреди обѣихъ управляла самовластно съ такою славою, что въ царствованіе ея многочисленные народы Европы и Азіи покорились ея власти.

Переворотъ по воспоминаніямъ Екатерины.

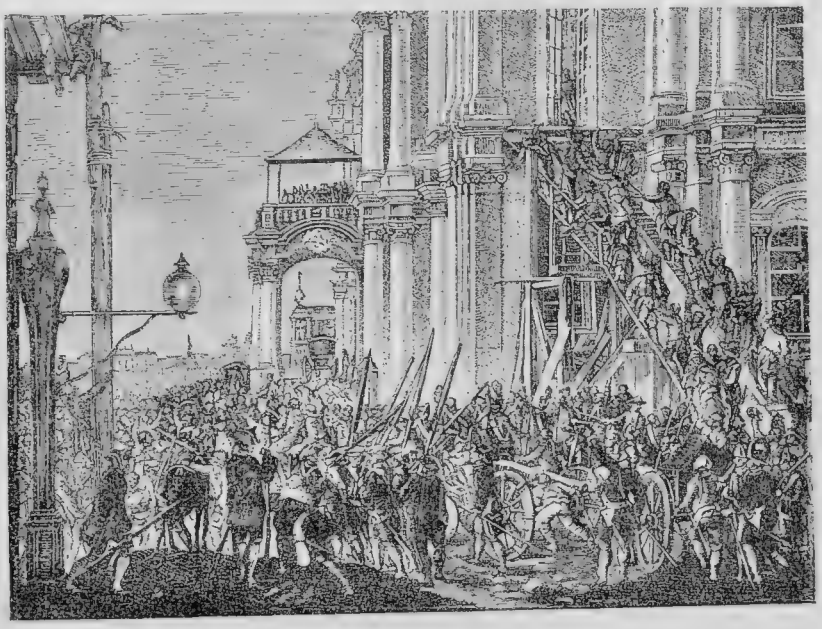
I.

Смерть Елисаветы Петровны.

Во время болѣзни блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1761 года, слышала я изъ устъ Никиты Ивановича Панина, что трое Шуваловы, Петръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ, чрезвычайно робѣютъ о приближающейся кончинѣ Государыни Императрицы, о будущемъ жребіи ихъ; что отъ сей робости ихъ родятся у многихъ окружающихъ ихъ разнообразные проекты; что наслѣдника ея всѣ боятся; что онъ не любимъ и не почитаемъ никѣмъ; что сама Государыня совѣтуетъ, кому поручить престолъ; что склонность въ ней находятъ отрѣшить наслѣдника неспособнаго, отъ котораго много имѣла сама досады, и взять сына его семилѣтняго и мнѣ поручить управленіе, но сіе послѣдніе, касательно моего управленія, не по вкусу Шуваловыхъ. Изъ сихъ проектовъ родилось, что посредствомъ Мельгунова, Шуваловы помирились съ Петромъ III, и Государыня скончалась безъ иныхъ распоряженій. Но тѣмъ не кончилась ферментація публики, а начало ея приписать можно дурному Шуваловскому управленію и беззаконному Бестужевскому дѣлу, то-есть къ 1759 году.

При самой кончинѣ Госуд. Имп. Елисаветы Петровны прислалъ ко мнѣ князь Михаилъ Иван. Дашковъ, тогдашній капитанъ гвардіи, сказать: «повели, мы тебя возведемъ на престолъ». Я приказала ему сказать: «Бога ради, не начинайте вздоръ; что Богъ захочетъ, то и будетъ, а ваше предпріятіе есть рановременная и несозрѣлая вещь». Къ

князю Дашкову же ѣзжали и въ дружбѣ и согласіи находились всѣ тѣ, кои потомъ имѣли участіе въ моемъ восшествіи, яко то: трое Орловы, пятеро капитаны полку Измайловскаго и прочіе. Женатъ же онъ былъ на родной сестрѣ Елисав. Роман. Воронцовой, любимицѣ Петра III. Княгиня же Дашкова отъ самаго почти ребячества ко мнѣ оказывала особливую привязанность, но тутъ находилась еще персона опасная, братъ княгининъ, Семенъ Романовичъ Воронцовъ, котораго Елисавета Романовна, да по ней и Петръ III, чрезвычайно любили. Отецъ же Воронцовыхъ,



Войска передъ дворцомъ.

Романъ Ларіоновичъ, опаснѣе всѣхъ былъ по своему сварливому и переметливому нраву; онъ же не любилъ княгиню Дашкову.

Императрица Елисавета Петровна скончалась въ самое Рождество 25 декабря 1761 года, въ три часа за полудни. Я осталась при тѣлѣ ея. Петръ III, вышедъ изъ покоя, пошелъ въ конференцію и прислалъ мнѣ сказать черезъ Мельгунова, чтобъ я осталась при тѣлѣ, дондеже пришлетъ мнѣ сказать. Я Мельгунову сказала: «Вы видите, что я здѣсь и приказаніе исполню». Я изъ сего приказанія заключила, что владычествующая факція опасается моей инфлуенціи. Тѣло

Императрицы Елисаветы Петровны едва успѣли убрать и положить на кровать съ балдахиномъ, какъ гофъ-маршалъ ко мнѣ пришелъ съ повѣсткою, что будетъ въ галереѣ (то-есть, комнаты черезъ три отъ усопшаго тѣла) ужинъ, для котораго повѣщено быть въ свѣтломъ богатомъ платьѣ [1]). Я послала богатое платье въ комнаты сына моего, живущаго возлѣ покойной Государыни. Я одѣлась и паки въ такомъ нарядѣ пришла къ усопшему тѣлу, гдѣ мнѣ велѣно было оставаться и ждать приказаній. Тутъ уже окошки были открыты, и Евангеліе читали.

Погодя нѣсколько, пришли отъ Государя мнѣ сказать, чтобъ я шла въ церковь. Пришедъ туда, я нашла, что тутъ всѣ собраны для присяги, послѣ которой отпѣли вмѣсто панихиды благодарственный молебенъ; потомъ митрополитъ Новгородскій Сѣченовъ говорилъ рѣчь Государю. Сей былъ внѣ себя отъ радости, и оной ни мало не скрывалъ и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески, и не произнося окромѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшного Арлекина, нежели иного чево, требуя однако всякое почтеніе. Изъ церкви вышедши, я пошла въ свой покой, гдѣ до самаго ужина я горько плакала толико о покойной Государынѣ, которая всякія милости ко мнѣ оказывала и послѣдніе два года меня полюбила отмѣнно, какъ и о настоящемъ положеніи вещей. Когда кушанье поставлено было, мнѣ пришли сказать, и я пошла къ ужину. Столъ поставленъ былъ въ куртажной галереѣ персонъ на полтораста и болѣе, и галерея набита была зрителями. Многіе, не нашедъ мѣста за ужиномъ, ходили такъ же около стола, въ томъ числѣ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и Мельгуновъ. Сей изъ прислужниковъ Шуваловыхъ сдѣлался ихъ протекторомъ. У Ивана же Ивановича Шувалова хотя знаки отчаянности были на щекѣ, ибо видно было, какъ пяти пальцами кожа содрана была, но тутъ, за стуломъ Петра III шутилъ и смѣялся съ нимъ. Я сидѣла возлѣ новаго Императора, а возлѣ меня князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, который во весь столъ ни о чемъ ни говорилъ, какъ о великой своей радости, что Государь царствуетъ. Множество

[1]) Императрица Елисавета Петровна скончалась въ тогдашнемъ Зимнемъ дворцѣ, на Невскомъ, на углу Большой Морской, что нынѣ домъ Елисѣева. *Ред.*

дамъ также ужинали; многія изъ нихъ, такъ какъ и я, были съ расплаканными глазами, а многія изъ нихъ въ тотъ же день, не бывъ въ дружбѣ между собою, помирились. Ужинъ сей продолжался часа съ полтора. Пришедъ въ свои комнаты, я начала раздѣваться, чтобы лечь въ постелю, когда принесли повѣстку, чтобъ дамамъ на завтра быть въ робахъ богатыхъ, и будетъ большой обѣденный столъ въ той же галереѣ; сидѣть же по билетамъ.

Потомъ я легла въ постель; но я, хотя предъ тѣмъ двѣ ночи не спала, проводя оныхъ въ покоѣ покойной Императрицы, но сонъ далеко отъ меня былъ и никакъ заснуть не могла, и начала размышлять о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. И сдѣлала я слѣдующее заключеніе: Ежели въ первомъ часу царствованія оставили честнаго человѣка, и не постыдились на его мѣсто возвести бездѣльника, чего ждать [1]). Говорила я себѣ: твою инфлуенцію опасаются; удались отъ всево; ты знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь, по твоимъ мыслямъ и правиламъ дѣла не поведутъ, слѣдовательно ни чести, ни славы—тутъ не будетъ; пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ. Взявъ сіе за правило своего поведенія, во всѣ шесть мѣсяцевъ царствованія Петра III я ни во что не вступалась, окромѣ похоронъ покойной Государыни, по которымъ траурной комиссіи велѣно было мнѣ докладываться, что я и исполнила со всякимъ радѣніемъ, въ чемъ я и заслужила похвалу отъ всѣхъ [2]). Я тутъ же брала совѣты отъ старыхъ дамъ, графини Марьи Андр. Румянцевой, графини Анны Карловны Воронцовой, отъ фельдмаршальши Аграфены Леонтьевны Апраксиной, и иныхъ, подручно случающихся, въ чемъ и на нихъ угодила чрезвычайно.

На другой день по утру нарядилась въ богатой робѣ и пошла къ обѣднѣ, потомъ на поклонъ къ тѣлу, а оттуда къ столу по билетамъ. Сей столъ былъ съ расплаканными глазами почти у всѣхъ, и мало было лицъ равнодушныхъ, и усталь на всѣхъ видно было. Послѣ обѣда я пошла къ себѣ. Во время сего стола тѣло покойной Государыни анатомили.

---

1) Вѣроятно, разумѣются тутъ сама Екатерина и Елисавета Романовна Воронцова.

2) См. въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 года портретъ Екатерины, работы Чемесова, въ широкой траурной одеждѣ и съ такъ называемомъ шнипомъ на головѣ. Она въ это время была на пятомъ мѣсяцѣ беременности Бобринскимъ. *Примѣчаніе Бартенева.*

Къ вечеру мнѣ пришли сказать, что посланы курьеры для освобожденія и возвращенія въ Перербургъ Бирона, Миниха, Лестока и Лопухиныхъ, и что Гудовичъ ѣдетъ въ Берлинъ съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ Императора. Я на сіе сказала: «Дѣла поспѣшно идутъ».

На третій день я, надѣвъ черное платье, пошла къ тѣлу, гдѣ отправлялась панихида; тутъ ни Императора и никово не было, кромѣ у тѣла дневальныхъ, да тѣ, кои со мною пришли. Оттудова я пошла къ сыну моему, а потомъ по-

Екатерина Романовна Дашкова.

сѣтила я графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ его покоѣ во дворцѣ, гдѣ онъ отъ чистосердечной горести по покойной Государынѣ находился боленъ. Онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ моимъ, но я, не допустя его до того, обняла его и, обнявшись оба, мы завыли голосомъ и не могши почти говорить слова оба. Я, вышедъ отъ него, пошла къ себѣ.

Пришедъ въ свой покой, услышала, что Императоръ приказалъ приготовить для себя покой отъ меня чрезъ сѣни, гдѣ жилъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, и что въ его покоѣ, возлѣ моихъ, будетъ жить Елисавета Романовна Воронцова.

Въ сей день къ вечеру Императоръ поѣхалъ куда-то на вечеринку править Святки.

Какъ покои Александра Ивановича Шувалова убраны были дня черезъ два, Императоръ перешелъ въ нихъ, а Елисавета Воронцова въ его покой переѣхала; мои же покои парадные обили чернымъ сукномъ, и людей Императоръ принималъ въ оныхъ; по утрамъ и по вечерамъ ѣзжалъ въ гости ко всѣмъ знатнымъ особамъ, кои устроили для него великіе пиры; отъ сихъ пировъ я уклонилась по причинѣ великаго кашля.

Наканунѣ того дня, какъ переносить положено было тѣло покойной Государыни изъ той комнаты, гдѣ скончалася, на парадную постель, Императоръ ужиналъ у графа Шереметьева; тутъ Елисавета Воронцова приревновала, не знаю къ кому, и пріѣхали домой въ великой ссорѣ. На другой день, послѣ обѣда часу въ пятомъ она прислала ко мнѣ письмо, прося меня, дабы я для Богу самаго пришла къ ней, что она имѣетъ величайшую нужду говорить со мною, сама же не можетъ прійти ко мнѣ, понеже лежитъ больная въ постели. Я пошла къ ней, и нашла ее въ великихъ слезахъ: увидя меня, долго говорить не могла. Я сѣла возлѣ ея постели, зачала спросить, чѣмъ больна; она, взявъ руки мои, цѣловала, жала и обливала слезами. Я спрашивала, объ чемъ она столь горюетъ? Она мнѣ на то сказала: «Пожалуй, потише говорите». Я спросила: «Какой причины ради?» Она мнѣ сказала: «Въ другой комнатѣ сестра моя, Анна Михайловна Строгонова, сидитъ съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ (c'est-à-dire, qu'elle leurs avoit ménagé un rendez-vous, tandis qu'elle s'entretenoir avec moi [1]). Я разсмѣялась, и она посвобоонѣе стала отъ слезъ и начала меня просить, чтобы я пошла бы къ Императору и просила бы его именемъ ея, чтобъ онъ бы ее отпустилъ къ отцу жить, что она болѣе не хочетъ во дворцѣ остаться. При семъ она бранила его окружающихъ всячески и его самого. Чего она уже и наканунѣ у Шереметьева дѣлала къ удивленію всѣхъ слуша-

[1]) Т. е. что она имъ дала повидаться, пока бесѣдовала со мною.

телей, и за что Императоръ приказывалъ отца ея арестовать, но однако упросила его. Я сказала ей, чтобъ она ково иного выбрала для сей комиссіи, которая ему будетъ, можно быть, досадительна; но она увѣряла меня, что ему то и надобно и не черезъ ково окромѣ меня ей о томъ просить, понеже всѣ бездушные бездѣльники, а одна я, на комъ она полагаетъ свое упованіе. Дабы укротить мое у нея пребываніе, я обѣщала ей пойти къ нему и донести ему о ея прозьбѣ, и, пришедъ къ себѣ, послала навѣдоваться, дома ли онъ и можно ли къ нему прійти. Сказали, что опочиваетъ, а какъ проснулся часу въ седьмомъ, пришли мнѣ сказать, и я пошла къ Императору.

Я нашла его въ шлафроку; ходилъ взадъ (и) впередъ по комнатѣ и еще былъ весьма соненъ. Я начала говорить ему: «Ежели вы дивитеся моему приходу, то еще болѣе удивитеся, когда свѣдаете, съ чѣмъ я пришла» и разсказала ему все отъ слова до слова, какъ Е. Ром. Воронцова ко мнѣ писала, и что говорила со мною, и какъ я отклоняла сію комиссію и причины, кои она имѣетъ не ввѣрять окромѣ меня оной. Онъ, слыша сіе съ удивленіемъ и задумчивостію, заставилъ меня повторить сказанное. Въ сіе время вошли въ комнату Мельгуновъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Онъ имъ разсказывалъ, съ чѣмъ я пришла, съ досадою на Елисавету Воронцову. Сіе продолжалось съ часъ; наконецъ, я сказала: «Какой отвѣтъ прикажете ей сказать, или ково иново пошлете?» На сіе Мельгуновъ и Нарышкинъ ему совѣтывали сказать, что онъ къ ней пришлетъ отвѣтъ. Я пришла къ себѣ и велѣла Елисаветѣ Воронцовой сказать, что къ ней отвѣтъ присланъ будетъ. Погодя, она паки прислала ко мнѣ сказать, что она отпущена, одѣвается и ждетъ карету, дабы ѣхать изо дворца къ отцу, и просить дозволенія прійти ко мнѣ прощаться. Я сказала: «Пусть прійдетъ». Между тѣмъ чрезъ мою переднюю, предъ уборной, здѣлалось великое бѣганіе: то Мельгуновъ, то Нарышкинъ къ ней, а отъ нея взадъ-впередъ ходили, что продолжалось часу до одиннадцатаго. Тогда самъ Императоръ къ ней пошелъ и, побывъ у нея, возвратился въ свои покои; а она ко мнѣ написала цыдулку, что она ко мнѣ не будетъ, понеже ей приказано остаться въ дворцѣ. Я легла спать, а на другой день ввечеру Петръ III, съ Мельгуновымъ и Львомъ Нарышкинымъ, пришедъ ко мнѣ, бранили и ругали всячески Елисавету Воронцову, и видно

было, что имъ хотѣлось, дабы я пристала къ ихъ рѣчамъ; но я молча слушала. Императоръ же тутъ разсказывалъ, какъ она не хотѣла надѣть мой портретъ, когда онъ ее пожаловалъ камеръ-фрелиною, и хотѣла имѣть его портретъ. Онъ думалъ, что за то осержусь, но когда онъ увидѣлъ, что я тому смѣюсь и нимало не сержусь, тогда вышелъ вонъ изъ комнаты. Тогда Мельгуновъ и Левъ Нарышкинъ мнѣ пеняли, что, имѣвъ такую хорошую оказію выгнать ее изъ дома, не воспользовалась тѣмъ. Я имъ отвѣчала: «А я вамъ дивлюсь, что вы сами не успѣли въ своемъ желаніи вчерась».

Отъ дня кончины покойной Государыни былъ во дворцѣ двойной караулъ, то-есть одинъ полной караулъ у тѣла, а другой таковой же у Императора. Въ сіе время случились великіе морозы; караульня же была мала и тѣсна, такъ что не помѣщались люди, и многіе изъ солдатъ оставались на дворѣ. Сіе обстоятельство въ нихъ произвело—да и въ публикѣ,—или прибавило роптаніе. Всякій день же изо дворца выходили новыя исторіи: то тово арестуютъ, то другова, съ женщинами, коихъ ежедневно множество звалъ ужинать у себя, либо гдѣ въ гостяхъ, поссорится и мужа велитъ посадитъ безъ шпаги, либо къ кому по службѣ за бездѣлицу придерется и велитъ посадить на гауптвахту. Изо стола же почти никогда не вставалъ, не бывъ безъ языка почти піянъ, и проявилось у него множество новыхъ фаворитовъ, между прочимъ, капитанъ-поручикъ полку Преображенскаго, князь Иванъ Ѳедор. Голицынъ, на котораго вдругъ налѣпилъ орденъ святыя Анны, а до того дня мало кто его зналъ. Въ сіе время Императоръ взялъ въ Кабинетъ секретаря, бывшаго конференцъ-секретаря, Дмитрія Васил. Волкова. Про сего Ник. Иван. Панинъ думалъ и мнѣ говорилъ, что сей Мельгунову и Шуваловымъ голову сломитъ; про него тогда думали, что главу имѣетъ необыкновенную, но оказалось послѣ, что хотя былъ быстръ и краснорѣчивъ, но вѣтренъ до крайности, и понеже писалъ хорошо, то болѣе писывалъ, а мало дѣйствовалъ, а любилъ пить и веселиться.

Двѣ недѣли по кончинѣ покойной Государыни умре графъ Петръ Иван. Шуваловъ. За нѣсколько дней до кончины его, онъ и братъ его большой, Александръ Иван. Шуваловъ, были отъ Императора пожалованы въ фельдмаршалы. И проявилось новое опредѣленіе. Вдругъ Императоръ пожаловалъ въ четырехъ полкахъ гвардіи четыре полковника, а именно

въ Преображенской—фельдм. князя Никиту Юрьевича Трубецкого, въ Семеновской—фельдм. графа Александра Ивановича Шувалова, въ Измайловской—фельдм. Кирилла Григорьевича Разумовскаго; въ конной гвардіи хотѣлъ пожаловать графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, но сей оттого пошелъ въ отставку, и на его мѣсто сдѣланъ полковникомъ принцъ Жоржъ Голштинской. Сіи новые полковники сами всячески спорили и старались отвратить сіе пожалованіе, но не предуспѣли. Полкамъ же гвардіи сіе было громовой несносной ударъ.

Хотя огромные похороны и при оныхъ великолѣпные выносы указомъ покойной Государыни запрещены были, но однако господа Шуваловы выпросили у бывшаго Императора, дабы графъ, Петръ Иван. со великолѣпной церемоніею погребенъ былъ; самъ Императоръ обѣщался быть на выносѣ. Въ назначенный день ждали очень долго Императора, и онъ не прежде какъ къ полудню въ печальной день пріѣхалъ; народъ же ждалъ для смотрѣнія церемоніи съ самаго утра, день же былъ весьма холодной. Отъ той нетерпѣливости произошли разныя въ народѣ разсужденія: иные, вспомня табашной того Шувалова откупъ, говорили, что долго его не везутъ по причинѣ той, что табакомъ осыпаютъ; другіе говорили, что солью осыпаютъ, приводя на память, что по его проекту накладка на соль послѣдовала; иные говорили, что его кладутъ въ моржовое сало, какъ онъ на откупѣ имѣлъ и ловлю трески. Тутъ вспомнили, что ту зиму треску ни за какія деньги получить нельзя, и начали Шувалова бранить и ругать всячески. Наконецъ, тѣло его повезли изъ дома на Мойкѣ въ Невскій монастырь. Тогдашній генералъ-полицмейстеръ Корфъ ѣхалъ верхомъ передъ огромной церемоніей, и онъ самъ мнѣ разсказывалъ въ тотъ же день, что не было ругательства и бранныхъ словъ, коихъ онъ бы самъ не слышалъ противу покойника, такъ что онъ, вышедъ изъ терпѣнія, нѣсколько изъ ругателей велѣлъ схватить и посадить въ полицію; но народъ, вступаясь за нихъ, отбилъ было, что видя, онъ оныхъ отпустить велѣлъ, чѣмъ предупредилъ драку и удержалъ по его словамъ тишину.

По прошествіи трехъ недѣль по кончинѣ Государыни, я пошла къ тѣлу для панихиды. Идучи черезъ переднюю, нашла тутъ князя Михаила Иван. Дашкова плачущаго и внѣ

Не существующій теперь лѣтній дворецъ.

Императрица ЕКАТЕРИНА II.

Въ Преображенскомъ мундирѣ, работы Эриксена находится
въ Англійскомъ дворцѣ въ Петербургѣ.

себя отъ радости и, прибѣжавъ ко мнѣ, говорилъ: «Государь достоинъ, дабы ему воздвигнуть статую золотую; онъ всему дворянству далъ вольность», и съ тѣмъ ѣдетъ въ Сенатъ, чтобы тамъ объявить. Я ему сказала: «развѣ вы были крѣпостные и васъ продавали донынѣ?» Въ чемъ же эта вольность состоитъ? И вышло, что въ томъ, чтобъ служить и не служить по волѣ всякаго. Сіе и прежде было (ибо шли въ отставку); но осталось изъ стари, что дворянство, съ вотчинъ и помѣстья, служа всѣ, окромѣ одряхлѣлыхъ и малолѣтнихъ, въ службѣ Имперіи записаны были. Вмѣсто людей дворянскихъ Петръ I началъ рекрутъ собирать, а дворянство осталось въ службѣ. Отъ чево вздумали, что въ неволѣ. Романъ Воронцовъ и генералъ-прокуроръ думали великое дѣло дѣлать, доложа Государю, дабы дать волю дворянству, а въ самомъ дѣлѣ выпросили не что иное, кромѣ того, чтобъ всякъ былъ воленъ служить и не служить.

Пришедъ съ панихиды къ себѣ, я увидѣла у задняго крыльца стоитъ карета парадная съ короною, и Императоръ поѣхалъ въ ней въ Сенатъ. Но сей кортежъ на народѣ произвелъ негодованіе, говорили: какъ ему ѣхать подъ короною? Онъ не коронованъ и не помазанъ. Рановременно вздумалъ употребить корону. У всѣхъ дворянъ велика была радость о данномъ дозволеніи служить или не служить, и въ тотъ часъ совершенно позабыли, что предки ихъ службою приобрѣли почести и имѣніе, которымъ пользуются.

За десять дней до погребенія Государыни положили тѣло ея во гробъ и понесли оный въ траурный залъ посреди всѣхъ регалій, и народъ двоижды на день допущенъ былъ, какъ и прежде, отъ дня кончины ея. Въ гробу Государыня лежала одѣта въ серебряной робѣ, съ кружевными рукавами, имѣя на головѣ императорскую золотую большую корону, на нижнемъ обручѣ съ надписью: Благочестивѣйшая, Самодержавнѣйшая, Великая Государыня Императрица Елисавета Петровна, родилась 18 Декабря 1709 года, воцарилась 25 Ноября 1741 г., скончалась 25 Декабря 1761 года». Гробъ поставленъ на возвышеніе подъ балдахиномъ, гласета золотого съ горностаневымъ спускомъ отъ балдахина до земли; позади гроба посреди спуска гербъ золотой государственной.

Въ 25 день Генваря 1761 года повезли тѣло Государыни, во гробѣ лежащей, со всевозможнымъ великолѣпіемъ и по-

добающими почестями, изо дворца черезъ рѣку въ Петропавловскій соборъ, въ крѣпость. Самъ Императоръ, за нимъ я, за мною Скавронскія, за ними Нарышкины, потомъ всѣ по рангамъ шли пѣши за гробомъ отъ самаго дворца до церкви.

Императоръ въ сей день былъ чрезвычайно веселъ и посреди церемоніи сей траурной здѣлалъ себѣ забаву: нарочно отстанетъ отъ везущаго тѣла одра, пустя онаго впередъ саженъ тридцать, потомъ изо всей силы добѣжитъ. Старшіе камергеры, носящіе шлеефъ епанчи его черной, паче же оберъ-камергеръ графъ Шереметьевъ, носящій конецъ епанчи, не могли бѣжать за нимъ, принуждены были епанчу пустить, и какъ вѣтромъ ее раздувало, то сіе Петру III пуще забавно стало, и онъ повторялъ нѣсколько разъ сію штуку, отчево сдѣлалось, что я и всѣ, за мною идущіе, отстали отъ гроба, и наконецъ принуждены были послать остановить всю церемонію, дондеже отставшіе дошли. О непристойномъ поведеніи семъ произошли многіе разговоры не въ пользу особѣ Императора, и толки пошли о безразсудныхъ его во многихъ случаяхъ поступкахъ.

По погребеніи тѣла покойной Государыни начали во дворцѣ убирать ея покои для Императора.

II.

Наставленіе для Императора Петра III.

1) Является весьма важнымъ, чтобы Вы знали по возможности точно о состояніи здоровья Императрицы, не полагаясь ни на чьи слова, но прислушиваясь и взвѣшивая факты, и чтобы Вы, если Господь Богъ возьметъ ее къ себѣ, присутствовали при этомъ событіи.

2) Когда (событіе) это совершится, Вы (отправясь на мѣсто происшествія, какъ только получите это извѣстіе) выйдите изъ ея комнаты, *оставя въ ней сановное лицо изъ русскихъ* и умѣлое, чтобы сдѣлать требуемыя обычаемъ въ этомъ случаѣ распоряженія.

---

[1]) Составленное Екатериною II на случай смерти Елисаветы; какъ помнитъ читатель, оно не было исполнено Петромъ, обрадовавшимся смерти Елисаветы и возможности вступить на роковой для него тронъ. Г. Б.

3) Съ хладнокровіемъ полководца и безъ малѣйшаго замѣшательства и волненія Вы пошлете за

4) Канцлеромъ и другими членами конференціи; въ то же время

5) Вы позовете капитана гвардіи, котораго приведете къ присягѣ на крестѣ и евангеліи на вѣрность Вамъ (если форма присяги не установлена) по формѣ православной церкви.

6) Вы ему прикажете (въ случаѣ, если генералъ-адъютантъ не можетъ явиться, или если Вы *найдете удобнымъ предлогъ* оставить его у тѣла Императрицы) пойти

7) Объявить дворцовой гвардіи о смерти [1]) Императрицы и о Вашемъ восшествіи на престолъ Вашихъ предковъ по праву, которымъ Вы владѣете отъ Бога и по рожденію, приказавъ имъ тутъ же итти въ церковь принести присягу на вѣрность, куда между тѣмъ—Вы

8) Прикажете позвать живущаго при дворѣ дежурнаго *священника*, который вынесетъ крестъ и евангеліе, а по мѣрѣ того, какъ солдаты будутъ приносить Вамъ присягу, Вы при выходѣ будете давать имъ цѣловать руку, и пошлете имъ нѣсколько мѣшковъ съ нѣсколькими тысячами рублей.

9) То же распоряженіе, которое получитъ капитанъ, Вы должны дать сержанту лейбъ-кампаніи, и, кромѣ того, ему прикажете притти въ покои со своими людьми *безъ ружей*; онъ не отойдетъ отъ Васъ во все время исполненія его обязанностей, это не будетъ излишней предосторожностью по отношенію къ Вамъ.

10) Вы пошлете оповѣстить въ гвардейскіе полки, чтобы всѣ собрались вокругъ дворца; вы прикажете дивизіонному генералу собрать свои полки; артиллерія, лейбъ-кампанія, и все, что есть войска, расположится вокругъ дворца.

11) Къ этому времени конференція соберется; тутъ будетъ выработана форма объявленія объ этихъ событіяхъ, при этомъ Вы пользуетесь той, которую вынете изъ своего кармана, и въ которой очень убѣдительно изложены Ваши права.

12) Эти господа пойдутъ въ церковь, и первыми принесутъ присягу и поцѣлуютъ Вамъ руку въ знакъ подданства. Затѣмъ

---

[1]) Въ рукописи—de la m.

13) Вы поручите кому-нибудь, если возможно, самому уважаемому лицу, напримѣръ, фельдмаршалу Трубецкому [1]), возвѣстить войскамъ въ установленной формѣ, которая должна быть краткой и рѣшительной, о событіяхъ, послѣ чего они всѣ принесутъ присягу на вѣрность, и Вы обойдете, если хотите, ряды для того, чтобы показаться.

14) Въ этотъ же день Синодъ, Сенатъ и всѣ высокопоставленныя лица должны принести присягу и цѣловать Вашу руку.

15) Послѣ этого будутъ посланы курьеры и обычныя въ подобныхъ случаяхъ извѣщенія, какъ внутри страны, такъ и за границу.

16) Утвержденіе каждаго въ его положеніи послужило бы ко всеобщему успокоенію въ эту минуту и расположило бы каждаго въ Вашу пользу.

17) Форма церковныхъ молитвъ должна быть слѣдующая: «О благочестивѣйшемъ самодержавнѣйшемъ великомъ Г-дрѣ, внукѣ Петра Перваго, Императорѣ Петрѣ Федоровичѣ, самодержцѣ всероссійскомъ, и о супругѣ его, благовѣрной великой Г-дринѣ І. Екат. Алекс.

и о благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ Павлѣ Петр.» [2]).

III.

Проектъ указа.

Божіею милостію мы, Петръ III, Наслѣдной Императоръ и Самодержецъ всероссійскій, объявляемъ симъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ. Понеже всемогущій Богъ по неиспытаннымъ ево судьбамъ заблаговолилъ отозвать отъ сего свѣта и переселить въ вѣчное блаженство... числа сего... м. 17. жизнь благовѣрной благочестивѣйшей и самодержавнѣйшей великой Государыни І. Е. П. вселюбезнѣйшей Нашей Государыни тетки, мы какъ единственной ея наслѣдникъ и отрасль плѣ-

---

[1]) Имя князя Трубецкого приписано на полѣ.

[2]) Ошибки въ правописаніи частію исправлены.

мени Гдря дѣда нашего, Петра Великаго, Приняли Нашъ природной Престолъ, котораго наслѣдство намъ въ 1742 ноября 9 числа отъ Ея велич. Блаж. памяти тетки Нашей по самодержавной ея власти, какъ сыну большой ея велич. сестры, цесар. Анны Петр., еще особымъ указомъ и присягою подтверждено, и тако повелѣваемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ яко самодержавному наслѣдному Императору и Государю намъ надлежащую присягу учинить [1]).

IV.

Записки Екатерины [2]).

Смерть Императрицы Елизаветы подвергла въ уныніе всѣхъ русскихъ, а въ особенности всѣхъ добрыхъ патріотовъ, потому что въ ея преемникѣ видѣли князя жестокаго характера, ограниченнаго ума, ненавидящаго и презирающаго русскихъ, совсѣмъ не знающаго своей страны и не желающаго къ ней приспособиться, жаднаго и расточительнаго, вполнѣ отдавшагося своимъ страстямъ и тѣмъ, которые передъ нимъ раболѣпствовали. Какъ только онъ сдѣлался государемъ, онъ ввѣрилъ двумъ или тремъ своимъ любимцамъ всѣ свои дѣла и предался разнаго рода разгуламъ. Онъ началъ съ того, что отнялъ земли у духовенства, ввелъ тысячу довольно безполезныхъ новшествъ, большею частію въ войска. Онъ презиралъ законъ; однимъ словомъ все правосудіе продавалось съ молотка. Неудовольствіе прокралось повсюду, и плохое мнѣніе, какое имѣли о немъ, дошло до того, что стали объяснять въ дурную сторону то немногое полезное, которое онъ сдѣлалъ. Его проекты, болѣе или менѣе обдуманные, были: начать войну съ Даніей за Шлезвигъ, перемѣнить религію, разойтись съ супругой, жениться на своей любовницѣ, соединиться съ королемъ Пруссіи, котораго онъ называлъ своимъ господиномъ и ко-

---

[1]) Тоже.
[2]) Продолженіе.

торому онъ намѣревался присягнуть въ вѣрности; онъ хотѣлъ отдать ему часть своихъ войскъ; онъ не скрывалъ почти ни одного изъ своихъ проектовъ. Послѣ смерти Императрицы, его тетки, дѣлали секретно различныя предложенія Императрицѣ Екатеринѣ, которыхъ та не хотѣла никогда слушать, надѣясь, что время и обстоятельства перемѣнятъ что-нибудь въ ея несчастномъ положеніи; болѣе того, она знала, не сомнѣваясь въ этомъ, что, наконецъ, безъ величайшаго риска не могли бы коснуться ни ея положенія, ни особы. Повсемѣстно народъ былъ приверженъ къ ней и смотрѣлъ на нее, какъ на свою единственную надежду; образовались различныя партіи, которыя думали излѣчить боли ихъ страны; каждая изъ этихъ партій обращалась къ ней особо, одна совсѣмъ не зная другую. Она ихъ выслушивала, не отнимала у нихъ всей надежды, думая, что вещи не дойдутъ до крайности, смотря на подобнаго рода перемѣну, какъ на несчастіе. Она взирала на свои обязанности и на свою репутацію, какъ на сильный оплотъ противъ властолюбія. Даже этотъ рискъ, которому она подвергалась, былъ для нея новымъ блескомъ,цѣну котораго она отлично знала.

Петръ III былъ постоянной мушкой на прекрасномъ лицѣ. Поведеніе Екатерины по отношенію къ народу всегда было безупречно. Она всегда хотѣла и страстно желала только счастія этому народу, и вся ея жизнь будетъ употреблена для того, чтобы доставить русскимъ добро и благополучіе. Однако, видя, что дѣла шли хуже, Императрица дала знать различнымъ партіямъ, что настало время соединиться и подумать о средствахъ, чему отлично послужило одно оскорбленіе, которое ея супругъ нанесъ ей публично. Итакъ, условились, что какъ только онъ вернется съ дачи, такъ его арестуютъ въ его комнатѣ и объявятъ неспособнымъ царствовать. Его голова, дѣйствительно, шла кругомъ и, навѣрное, въ имперіи у него не было ни одного врага болѣе сильнаго, чѣмъ онъ самъ. Не всѣ были одинаковаго рѣшенія: одни хотѣли, чтобы это сдѣлалось въ пользу его сына, другіе—въ пользу его жены. За три дня до намѣченнаго времени неосторожныя слова одного солдата заставили арестовать лейтенанта Пассека, одного изъ главныхъ участниковъ тайны. Три брата Орловыхъ, изъ которыхъ старшій былъ артиллерійскимъ капитаномъ, первые начали мя-

тежъ. Гетманъ и тайный совѣтникъ Панинъ сказали имъ, что было слишкомъ рано, но они по собственному побужденію поторопили своего второго брата поѣхать съ каретой въ Петергофъ, чтобы увезти Императрицу, которую Алексѣй Орловъ пришелъ разбудить въ 6 часовъ утра 28 іюня с. ст. Какъ только она узнала, что Пассекъ былъ арестованъ и что ради ея собственной безопасности нельзя было терять времени, она поднялась и поѣхала въ городъ, при въѣздѣ въ который ее встрѣтили старшій Орловъ и князь Барятинскій и отвезли въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ, при ея прибытіи, находилось только 12 человѣкъ солдатъ и одинъ офицеръ и все казалось спокойнымъ. Солдаты всѣ были извѣщены, но у себя, и какъ они пришли, то провозгласили ее Государыней Императрицей. Радость солдатъ и народа была невыразимой. Оттуда ее повезли въ Семеновскій полкъ; эти вышли ей навстрѣчу, прыгая и крича отъ радости. Сопровождаемая такимъ образомъ, она поѣхала въ Казанскій соборъ, куда прибыла кавалергардія въ неистовомъ восторгѣ; явилась рота гренадеровъ Преображенскаго полка; преображенцы извинились, что пришли послѣдними, говоря, что ихъ офицеръ хотѣлъ помѣшать имъ итти, и что иначе они прибыли бы, безъ сомнѣнія, первыми. Послѣ нихъ пріѣхала артиллерія и ея фельдцейхмейстеръ, Вильбуа. Итакъ, сопровождаемая кликами безчисленной толпы, Императрица пріѣхала въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались Синодъ и Сенатъ и всѣ сановники. Составили манифестъ и присягу, и всѣ признали ее Государыней. Императрица созвала особый родъ совѣта, составленнаго изъ гетмана, тайнаго совѣтника Панина, князя Волконскаго, генерала фельдцейхмейстера и изъ многихъ другихъ, гдѣ было рѣшено ѣхать съ четырьмя полками гвардіи съ кирасирскимъ полкомъ и четырьмя полками пѣхоты въ Петергофъ, чтобы схватить Петра III. На этомъ совѣтѣ князь Волконскій сказалъ: «жаль, что не имѣется совсѣмъ легкой кавалеріи!» Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ его вызвалъ офицеръ и сказалъ, что полкъ гусаръ только что прибылъ въ предмѣстье. Во время засѣданія этого совѣта пріѣхалъ канцлеръ графъ Воронцовъ отъ имени отставленнаго Императора, чтобы сдѣлать выговоръ Императрицѣ за ея бѣгство и спросить у ней причину этого. Она велѣла ему войти, и когда онъ очень серьезно изложилъ причины своего по-

сланія, она ему отвѣтила, что дастъ знать о своемъ отвѣтѣ. Онъ ушелъ, и въ другой комнатѣ всѣ ему посовѣтовали итти сдѣлать новую присягу въ вѣрности. Онъ сказалъ, что для очищенія совѣсти онъ попросилъ бы написать письмо, чтобы дать отвѣтъ о результатѣ своей миссіи, и что потомъ онъ принесетъ свою присягу; что ему и разрѣшили. Послѣ этого прибылъ князь Трубецкой и фельдмаршалъ Алекс. Шуваловъ; эти были посланы, чтобы удержать два первые гвардейскіе полка, шефами которыхъ были они, и чтобы убить Императрицу: они бросились къ ея ногамъ и сказали ей о своей миссіи, и оттуда пошли принимать присягу. Когда все это кончилось, оставили великаго князя и нѣсколько отрядовъ подъ дирекціей Сената, чтобы охранять городъ, а Императрица въ гвардейскомъ мундирѣ (она объявила себя полковникомъ этого полка), верхомъ на лошади, во главѣ полковъ выступила изъ города. Шли всю ночь и подъ утро прибыли къ маленькому монастырю въ двухъ верстахъ отъ Петергофа, куда князь Голицынъ, вице-канцлеръ, привезъ Императрицѣ письмо отъ имени бывшаго Императора—и немного спустя генералъ Измайловъ съ подобнымъ посланіемъ. Вотъ, что подало поводъ къ этому...

Императоръ долженъ былъ пріѣхать обѣдать изъ Ораніенбаума, гдѣ онъ жилъ, въ Петергофъ; какъ только онъ узналъ, что Императрица уѣхала оттуда, онъ встревожился и послалъ въ городъ различныхъ лицъ. Но т. к. всѣ подъѣздныя дороги были охраняемы по распоряженію Императрицы, то никто не возвращался. Онъ зналъ, что въ 30-ти верстахъ отъ города находилось два полка, и онъ послалъ привести ихъ для своей защиты; но эти полки пошли присоединиться къ Императрицѣ. Послѣ этого старый фельдмаршалъ Минихъ, генералъ Измайловъ и нѣкоторые другіе посовѣтовали ему итти съ двѣнадцатью человѣками къ арміи или же броситься въ Кронштадтъ. Женщины, окружавшія его, въ числѣ не менѣе тридцати, отсовѣтовали ему это подъ предлогомъ риска. Онъ послушалъ ихъ и послалъ въ Кронштадтъ генерала Девьера, котораго адмиралъ Талызинъ, присланный Императрицей, обезоружилъ, какъ только прибылъ, о чемъ Императоръ не имѣлъ никакого извѣстія. Но, протянувъ свою нерѣшительность до вечера, онъ рѣшился наконецъ сѣсть съ дамами и съ остаткомъ свиты на галеру и двѣ яхты, и плыть въ Кронштадтъ; прибывъ туда,

онъ потребовалъ пропуска, но одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ на бастіонѣ при входѣ въ портъ отказалъ въ этомъ и пригрозился, хотя въ дѣйствительности и не имѣлъ пороху, выстрѣлить въ галеру этого князя; услыхавъ это, онъ велѣлъ ѣхать назадъ и высадился въ Ораніенбаумѣ, гдѣ легъ спать, а на другой день написалъ два вышеупомянутыхъ письма; въ первомъ изъ нихъ онъ просилъ позволенія вернуться въ Голштинію, со своей любовницей и фаворитами, а во второмъ онъ предлагалъ отказаться отъ государства, прося только сохранить ему жизнь. Между тѣмъ при немъ находилось тысячу пятьсотъ вооруженныхъ голштинцевъ, болѣе сотни пушекъ и нѣсколько русскихъ отрядовъ. Императрица отослала генерала Измайлова...

Этотъ [1]), прійдя къ Императрицѣ, палъ къ ея ногамъ и сказалъ ей: «считаете вы меня за честнаго человѣка?»— Она сказала: «да».—«Ну такъ,—возразилъ онъ,—считайте, что я вашъ; я хочу, если вы мнѣ довѣряете, избавить мою родину отъ большого кровопролитія.

Мнѣ доставляетъ удовольствіе быть съ умными людьми. Я даю вамъ слово, что если вы меня пошлете, то я привезу вамъ Петра III сюда самъ». Что онъ и исполнилъ.

... съ письмомъ, чтобы получить это отреченіе Петръ III охотно написалъ этотъ актъ и потомъ пріѣхалъ съ генераломъ Измайловымъ, со своей любовницей и фаворитомъ Гудовичемъ въ Петергофъ, гдѣ изъ предохраненія не быть разорваннымъ солдатами, ему дали вѣрную охрану съ четырьмя офицерами, подъ начальствомъ Алексѣя Орлова. Тогда какъ приготовляли его отъѣздъ въ Ропшу, загородный дворецъ, очень пріятный, и отнюдь не укрѣпленный, солдаты стали роптать и говорить, что было уже долгихъ три часа, какъ они не видали Императрицу; что, повидимому, князь Трубецкой мирилъ Государыню со своимъ супругомъ, что надо ее увѣдомить, чтобы она остерегалась; что навѣрно ее обманутъ, погубятъ и ихъ также. Какъ только Екатерина была увѣдомлена объ этихъ разговорахъ, она пошла къ князю Трубецкому и велѣла ему сѣсть въ карету и ѣхать въ городъ, тогда какъ она пѣшкомъ будетъ дѣлать смотръ войскамъ. Какъ только они ее увидѣли, какъ возобновились

---

[1]) Вставка

крики радости и веселья. Петра III отослали на мѣсто его назначенія. Съ наступленіемъ ночи Императрицѣ посовѣтовали возвратиться въ городъ, потому что она два дня совсѣмъ не спала и почти ничего не ѣла; но войска просили ее не покидать ихъ, на что она согласилась съ удовольствіемъ, видя ихъ восторгъ. На половинѣ дороги отдохнули въ теченіе трехъ часовъ, а въ 10 час. утра, тридцатаго іюня ст. с. 1762 года Императрица на лошади во главѣ войскъ и артиллеріи совершила свой въѣздъ въ Петербургъ при крикахъ невыразимой радости безчисленнаго народа. Никогда нельзя было вообразить себѣ болѣе краснваго зрѣлища.

Ея Дворъ ей предшествовалъ, а войска имѣли дубовыя вѣтви на фуражкахъ и шапкахъ, они топтали подъ ногами всѣ новыя одѣянія, которыя Петръ III далъ имъ. Итакъ, съ такимъ тріумфомъ она прибыла въ Лѣтній дворецъ, гдѣ все, что было болѣе знатнаго и нарядпаго, собралось и ждало ее. Великій князь вышелъ на середину двора ей навстрѣчу; какъ только она его увидѣла, то сошла съ лошади и поцѣловала. Клики радости не прерывались; отправились въ церковь, гдѣ молебенъ былъ отслуженъ подъ грохотъ пушекъ. Цѣлый день продолжали раздаваться среди народа крики радости, и безпорядковъ вовсе не было. Императрица легла спать и едва успѣла заснуть, какъ поручикъ Пассекъ пришелъ ее разбудить, прося ее встать, потому что усталость, безсонныя ночи, вино разгорячили головы болѣе обыкновеннаго, а любовь къ ея особѣ заставляла Измайловскій полкъ опасаться за ея жизнь. Они попросту пустились въ путь, чтобы придти ее защитить. Когда имъ пришли сказать, что нечего было бояться и что она спитъ, они сказали, что не могутъ и не должны никому вѣрить, какъ только собственнымъ глазамъ. Императрица встала въ два часа утра и предстала предъ ними. Какъ только они ее увидали, послышались радостные крики. Но она сказала имъ серьезно, чтобы они шли спать; чтобы дали ей уснуть и вѣрить своимъ офицерамъ, которыхъ она строго приказала слушаться; это они ей обѣщали, извиняясь и дѣлая другъ другу упреки въ томъ, что они позволили себя уговорить разбудить ее такимъ образомъ. Они очень спокойно удалились домой, часто повертывая голову, чтобы видѣть ее какъ можно дольше.

Въ Петербургѣ лѣтомъ почти не бываетъ ночи. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней радостные крики продолжались, но не было ни излишествъ, ни безпорядка, вещь весьма необыкновенная въ такомъ большомъ волненіи. Спустя нѣсколько недѣль, опять началась тревога за особу Императрицы въ этихъ войскахъ и въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ они собирались, чтобы придти ей на помощь или посмотрѣть на нее. Тогда она подписала указъ, чтобы они не собирались больше, увѣряя ихъ, что она сама смотритъ за своей безопасностью и что у ней совсѣмъ нѣтъ враговъ. По поводу этого приказа они говорили между собою: должно быть это правда, т. к. она себѣ не врагъ, чтобы считать себя въ безопасности, если бы это была неправда Послѣ этого все въ величайшемъ спокойствіи.

V.

Анекдоты объ этомъ событіи [1]).

Когда поручикъ Пассекъ былъ арестованъ, то солдаты, которые его караулили, открыли ему двери и окна, чтобы онъ бѣжалъ, «такъ-какъ,—говорили они,—ты страдаешь за хорошее дѣло»—и хотя онъ долженъ былъ ждать допроса, но не могъ предвидѣть, что случится, несмотря на то, что всѣ участники тайны условились, что если его арестуютъ,—то ударить тревогу. Однако же, онъ удержался остаться въ своемъ заточеніи, чтобы ничего не испортить, т. к. былъ бы поднятъ весь полкъ и могли бы запереть городъ, чтобы его искать.

Когда адмиралъ Талызинъ былъ посланъ въ Кронштадтъ, мы всѣ считали его погибшимъ, т. к. непостижимо было, чтобы Императоръ не подумалъ объ этомъ портѣ и крѣпости. Отъ Ораніенбаума водою надо было сдѣлать только одну милю, тогда какъ отъ Петербурга—четыре, и онъ поспѣшилъ туда только въ полдень. Дѣйствительно, когда онъ

---

[1]) Переданные самой Екатериной II.

пріѣхалъ, онъ нашелъ генерала Девьера съ 2,000 человѣкъ, выстроенныхъ на пристани. Этотъ послѣдній спросилъ его, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Онъ отвѣтилъ: «Я пріѣхалъ поторопить отъѣздъ флота».—«А что говорятъ и дѣлаютъ въ городѣ?»—«Ничего»—отвѣчалъ тотъ.—«Куда же вы теперь идете?» «Я иду отдохнуть, я умираю отъ жары». Тотъ пропустилъ его. Онъ вошелъ въ одинъ домъ и вышелъ черезъ заднюю дверь и пришелъ къ коменданту Нуммерсу, сказавъ ему:—«Слушай, въ городѣ совсѣмъ другія новости, чѣмъ здѣсь. Всѣ присягнули Императрицѣ. Я тебѣ совѣтую сдѣлать то же. У меня здѣсь четыре тысячи матросовъ, у тебя только двѣ тысячи человѣкъ. Вотъ мой приказъ: рѣшайся!» Тотъ ему отвѣтилъ, что сдѣлаетъ все, что онъ хочетъ.«Ну такъ иди, сказалъ онъ, обезоружь генерала Девьера». Онъ удалился, отвелъ того въ сторону и снялъ съ него шпагу—и всѣ присягнули.

Когда Императрица отправилась изъ Петергофа, она потеряла болѣе полу-часа времени, проходя черезъ сады, и потому не нашла кареты и была узнана на улицѣ нѣкоторыми прохожими. Съ ней была только одна ея горничная, не хотѣвшая покинуть ея, и ея первый камердинеръ, приславшій карету. Тогда, какъ она шла съ войскомъ въ Петергофъ, народъ рѣшилъ, что Петръ III можетъ пріѣхать водой; нѣсколько тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ камнями и палками, собрались на Васильевскомъ островѣ на берегу моря, при устьѣ Невы, въ полной рѣшимости утопить какое бы ни было судно, которое прибыло бы съ моря.

Когда Императрица съ тріумфомъ въѣхала въ городъ, и удалилась въ свою комнату, капитанъ Орловъ упалъ къ ея ногамъ и сказалъ: «я васъ вижу самодержавной Императрицей, а мое отечество освобожденнымъ отъ неволи; оно будетъ счастливо подъ вашимъ правленіемъ. Я исполнилъ свой долгъ, я служилъ вамъ, моему отечеству и себѣ; я прошу васъ только объ одной милости: позвольте мнѣ вернуться въ мои помѣстья; я родился честнымъ человѣкомъ; Дворъ могъ бы меня испортить; я молодъ, ваша благосклонность возбудила бы ненависть ко мнѣ; у меня есть состояніе, я буду счастливъ на покоѣ и на верху славы, давъ васъ своему отечеству». Императрица отвѣчала ему, что это значило бы испортить весь его трудъ, если показать ее наблаго-

дарной къ человѣку, которому она считала себя наиболѣе всѣхъ обязанной; что простой народъ не повѣрилъ бы такому большому великодушію, но подумалъ бы, что она причинила ему какое-нибудь неудовольствіе или же, что она достаточно наградила его.

Надо было почти употребить свою царскую власть, чтобы принудить его остаться. И онъ былъ опечаленъ до слезъ красной лентой Св. Александра Невскаго и ключемъ камергера, которыми она его пожаловала, что даетъ чинъ генералъ-майора.

Ярость солдатъ противъ Петра III была чрезмѣрна.

Вотъ одинъ образецъ ея:

Послѣ присяги, въ то время, какъ держали совѣтъ, войска были выстроены противъ деревяннаго Зимняго дворца; имъ позволено было надѣть ихъ прежніе мундиры. Одинъ изъ офицеровъ вздумалъ оторвать свой золотой наплечникъ— и бросилъ его въ толпу, думая, что они извлекутъ изъ него себѣ пользу, обратя въ деньги; они съ яростью подхватили его и, поймавъ собаку, надѣли ей его на шею. Украшенная такимъ образомъ собака была прогнана съ большимъ гиканьемъ.

Они топтали ногами все, что было у нихъ отъ этого князя.

Чтобы ѣхать въ Ропшу съ Петромъ III, Императрица назначила капитана Алексѣя Орлова, князя Барятинскаго и трехъ офицеровъ; они выбрали 100 человѣкъ изъ разныхъ гвардейскихъ полковъ. Имъ приказано было сдѣлать жизнь этому князю насколько можно пріятнѣе и находить ему для его развлеченія все, что онъ ни пожелаетъ, и, смотря по обстоятельствамъ, отправить черезъ нѣкоторое время въ Голштинію съ его любимцами. Такъ его личность была безопасна!

Когда этотъ князь узналъ, что Императрица уѣхала изъ Петергофа, онъ пріѣхалъ туда, искалъ ее повсюду, даже подъ кроватью, спрашивая все ея общество, которое тамъ осталось; но все же не могъ ни на что рѣшиться. Всѣ его окружающіе давали ему различные совѣты, изъ которыхъ онъ выбралъ самые слабые: прогулялся вдоль и поперекъ сада и потомъ попросилъ обѣдать.

Когда рота гренадеровъ перваго гвардейскаго полка прибыла къ Казанской церкви навстрѣчу Императрицѣ, то хотѣли занять постъ около кареты Императрицы; но гренадеры Измайловскаго полка сказали имъ съ грубыми упреками, что они пришли послѣдними и что имъ не уступятъ.

Эта минута была очень опасна, т. к., если бы первые заупрямились, были бы пущены въ ходъ штыки. Но было совсѣмъ не то. Тѣ сказали, что ошибка была ихъ офицеровъ, которые ихъ удержали—и смирнехонько замаршировали впереди лошадей экипажа.

Когда Императрица сошла съ лошадей, давка была такъ велика, что ее вели подъ руки, что представляло прекрасное зрѣлище. Казалось, какъ будто бы она была вынуждена дѣлать то, что только происходило—что и было вѣрно на самомъ дѣлѣ, т. к., если бы она отказалась, она рисковала бы раздѣлить участь Петра III. Итакъ, не было выбора.

Утромъ 28 іюня Воронежскій полкъ былъ въ Красномъ Селѣ, въ 27 верстахъ отъ Петербурга. Нѣмецкій офицеръ, посланный Петромъ III, пріѣхалъ немного ранѣе посланнаго отъ Императрицы, чтобы вести этотъ полкъ въ Петербургъ, и они готовы были двинуться въ путь, не зная въ чемъ было дѣло, какъ вдругъ пріѣхалъ полковникъ Олсуфьевъ съ однимъ гренадерскимъ офицеромъ, чтобы привести ихъ къ присягѣ Екатеринѣ. Полковой командиръ колебался. Одинъ гренадеръ проронилъ нѣсколько словъ, которыя не понравились нѣмецкому офицеру; тотъ выхватилъ шпагу и хотѣлъ ею ударить этого солдата, а всѣ солдаты стали кричать, что надо идти въ Петербургъ присоединиться къ Екатеринѣ. Они двинулись въ путь, и, когда эта Государыня выходила изъ города, она ихъ встрѣтила. Такъ какъ они устали, то она хотѣла оставить ихъ въ городѣ, но они прошли съ ней еще 23 версты и тамъ имъ сдѣлали остановку на одной дачѣ, называемой «мыза Стрѣльна», т. к. не вполнѣ довѣряли полковому командиру; въ ту же ночь, когда всѣ вернулись обратно въ городъ—этотъ полкъ тоже возвратился туда. И такъ онъ сдѣлалъ въ 24 часа 73 версты.

По выступленіи изъ города, 28 числа вечеромъ, первая остановка была сдѣлана въ 10 верстахъ отъ города на постояломъ дворѣ съ названіемъ «Красный Кабакъ». Здѣсь все имѣло характеръ военнаго похода: солдаты улеглись на большой дорогѣ, офицеры и множество горожанъ, которые слѣдовали изъ любопытства, всѣ, сколько могъ вмѣстить этотъ домъ, собрались тамъ. Никогда день не былъ такъ чреватъ приключеніями; у каждаго было свое и всѣ хотѣли разсказать. Всѣ были чрезвычайно веселы и ни у кого не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Можно было бы сказать, что все рѣшено, хотя никто не могъ предугадать конца, который приметъ эта великая катастрофа. Даже не знали, гдѣ находился Петръ III. Должно было предполагать, что онъ бросился въ Кронштадтъ—но никто объ этомъ не думалъ. Однако, Екатерина совсѣмъ не была такъ спокойна, какъ казалось: она смѣялась, шутила, говорила то съ тѣми, то съ другими, говорила съ одного конца комнаты въ другой. И когда у ней подмѣчали минуты разсѣянности—она обвиняла въ томъ свою дневную усталость, думали уложить ее спать; она на минуту бросилась въ кровать, но не могла закрыть глазъ, она лежала неподвижно, чтобы не разбудить княгиню Дашкову, спавшую около нея; но, повернувъ нечаянно голову, она увидала, что большіе голубые глаза той были открыты и устремлены на нее,—что заставило ихъ громко расхохотаться надъ тѣмъ, что онѣ считали другъ друга заснувшей и обоюдно охраняли сонъ. Онѣ пошли присоединиться къ остальной компаніи и, немного спустя, отправились въ путь.

Вотъ какую роль играла княгиня Дашкова въ этомъ событіи: она была младшей сестрой любовницы Петра III, 19 лѣтъ, и красивѣе, чѣмъ ея сестра, которая была очень дурна. Если ихъ фигуры не были сходны между собой, то ихъ умы различались еще болѣе. Младшая соединяла съ большимъ умомъ много чувства; много прилежанія, чтенія и предупредительности къ Екатеринѣ—все это привязало ее къ ней умомъ, сердцемъ и душою. Такъ какъ она не скрывала этой привязанности и думала, что счастье ея отечества связано съ личностью этой Государыни, то слѣдовательно она повсюду и говорила о своихъ чувствахъ, что

безконечно вредило ей у ея сестры и даже у Петра III. Вслѣдствіе такого поведенія, которое она не скрывала, многіе изъ офицеровъ, не имѣя возможности говорить съ Екатериной, обращались къ княгинѣ Дашковой, чтобы увѣрить Императрицу въ ихъ преданности. Но все это было долго спустя послѣ предложенія Орловыхъ и даже рѣчи и поступки послѣднихъ склонили первыхъ, не знавшихъ прямой дороги, какую имѣли Орловы, обратиться къ Императрицѣ черезъ Дашкову, считая ее ближе всѣхъ къ ней. Екатерина никогда не называла княгинѣ именъ Орловыхъ, чтобы не выставить ихъ имена. Большое усердіе княгини и ея молодость заставляли опасаться, чтобы въ числѣ ея знакомыхъ не нашелся бы кто-нибудь, который неожиданно не выдалъ бы дѣло. Подъ конецъ Императрица посовѣтовала Орловымъ познакомиться съ княгиней, чтобы быть въ состояніи легче сблизиться съ вышеупомянутыми офицерами и увидѣть, какую пользу они могли бы извлечь изъ этого, потому что, какъ бы благонамѣренны ни были, они были менѣе рѣшительны, чѣмъ Орловы, которые присоединяли къ плану и средства его выполненія; къ тому же все мужество княгини Дашковой, т. к., дѣйствительно, она его много выказала, ничего не рѣшило. У нея было болѣе льстецовъ, чѣмъ кредита, и характеръ ея самой вызывалъ всегда нѣкоторое недовѣріе. Наконецъ, княгиня или, скорѣе черезъ нее, поручикъ Пассекъ съ одной стороны и Орловы—съ другой попросили, чтобы Екатерина написала имъ нѣсколько строкъ, чтобы этимъ убѣдить ея друзей въ ея согласіи. Она послала черезъ Дашкову записку, изложенную приблизительно такъ: «Да будетъ воля Божія и поручика Пассека исполнена. Я соглашаюсь на все, что можетъ быть полезно отечеству и Орловымъ». Она писала дальше: «Смотрите на того, кто покажетъ вамъ эту записку, такъ, какъ бы я это вамъ говорила. Я соглашаюсь на все, что спасетъ отечество, съ которымъ вы спасете и меня и себя также». И подписала обѣ записки своимъ именемъ. Легко догадаться, что эти записки были разорваны, какъ только ими воспользовались.

Письма Екатерины къ Понятовскому.

I.

2-го сего іюля.

Убѣдительно прошу васъ не спѣшить пріѣздомъ сюда, потому что ваше присутствіе при настоящихъ обстоятельствахъ было бы опасно для васъ и очень вредно для меня. Переворотъ, который только что совершился въ мою пользу, походитъ на чудо. Прямо изумительно то единодушіе, съ которымъ это произошло. Я завалена дѣлами, и не могу сообщить вамъ подробную реляцію. Всю жизнь я буду только стремиться быть вамъ полезной и уважать и васъ и вашу семью; но теперь здѣсь все полно опасности, чревато послѣдствіями. Я не спала три ночи и ѣла только два раза за четыре дня. Прощайте; будьте здоровы.

Екатерина.

II.

2-го августа (стараго стиля) 1762 г.

Я отправлю немедленно графа Кейзерлинга посломъ въ Польшу, чтобы сдѣлать васъ королемъ, по кончинѣ теперешняго и, если ему не удастся это но отношенію къ вамъ, я желаю, чтобы имъ сталъ князь Адамъ.

Письма Екатерины къ гр. Станиславу Понятовскому бывшему съ ней въ близкихъ отношеніяхъ, написанныя послѣ переворота съ цѣлью удержать своего стараго пріятеля за предѣлами досягаемости его вліянія на столь рѣзко измѣнившіяся обстоятельства, весьма цѣнны для исторіи переворота. Бывшій поклонникъ увидалъ предметъ своего поклоненія свободнымъ, всячески желалъ занять прежнее мѣсто, но уже было поздно: Екатерина, освобожденная отъ Петра, совсѣмъ не была свободна и потому приняла всѣ мѣры, чтобы пріѣзда Понятовскаго не было. При чтеніи этихъ писемъ надо имѣть эту главную цѣль ихъ писанія, вслѣдствіе которой Екатерина такъ старается выставить роль Орловыхъ; однако, при всемъ томъ положеніе возведенной Императрицы представлено довольно вѣрно.

Интересно было бы упомянуть о томъ, какъ пересылалась эта переписка, но, такъ какъ это не имѣетъ прямого отношенія къ описываемому нами событію, то мы лишь скажемъ, что она велась чрезвычайно конспиративно, даже шифромъ, и Екатерина была разъ страшно напугана, когда узнала, какой случайности подверглось одно изъ писемъ. Впрочемъ, объ этомъ есть въ самихъ письмахъ.

Переворотъ.

Всѣ умы еще въ броженіи. Я васъ прошу воздержаться отъ поѣздки сюда, изъ страха усилить его. Уже шесть мѣсяцевъ, какъ замышлялось мое восшествіе на престолъ. Петръ III потерялъ ту незначительную долю разсудка, какую имѣлъ. Онъ во всемъ шелъ напроломъ; онъ хотѣлъ сломить гвардію, для этого онъ велъ ее въ походъ; онъ замѣнилъ бы ее своими голштинскими войсками, которыя должны были оставаться въ городѣ. Онъ хотѣлъ перемѣнить вѣру, жениться на Л. В. (Елизаветѣ Воронцовой), а меня заключить въ тюрьму. Въ день празднованія мира, нанеся мнѣ публично оскорбленія за столомъ, онъ приказалъ вечеромъ арестовать меня. Мой дядя, принцъ Георгъ, заставилъ отмѣнить этотъ приказъ.

Съ этого дня я стала вслушиваться въ предложенія, которыя дѣлались мнѣ со времени смерти Императрицы. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы схватить его въ его комнатѣ и заключить, какъ принцессу Анну и ея дѣтей. Онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Мы были увѣрены въ большомъ числѣ капитановъ гвардейскихъ полковъ. Узелъ секрета находился въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ; Остенъ вспомнилъ, что видѣлъ старшаго, слѣдовавшаго всюду за мною и дѣлавшаго тысячу безумствъ. Его страсть ко мнѣ была всѣмъ извѣстна, и все имъ дѣлалось съ этой цѣлью. Это — люди необычайно рѣшительные и, служа въ гвардіи, очень любимые большинствомъ солдатъ. Я очень много обязана этимъ людямъ; весь Петербургъ тому свидѣтель.

Умы гвардейцевъ были подготовлены, и подъ конецъ въ тайну было посвящено отъ 30 до 40 офицеровъ и около 10,000 солдатъ. Не нашлось ни одного предателя въ теченіе трехъ недѣль, такъ какъ было четыре отдѣльныхъ партіи, начальники которыхъ созывались на совѣщанія, а главная тайна находилась въ рукахъ этихъ троихъ братьевъ; Панинъ хотѣлъ, чтобъ это совершилось въ пользу моего сына, но они ни за что не хотѣли согласиться на это.

Я была въ Петергофѣ. Петръ III жилъ и пьянствовалъ въ Ораніенбаумѣ. Согласились на случай предательства не ждать его возвращенія, но собрать гвардейцевъ и провозгласить меня. Рвеніе ко мнѣ вызвало то же, что произвела бы измѣна. Въ войскахъ 27-го распространился слухъ, что я арестована. Солдаты волнуются; одинъ изъ нашихъ офицеровъ успокаиваетъ ихъ. Одинъ солдатъ приходитъ къ ка-

питану Пассеку, главарю одной изъ партій, и говоритъ ему, что я погибла. Онъ увѣряетъ его, что имѣетъ обо мнѣ извѣстія. Солдатъ, все продолжая тревожиться за меня, идетъ къ другому офицеру и говоритъ ему то же самое. Этотъ не былъ посвященъ въ тайну; испуганный тѣмъ, что офицеръ отослалъ солдата, не арестовавъ его, онъ идетъ къ майору, а этотъ послѣдній послалъ арестовать Пассека. И вотъ весь полкъ въ движеніи. Въ эту же ночь послали рапортъ въ Ораніенбаумъ. И вотъ тревога между нашими заговорщиками. Они рѣшаютъ прежде всего послать второго брата Орлова ко мнѣ, чтобы привезти меня въ городъ, а два другіе идутъ всюду извѣщать, что я скоро буду. Гетманъ, Волконскій, Панинъ знали тайну.

Я спокойно спала въ Петергофѣ, въ 6 часовъ утра, 28-го. День прошелъ очень тревожно для меня, такъ какъ я знала всѣ приготовленія. Входитъ въ мою комнату Алексѣй Орловъ и говоритъ мнѣ съ большимъ спокойствіемъ: «Пора вамъ вставать; все готово для того, чтобы васъ провозгласить». Я спросила у него подробности; онъ сказалъ мнѣ: «Пассекъ арестованъ». Я не медлила болѣе, одѣлась какъ можно скорѣе, не дѣлая туалета, и сѣла въ карету, которую онъ подалъ. Другой офицеръ подъ видомъ лакея находился при ея дверцахъ; третій выѣхалъ навстрѣчу ко мнѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петергофа. Въ пяти верстахъ отъ города я встрѣтила старшаго Орлова съ княземъ Барятинскимъ младшимъ; послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ одноколкѣ, потому что мои лошади выбились изъ силъ, и мы отправились въ Измайловскій полкъ, тамъ было всего двѣнадцать человѣкъ и одинъ барабанщикъ, который забилъ тревогу. Сбѣгаются солдаты, обнимаютъ меня, цѣлуютъ мнѣ ноги, руки, платье, называютъ меня своей спасительницей.

Двое привели подъ руки священника съ крестомъ; вотъ они начинаютъ приносить мнѣ присягу. Окончивъ ее, меня просятъ сѣсть въ карету; священникъ съ крестомъ идетъ впереди; мы отправляемся въ Семеновскій полкъ; послѣдній вышелъ къ намъ навстрѣчу къ криками vivat. Мы поѣхали въ Казанскую церковь, гдѣ я вышла. Приходитъ Преображенскій полкъ, крича vivat, и говорятъ мнѣ: «Мы просимъ прощенія за то, что явились послѣдними; наши офицеры задержали насъ, но вотъ четверыхъ изъ нихъ мы приводимъ къ вамъ арестованными, чтобы показать вамъ наше усердіе.

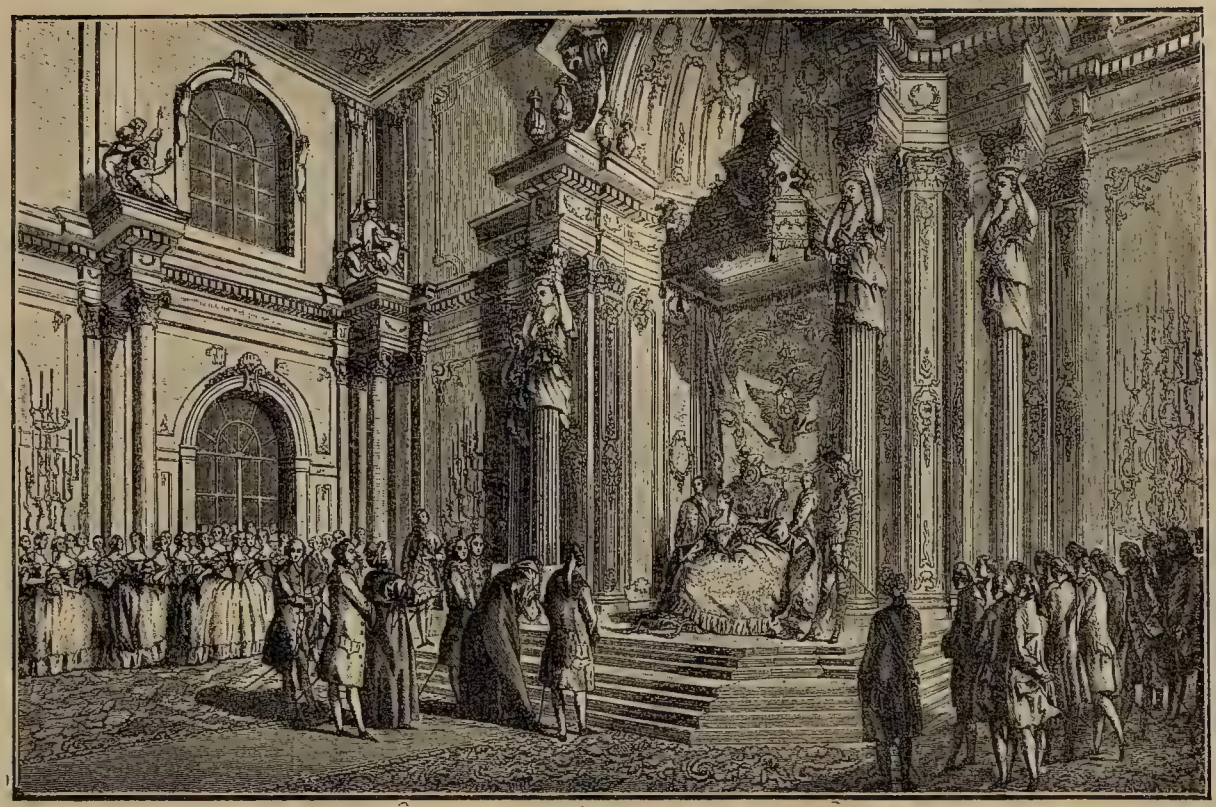
Мы желали того же, чего желали наши братья». Пріѣзжаетъ конная гвардія; она была въ дикомъ восторгѣ, которому я никогда не видѣла ничего подобнаго, плакала, кричала объ освобожденіи отечества. Эта сцена происходила между садомъ гетмана и Казанской. Конная гвардія была въ полномъ составѣ, во главѣ съ офицерами. Я знала, что дядю моего, которому Петръ III далъ этотъ полкъ, они страшно ненавидѣли, поэтому я послала къ нему пѣшихъ гвардейцевъ, чтобы просить его оставаться дома, изъ боязни за его особу. Не тутъ-то было: его полкъ отрядилъ, чтобъ его арестовать; домъ его разграбили, а съ нимъ обошлись грубо.

Я отправилась въ новый Зимній дворецъ, гдѣ Синодъ и Сенатъ были въ сборѣ. Тутъ наскоро составили манифестъ и присягу. Оттуда я спустилась и обошла пѣшкомъ войска, которыхъ было болѣе 14,000 человѣкъ гвардіи и полевыхъ полковъ. Едва увидали меня, какъ поднялись радостные крики, которые повторялись безчисленной толпой.

Я отправилась въ старый Зимній дворецъ, чтобы принять необходимыя мѣры и закончить дѣло. Тамъ мы совѣщались, и рѣшили отправиться, со мною во главѣ, въ Петергофъ, гдѣ Петръ III долженъ былъ обѣдать. По всѣмъ большимъ дорогамъ были разставлены пикеты, и время отъ времени къ намъ приводили лазутчиковъ.

Я послала адмирала Талызина въ Кронштадтъ. Прибылъ канцлеръ Воронцовъ, посланный для того, чтобы упрекнуть меня за мой отъѣздъ: его повели въ церковь для принесенія присяги. Пріѣзжаютъ князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, также изъ Петергофа, чтобы удержать вѣрность войскъ и убить меня; ихъ повели приносить присягу безо всякаго сопротивленія.

Разославъ всѣхъ нашихъ курьеровъ и взявъ всѣ мѣры предосторожности съ нашей стороны, около 10 часовъ вечера я одѣлась въ гвардейскій мундиръ и приказала объявить меня полковникомъ—это вызвало неописуемые крики радости. Я сѣла верхомъ; мы оставили лишь немного человѣкъ отъ каждаго полка для охраны моего сына, оставшагося въ городѣ. Такимъ образомъ, я выступила во главѣ войскъ, и мы всю ночь шли въ Петергофъ. Когда мы подошли къ небольшому монастырю на этой дорогѣ, является вице-канцлеръ Голицынъ съ очень льстивымъ письмомъ отъ Петра III.



Пріемъ Екатериной II турецкихъ пословъ.

Я не сказала, что когда я выступила изъ города, ко мнѣ явились три гвардейскихъ солдата, посланные изъ Петергофа, распространять манифестъ среди народа, говоря: «Возьми, вотъ что далъ намъ Петръ III; мы отдаемъ это тебѣ, и радуемся, что могли присоединиться къ нашимъ братьямъ».

За первымъ письмомъ пришло второе; его доставилъ генералъ Михаилъ Измайловъ, который бросился къ моимъ ногамъ и сказалъ мнѣ: «Считаете ли вы меня за честнаго человѣка». Я ему сказалъ, что да.—«Ну такъ,—сказалъ онъ,—пріятно быть за-одно съ умными людьми. Императоръ предлагаетъ отречься. Я вамъ доставлю его послѣ его совершенно добровольнаго отреченія. Я безъ труда избавлю мое отечество отъ гражданской войны». Я возложила на него это порученіе; онъ отправился его исполнять. Петръ III отрекся въ Ораніенбаумѣ безо всякаго принужденія, окруженный 1590 голштинцами, и прибылъ съ Елисаветой Воронцовой, Гудовичемъ и Измайловымъ въ Петергофъ, гдѣ, для охраны его особы, я дала ему шесть офицеровъ и нѣсколько солдатъ. Такъ какъ это было (уже) 29-ое число, день Петра и Павла, въ полдень, то нужно было пообѣдать. Въ то время, какъ готовился обѣдъ для такой массы народу, солдаты вообразили, что Петръ III былъ привезенъ княземъ Трубецкимъ, фельдмаршаломъ, и что послѣдній старался примирить насъ другъ съ другомъ. И вотъ они поручаютъ всѣмъ проходящимъ, и, между прочимъ, гетману, Орловымъ и нѣсколькимъ другимъ (передать мнѣ), что уже три часа, какъ они меня не видѣли, что они умираютъ со страху, какъ бы этотъ старый плутъ Трубецкой не обманулъ меня, «устроивъ притворное примиреніе между твоимъ мужемъ и тобою, какъ бы не погубили тебя, а одновременно и насъ, но мы его въ клочья разорвемъ». Вотъ ихъ выраженія. Я пошла къ Трубецкому и сказала ему: «Прошу васъ, сядьте въ карету, между тѣмъ какъ я обойду пѣшкомъ эти войска».

Я ему сказала то, что происходило. Онъ уѣхалъ въ городъ, сильно перепуганный, а меня приняли съ неслыханными восклицаніями: послѣ того я послала, подъ начальствомъ Алексѣя Орлова, въ сопровожденіи четырехъ офицеровъ и отряда смирныхъ и избранныхъ людей, низложеннаго Императора за 25 верстъ отъ Петергофа, въ мѣстечко, называемое Ропша, очень уединенное и очень пріятное, на то время, пока готовили хорошія и приличныя комнаты въ Шлис-

сельбургѣ и пока не успѣли разставить лошадей для него на подставу. Но Господь Богъ расположилъ иначе.

Страхъ вызвалъ у него поносъ, который продолжался три дня и прошелъ на четвертый; онъ чрезмѣрно напился въ этотъ день, такъ какъ имѣлъ все, что хотѣлъ, кромѣ свободы. (Попросилъ онъ у меня, впрочемъ, только свою любовницу, собаку, негра и скрипку; но, боясь произвести скандалъ и усилить броженіе среди людей, которые его караулили, я ему послала только три послѣднія вещи). Его схватилъ приступъ геморроидальныхъ колик въ вмѣстѣ съ приливами крови къ мозгу; онъ былъ два дня въ этомъ состояніи, за которымъ послѣдовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторовъ, онъ испустилъ духъ, потребовавъ (передъ тѣмъ) лютеранскаго священника.

Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велѣла его вскрыть; но вполнѣ удостовѣрено, что не нашли ни малѣйшаго слѣда (отравы); онъ имѣлъ совершенно здоровый желудокъ, но умеръ онъ отъ воспаленія въ кишкахъ и апоплексическаго удара. Его сердце было необычайно мало и совсѣмъ сморщено.

Послѣ его отъѣзда изъ Петергофа мнѣ совѣтовали отправиться прямо въ городъ. Я предвидѣла, что войска будутъ этимъ встревожены. Я велѣла распространить объ этомъ слухъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы узнать, въ которомъ часу приблизительно, послѣ трехъ утомительныхъ дней, они были бы въ состояніи двинуться въ путь. Они сказали: «Около 10 часовъ вечера, но пусть и она пойдетъ съ нами». Итакъ, я отправилась съ ними, и на полдорогѣ я удалилась на дачу Куракина, гдѣ я бросилась, совсѣмъ одѣтая, въ постель. Одинъ офицеръ снялъ съ меня сапоги. Я проспала два съ половиной часа, и затѣмъ мы снова пустились въ путь. Отъ Екатериненгофа я опять сѣла на лошадь, во главѣ Преображенскаго полка, впереди шелъ одинъ гусарскій полкъ, затѣмъ мой конвой, состоявшій изъ конной гвардіи; за нимъ слѣдовалъ, непосредственно передо мною, весь мой дворъ. За мною шли гвардейскіе полки по ихъ старшинству, и три полевыхъ полка.

Въ городъ я въѣхала при безчисленныхъ крикахъ радости, и такъ ѣхала до Лѣтняго дворца, гдѣ меня ждали дворъ, Синодъ, мой сынъ и все то, что является ко двору. Я пошла къ обѣднѣ; затѣмъ отслужили молебенъ; потомъ при-

шли меня поздравлять. Я почти не пила, не ѣла и не спала съ 6 часовъ утра въ пятницу до полудня въ воскресенье; вечеромъ я легла и заснула. Въ полночь, только что я заснула, капитанъ Пассекъ входитъ въ мою комнату и будитъ меня, говоря: «Наши люди страшно пьяны; одинъ гусаръ, находившійся въ такомъ же состояніи, прошелъ передъ ними и закричалъ имъ: къ оружію! 30.000 пруссаковъ идутъ, хотятъ отнять у насъ нашу матушку. Тутъ они взялись за оружіе и идутъ сюда, чтобы узнать о состояніи вашего здоровья, говоря, что три часа они не видѣли васъ и что они пойдутъ спокойно домой, лишь бы увидѣть, что вы благополучны. Они не слушаютъ ни своихъ начальниковъ, ни даже Орловыхъ». И вотъ я снова на ногахъ, и, чтобы не тревожить мою дворцовую стражу, которая состояла изъ одного батальона, я пошла къ нимъ и сообщила имъ причину, почему я выхожу въ такой часъ. Я сѣла въ свою карету съ двумя офицерами и отправилась къ нимъ; я сказала имъ, что я здорова, чтобъ они шли спать и дали мнѣ также покой, что я только что легла, не спавши три ночи, и что я желаю, чтобъ они слушались впредь своихъ офицеровъ. Они отвѣтили мнѣ, что у нихъ подняли тревогу съ этими проклятыми пруссаками, что они всѣ хотятъ умереть за меня. Я имъ сказала: «Ну, спасибо вамъ, но идите спать». На это они мнѣ пожелали спокойной ночи и добраго здоровья, и пошли, какъ ягнята, домой, и все оборачивались на мою карету, уходя. На слѣдующій день они прислали просить у меня извиненія и очень сожалѣли, что разбудили меня, говоря: «Если каждый изъ насъ будетъ хотѣть постоянно видѣть ее, мы повредимъ ея здоровью и ея дѣламъ».

Потребовалась бы цѣлая книга, чтобы описать поведеніе каждаго изъ начальствующихъ лицъ. Орловы блистали своимъ искусствомъ управлять умами, осторожною смѣлостью въ большихъ и мелкихъ подробностяхъ, присутствіемъ духа и авторитетомъ, который это поведеніе имъ доставило. У нихъ много здраваго смысла, благороднаго мужества. Они патріоты до энтузіазма и очень честные люди, страстно привязанные ко мнѣ, и друзья, какими никогда еще не былъ никто изъ братьевъ; ихъ пятеро, но здѣсь только трое было. Капитанъ Пассекъ отличался стойкостью, которую онъ проявилъ, оставаясь двѣнадцать часовъ подъ арестомъ, тогда какъ солдаты отворяли ему окна и двери, дабы не вы-

звать тревоги до моего прибытія въ его полкъ, и въ ежеминутномъ ожиданіи, что его повезутъ для допроса въ Ораніенбаумъ: объ этомъ приказъ пришелъ уже послѣ меня.

Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя и очень желаетъ приписать себѣ всю честь, такъ какъ была знакома съ нѣкоторыми изъ главарей, не была въ чести вслѣдствіе своего родства и своего девятнадцатилѣтняго возраста, и не внушала никому довѣрія; хотя она увѣряетъ, что все ко мнѣ проходило черезъ ея руки, однако всѣ лица имѣли сношенія со мною въ теченіе шести мѣсяцевъ прежде, чѣмъ она узнала только ихъ имена. Правда, она очень умна, но съ большимъ тщеславіемъ она соединяетъ взбалмошный характеръ и очень нелюбима нашими главарями; только вѣтреные люди сообщили ей о томъ, что знали сами, но это были лишь мелкія подробности. И. И. Шуваловъ, самый низкій и самый подлый изъ людей, говорятъ, написалъ тѣмъ не менѣе Вольтеру, что девятнацатилѣтняя женщина перемѣнила правительство этой Имперіи; выведите, пожалуйста, изъ заблужденія этого великаго писателя.

Приходилось скрывать отъ княгини пути, которыми другіе сносились со мной еще за пять мѣсяцевъ до того, какъ она что-либо узнала, а за четыре послѣднихъ недѣли ей сообщали такъ мало, какъ только могли. Твердость характера князя Барятинскаго, который скрывалъ отъ своего любимаго брата, адъютанта бывшаго Императора, эту тайну, потому что тотъ былъ бы довѣреннымъ не опаснымъ, но безполезнымъ, заслуживаетъ похвалы. Въ конной гвардіи одинъ офицеръ, по имени Хитрово, 22-хъ лѣтъ, и одинъ унтеръ-офицеръ 17-ти, по имени Потемкинъ, всѣмъ руководили со смѣтливостью, мужествомъ и расторопностью.

Вотъ приблизительно наша исторія. Все дѣлалось, признаюсь вамъ, подъ моимъ ближайшимъ руководствомъ, и въ концѣ я охладила пылъ, потому что отъѣздъ на дачу мѣшалъ исполненію (предпріятія), а все болѣе чѣмъ созрѣло за двѣ недѣли до того. Когда бывшій Императоръ узналъ о мятежѣ въ городѣ, молодыя женщины, изъ которыхъ онъ составилъ свою свиту, помѣшали ему послѣдовать совѣту стараго фельдмаршала Миниха, который совѣтовалъ ему броситься въ Кронштадтъ или удалиться съ небольшимъ числомъ людей къ арміи, и когда онъ отправился на галерѣ въ Кронштадтъ, городъ былъ уже въ нашихъ рукахъ, бла-

годаря исполнительности адмирала Талызина, приказавшаго обезоружить генерала Девьера, который былъ уже тамъ отъ имени Императора, когда первый туда пріѣхалъ. Одинъ портовый офицеръ, по собственному побужденію, пригрозилъ этому несчастному Государю, что будетъ стрѣлять боевыми снарядами по галерѣ. Наконецъ, Господь Богъ привелъ все къ концу, предопредѣленному имъ, и все это представляется скорѣе чудомъ, чѣмъ дѣломъ, предусмотрѣннымъ и заранѣе подготовленнымъ, ибо совпаденіе стольких счастливыхъ случайностей не можетъ произойти безъ воли Божіей.

Я получила ваше письмо... Правильная переписка была бы подвержена тысячѣ неудобствъ, а я должна соблюдать двадцать тысячъ предосторожностей и у меня нѣтъ времени писать опасные billets-doux.

Я очень стѣснена... Я не могу разсказать вамъ все это, но это правда.

Я сдѣлаю все для васъ и вашей семьи, будьте въ этомъ твердо увѣрены.

Я должна соблюдать тысячу приличій и тысячу предосторожностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую все бремя правленія.

Знайте, что все проистекло изъ ненависти къ иностранцамъ; что Петръ III самъ слыветъ за такового.

Прощайте, бываютъ на свѣтѣ положенія (очень) странныя.

III.

9 августа 1762.

Я могу вамъ сказать лишь правду: я подвергаюсь тысячѣ опасностей, благодаря этой перепискѣ. Ваше послѣднее письмо, на которое я отвѣчаю, чуть не было перехвачено. Меня не выпускаютъ изъ виду. Я отнюдь не должна быть въ подозрѣніи; нужно итти прямо; я не могу вамъ писать; оставайтесь въ покоѣ. Разсказать всѣ внутреннія тайны — было бы нескромностью; наконецъ, я не могу. Не мучьте вы себя; я поддержу вашу семью. Я не могу отпустить Волконскаго; у васъ будетъ Кейзерлингъ, который будетъ служить вамъ какъ нельзя лучше. Я приму во вниманіе всѣ ваши указанія. Впрочемъ, я совсѣмъ не хочу вводить васъ въ заблужденіе; меня заставятъ продѣлать еще много странныхъ вещей, и все это естественнѣйшимъ въ мірѣ образомъ.

Если я соглашусь на это, меня будутъ боготворить; если нѣтъ—право, я не знаю, что тогда произойдетъ. Могу вамъ сказать, что все это лишь чрезмѣрная ко мнѣ любовь ихъ, которая начинаетъ быть мнѣ въ тягость. Они смертельно

Екатерина II у гроба Петра III.

боятся, чтобы со мною не случилось малѣйшаго пустяка. Я не могу выйти изъ моей комнаты безъ радостныхъ восклицаній. Однимъ словомъ, это энтузіазмъ, напоминающій собою энтузіазмъ временъ Кромвеля.

Жена Брюса и фельдмаршальша — недостойныя женщины, особенно вторая. Онѣ были преданы сердцемъ, тѣломъ и душою Петру III и очень зависѣли отъ его любовницы и ея плановъ, говоря тѣмъ, кто хотѣлъ это слышать, что она совсѣмъ еще не то, чѣмъ бы эти женщины желали, чтобы она была. Князь Адамъ рыцарь больше, чѣмъ въ одномъ отношеніи. Я не вернула ни его письма, ни вашего, потому что я не могу ихъ вернуть; кругомъ друзья; у васъ ихъ мало, а у меня — слишкомъ много. Тепловъ услужилъ мнѣ во многомъ. Ададуровъ городитъ чепуху. Елагинъ — при мнѣ. У меня нѣтъ шифровъ,— вашихъ шифровъ,— такъ какъ я не имѣю болѣе ключей, которые истребили критическія времена. Передайте мой привѣтъ вашей семьѣ и пишите мнѣ какъ можно меньше, или лучше совсѣмъ не пишите, безъ (крайней) необходимости, въ особенности безъ іероглифовъ.

IV.

Вы читаете мои письма недостаточно внимательно. Я вамъ сказала и повторила, что я подвергнусь крайнимъ опасностямъ съ разныхъ сторонъ, если вы появитесь въ Россіи. Вы отчаиваетесь; я удивляюсь этому, потому что въ концѣ концовъ всякій разсудительный человѣкъ долженъ покориться. Я не могу и не хочу объясняться по поводу многихъ вещей. Я вамъ сказала и я вамъ повторяю, что всю мою жизнь съ вашей семьей и съ вами я буду въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, въ соединеніи съ признательностью и отмѣннымъ уваженіемъ. Хотя я поссорилась изъ-за курляндскихъ дѣлъ съ вашимъ королемъ, однако, я сдѣлаю всѣ рекомендаціи, какихъ вы требуете. Я думаю, что Кейзерлингъ исполнилъ бы ихъ лучше, чѣмъ Ржичевскій, который, говорятъ, не преданъ вамъ; но такъ какъ вы этого хотите, то онѣ также будутъ на него возложены.

Только мое поведеніе можетъ, несомнѣнно, меня поддерживать. Оно должно быть такимъ, какого я придерживаюсь. Впрочемъ, всякія затрудненія на свѣтѣ могутъ со мною приключиться, и ваше имя и вашъ пріѣздъ способны произвести самые печальные результаты. Я вамъ это повторяла и я говорю вамъ это еще разъ; вы хотите быть обнадеженнымъ,— я этого не могу и не хочу; я должна тысячу

разъ въ день (проявлять) подобную твердость. Остенъ слишкомъ уменъ; я предпочитаю дурака, съ которымъ слажу; не говорите ему этого. Не давайте отнюдь письма Одару. Данія мнѣ подозрительна, и при томъ ея дворъ дѣлаетъ мнѣ кляузы по дѣламъ моего сына, на которыя я имѣю всѣ поводы жаловаться; несомнѣнно, я не должна и не могу ни уступать, ни дѣлиться въ его дѣлахъ ни съ одною живою душой, и ихъ трактатъ лишенъ значенія, потому что младшій въ Германіи безъ своего старшаго ничего не можетъ рѣшить. Моисей негодяй, и я уволила его въ отставку. Я не могу мѣнять такимъ образомъ со дня на день; Кейзерлингъ назначенъ ѣхать къ вамъ, а мнѣ нуженъ Волконскій. Мое существованіе состоитъ и будетъ состоять въ томъ, чтобы, развѣ потеряю разсудокъ, не быть подъ игомъ ни у какого двора,—и я, славу Богу, не нахожусь подъ нимъ,—заключить міръ, привести мое обремененное долгами государство въ наилучшее состояніе, какое только могу, и это все. Всѣ тѣ, кто говорятъ вамъ другое, — большіе лжецы. Бестужевъ — сенаторъ и занимаетъ свое мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; съ нимъ совѣтуются и его чествуютъ столько, сколько слѣдуетъ. Всѣ спокойны, помилованы, проникаются честными намѣреніями по отношенію къ отечеству, и нѣтъ другого имени, которое было бы въ ходу. Гетманъ всегда со мною, и Панинъ самый искусный, самый смышленый и самый ревностный человѣкъ при моемъ дворѣ. Ададуровъ — президентъ мануфактуръ-коллегіи. Право, если дадутъ денегъ моимъ министрамъ, то ловко попадутся, потому что, что бы ни говорили, я могу вамъ поклясться, что они дѣлаютъ только то, что я имъ диктую. Я ихъ всѣхъ выслушиваю, а сама вывожу свои заключенія.

Прощайте. Будьте увѣрены, что я всегда буду питать особенную дружбу къ вамъ и ко всему, что вамъ близко, и предоставьте мнѣ выпутываться изъ моихъ хлопотъ. Если всѣ затрудненія въ теченіе восемнадцати лѣтъ, отъ которыхъ естественно я должна была бы погибнуть, свелись къ тому, что сдѣлали меня тѣмъ, что я есмь, то чего же я не должна ожидать? Но я не хочу льстить, и не хочу погубить насъ. Забыла вамъ сказать, что Бестужевъ очень любитъ и ласкаетъ тѣхъ, которые послужили мнѣ съ такимъ усердіемъ, какого можно было ожидать отъ благородства

ихъ характера. Поистинѣ, это герои, готовые положить свою жизнь за отечество, и столь же уважаемые, сколь достойные уваженія.

V.

11 ноября 1762.

Вашъ № 5 до меня дошелъ. Чтобы дѣйствовать съ энергіей въ дѣлѣ предполагаемой измѣны, нужно много доказательствъ. Невозможно, наконецъ, чтобы именно тотъ, кого вы мнѣ называете, зналъ о моихъ намѣреніяхъ, потому что я повѣдала ихъ лишь Кейзерлингу; онъ пользуется всѣмъ моимъ довѣріемъ и (располагаетъ) моими инструкціями, написанными собственною моею рукою. Я распоряжусь такъ, чтобы мнѣ служили согласно моимъ намѣреніямъ. Я не могу и не хочу говорить вамъ о всѣхъ препятствіяхъ, какія имѣются, чтобы помѣшать вашему сюда пріѣзду. Я довольно сказала вамъ объ этомъ въ моихъ предыдущихъ письмахъ и я вамъ не лгу. Я одна могу управлять собою во всѣхъ случайностяхъ моей жизни. Я отсовѣтываю вамъ тайную поѣздку, ибо мои шаги не могутъ оставаться тайными. Положеніе мое таково, что мнѣ приходится соблюдать большую осторожность и прочее, и послѣдній гвардейскій солдатъ, глядя на меня, говоритъ себѣ: вотъ дѣло рукъ моихъ. Несмотря на это, все въ броженіи, и еще недавно вы должны были слышать тому доказательства. Признаюсь вамъ, я крайне бы желала знать все дурное, что говорятъ обо мнѣ въ чужихъ краяхъ, ибо здѣсь все такъ себѣ. Будьте увѣрены, что я поддерживаю васъ и буду поддерживать.

Ржичевскій останется съ носомъ. Я уже была имъ крайне недовольна, а теперь стала еще недовольнѣе. Стрекаловъ меня удивляетъ. Ему было приказано скрыть свое порученіе отъ Ржичевскаго, по совѣту графа Кейзерлинга; онъ описываетъ мнѣ его, какъ человѣка невѣрнаго и очень глупаго, что доказываютъ его письма. Я напишу графу Кейзерлингу въ пользу вашихъ новыхъ рекомендацій. Боюсь до смерти за письма, которыя вы пишете ко мнѣ. Не знаю, что говорятъ о людяхъ, окружающихъ меня; но знаю, что они не подлые льстецы и не презрѣнныя и низкія души. Я знаю за ними лишь патріотическія чувства, знаю, что они любятъ и творятъ добро, никого не обманываютъ и не берутъ денегъ за то, что по своему кредиту они въ правѣ совершить. Если съ этими качествами они не имѣютъ сча-

стія нравиться тѣмъ, кто желалъ бы видѣть ихъ порочными, то, по совѣсти, они и я, мы обойдемся безъ ихъ одобреній. Я подумаю о томъ, что могу сдѣлать для Остена, котораго буду очень рада принять къ себѣ на службу, въ случаѣ, если его слишкомъ будутъ преслѣдовать у васъ изъ-за васъ; вы можете требовать отъ меня гарантіи вашихъ вольностей, и на этомъ основаны всѣ инструкціи Кейзерлинга. Я не пишу ни одного письма къ этому послу безъ того, чтобы не сказать ему поддерживать васъ. Тысячу привѣтствій вашимъ роднымъ. Извините нескладность этого письма; я тороплюсь. Я получила вашъ шифръ.

Бестужевъ почти не имѣетъ кредита у меня, и я совѣтуюсь съ нимъ лишь для виду.

VI.

27. IV.

Итакъ, разъ нужно говорить вполнѣ откровенно и разъ вы рѣшили не понимать того, что я повторяю вамъ уже шесть мѣсяцевъ, это то, что если вы явитесь сюда, вы рискуете, что убьютъ обоихъ насъ. Если послѣ самыхъ точныхъ приказаній Кейзерлингу и строгихъ выговоровъ Ржичевскому насчетъ ихъ поведенія въ отношеніи къ вамъ, вы скажете, что васъ не поддерживаютъ, я буду просить васъ сообщить мнѣ, какъ же, наконецъ, нужно будетъ поступать. Правда, я велѣла написать Остену, что очень легко засыпать человѣка упреками; но если бы всѣ вели себя лишь по волѣ всѣхъ иностранцевъ, которыхъ вы желали бы видѣть вокругъ нихъ, они не долго просуществовали бы. Чѣмъ же я выказала такую ужасную неблагодарность? Тѣмъ ли, что я вамъ мѣшаю и не хочу, чтобы вы сюда пріѣзжали? Не на что еще, по моему мнѣнію, жаловаться. Я вамъ говорила, что даже письма наши ровно ни къ чему, и, если бы вы были очень благоразумны, вы остерегались бы писать ихъ, попросту передавая Кейзерлингу для пересылки мнѣ все, что касается дѣлъ. Послѣдній курьеръ, везшій ваше письмо къ Бретейлю, едва не лишился жизни отъ рукъ грабителей и было бы очень мило, если бы мой пакетъ былъ вскрытъ и доложенъ по министерству. Я получила всѣ ваши письма и не ожидала, что послѣ самыхъ сильныхъ и искренныхъ увѣреній въ моей дружбѣ къ вамъ и къ вашимъ, я буду обвинена въ черной неблагодарности. Вы можете

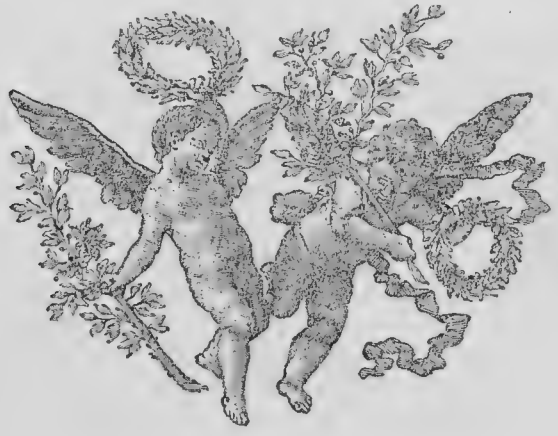
говорить, что желаете, тѣмъ не менѣе я докажу вамъ, какого блага желаю семьѣ вашей, поддерживая васъ возможно лучше по мѣрѣ моихъ силъ.

VII.

5 января.

Отвѣчаю на ваше письмо отъ 8 декабря. Не знаю, чѣмъ заслужила я всѣ тѣ упреки, которыми полны ваши письма. Мнѣ кажется, что я васъ поддерживаю, насколько могу. Если Кейзерлингъ не вполнѣ откровененъ, это, очевидно, потому, что онъ еще недостаточно знаетъ васъ, и его осторожность, быть можетъ, не хочетъ, до времени, подвергать непріятности самую большую мою тайну. Впрочемъ, и того, безъ сомнѣнія, много, что я вамъ отвѣчаю: мнѣ бы не слѣдовало этого дѣлать. Я не хочу и не могу лгать. Моя роль должна быть безупречной. Отъ меня ждутъ сверхъестественнаго. Сила моего имени вамъ не измѣнитъ. Я отвѣтила Кейзерлингу на всѣ три докладныхъ записки. Я ему также приказала рекомендовать тѣхъ, кого вы найдете нужнымъ, не дожидаясь отсюда приказаній насчетъ каждой рекомендаціи.

Остенъ пріѣдетъ сюда. Вашъ шифръ никакъ не могъ быть разобранъ, такъ былъ онъ спутанъ въ вашемъ № 4. Вы можете быть увѣренными, вы и семья ваша, въ крайнемъ вниманіи съ моей стороны и въ моей дружбѣ, сопровождаемой всѣмъ уваженіемъ, которое только можно себѣ представить.



Гдѣ искать спасеніе?

Глава изъ сочиненія Бильбасова—Екатерина Великая.

Въ пятницу, 28-го іюня, Петръ III съ утра былъ не въ духѣ—Императоръ наканунѣ засидѣлся за ужиномъ, всталъ поздно, съ головною болью, поздно началъ разводъ. Разводъ прошелъ, однако, счастливо: голштинцы мастерски исполняли всѣ военныя экзерциціи, командовавшій ими генералъ-лейтенатъ баронъ фонъ-Лэвенъ по глазамъ угадывалъ желанія Императора, и Петръ III повеселѣлъ. Въ часъ пополудни, прямо съ развода назначенъ отъѣздъ въ Петергофъ, «чтобы наканунѣ Петрова дня присутствовать при большомъ обѣдѣ въ Монплезирѣ у ея величества Императрицы и потомъ вечеромъ принести поздравленіе и быть за ужиннымъ столомъ».

Уже поданы экипажи, Императоръ на подъѣздѣ—нѣтъ гусаръ, конвоирующихъ обычно Петра III при подобныхъ загородныхъ прогулкахъ: гусаръ забыли извѣстить. Императоръ вспылилъ, но не на долго—гусары мигомъ прискакали.

Императоръ ѣдетъ въ гости къ Императрицѣ и везетъ съ собою избранное придворное общество, размѣстившееся въ каретахъ, коляскахъ и длинныхъ линейкахъ dos-à-dos... Тутъ правая рука русскаго Императора — прусскій посланникъ

Гольцъ, и владѣтельница сердца Петра III—фрейлина графиня Елизавета Романовна Воронцова, два фельдмаршала гр. Б. Х. Минихъ и кн. Н. Ю. Трубецкой, принцъ Голштейнъ-Бекскій, 12-тилѣтняя принцесса Екатерина Петровна Голштинская [1]), канцлеръ гр. М. В. Воронцовъ, его братъ сенаторъ гр. Р. Л. Воронцовъ, отецъ фаворитки, вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, гр. А. И. Шуваловъ, любимцы Императора генералъ-адъютанты кн. И. Ѳ. Голицынъ и А. В. Гудовичъ, генералъ-лейтенантъ А. П. Мельгуновъ, безсмѣнный Л. А. Нарышкинъ, генералы гр. Девьеръ и Измайловъ, флигель-адъютантъ кн. И. С. Барятинскій и др.; тутъ много дамъ: гр. П. А. Брюсъ, кн. А. Д. Трубецкая, супруга фельдмаршала, мечтающая видѣть фаворитку Императрицей, гр. А. К. Воронцова, супруга канцлера, три Нарышкиныхъ—Марья Павловна, супруга оберъегермейстера, Марья Осиповна, супруга оберштальмейстера, и Анна Никитишна, супруга обермундшенка—гр. Д. М. Строгонова, дочь канцлера, и другія [2]).

Весело болтая, никѣмъ не обезпокоиваемые [3]), путники прибыли, въ исходѣ 2-го часа, въ Петергофъ, Экипажи остановились у Монплезира: «дворецъ, въ которомъ живетъ Императрица съ ея дамами и придворными кавалерами, найденъ пустымъ»—Екатерина еще раннимъ утромъ «потаенно» уѣхала въ Петербургъ! Это былъ блескъ молніи въ ночи, ударъ грома при безоблачномъ небѣ. Все смѣшалось, пере-

---

[1]) Принцесса Е. П. Голштейнъ-Бекъ, 1750-1811, вышла замужъ за кн. Ивана Сергѣевича Барятинскаго, 1738-1811, бывшаго флигель-адъютанта Петра III. Она покинула мужа, Россію, и жила въ Берлинѣ подъ именемъ принцессы Голштейнъ-Бекъ.

[2]) Госуд. Архивъ, III, 16 Iacob, 19; Арх. кн. Воронцова, XXV, 425; Штелинъ, 288, 399; депеша Прассе, отъ 11 іюня, въ Дрезден. Архивѣ, vol. VII, № 56; депеша гр. Мерси въ Сборникѣ, XVIII, 471; Helbig Biographie, II, 123. Линейки, которыхъ сѣдоки помѣщаются dos-à-dos, можно и теперь встрѣтить въ Москвѣ, гдѣ онѣ лѣтомъ исполняютъ роль общественныхъ омнибусовъ; въ Петербургѣ, въ придворномъ вѣдомствѣ, линейки иногда употребляются при загородныхъ гуляньяхъ и для перевозки придворныхъ пѣвчихъ. Линейки эти крайне неудобны, тяжелы, нераціозны; единственное ихъ достоинство въ томъ, что онѣ могутъ поднять много сѣдоковъ.

[3]) Депеша Беранже, отъ 13 іюля, въ Париж. Архивѣ, Russie, vol. 69, № 3; Штелинъ 288, Castéra, I, 380; Helbig Biographie, II, 125, 126. Свѣдѣнія иностранцевъ, будто Петръ III значительно ранѣе 3-хъ часовъ дня, еще до пріѣзда въ Петергофъ, имѣлъ извѣстія о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ, являются чистымъ вымысломъ. Большинство иностранныхъ писа-

путалось; всѣ растерялись, онѣмѣли передъ этою новостью; неясною еще, но уже грозною. Предчувствія самыя тревожныя, ожиданія самыя тяжелыя охватили всѣхъ, спутавъ понятія, затемнивъ мысли. Никто не хотѣлъ или, быть можетъ, не могъ ясно опредѣлить положеніе, созданное «бѣгствомъ» Екатерины; никто не былъ въ состояніи сознательно отнестись къ предстоявшимъ обязанностямъ, никто не зналъ отвѣта на вопросъ: что дѣлать?

Прошло добрыхъ полчаса въ тупомъ недоумѣніи. Опытные царедворцы, искусившіеся въ придворной интригѣ, знавшіе Екатерину уже много лѣтъ, кн. Трубецкой, гр. Шуваловъ и гр. Воронцовъ первые предложили свои услуги Императору: они поѣдутъ «въ Петербургъ, съ цѣлью узнать, что тамъ дѣлается, и привезти положительныя о томъ свѣдѣнія», при чемъ канцлеръ Воронцовъ глубокомысленно добавилъ, что «если Императрица отправилась въ Петербургъ, чтобъ захватить престолъ, то онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, попытается усовѣстить ее, если его величеству будетъ то угодно». Его величеству все было угодно—эти три царедворца присягнули Екатеринѣ и не возвратились къ Императору [1]).

Въ 3 часа дня, все общество, съ Императоромъ во главѣ, двинулось къ морю, рѣшивъ «на всякій случай» имѣть наготовѣ шлюпки, яхту и штатсъ-галеру. Къ берегу въ это время пристalъ баркасъ—это поручикъ преображенской бомбардирской роты Бернгорстъ привезъ изъ Петербурга

телей говоритъ, будто «нѣсколько переодѣтыхъ крестьянами гренадеровъ» явились въ Петергофъ и сообщили Императору о происшедшемъ переворотѣ (some grenadiers disquised like peasants, Gelchrist, 6; Denkwürdigkeiten, 87; Rannft, 289; Beauclair, 113); нѣкоторые сообщаютъ, будто какой-то крестьянинъ, въ лѣсу между Ораніенбаумомъ и Петергофомъ, останавливалъ линейку Императора, но на него, по однимъ, не обратили вниманія (Castéra, I, 367; Helbig, Biographie, II, 123), по другимъ, обратили очень много (Сборникъ, XVIII, 472), при чемъ этотъ крестьянинъ называется слугою Брессана (Rulhiere, 112, Castéra, I, 379; Helbig, I. c., 115, 126). Въ три часа дня, когда Петръ III началъ разсылать своихъ адъютантовъ и ординарцевъ на развѣдки, въ Петергофѣ было уже извѣстно о перемѣнѣ. Флигель-адъютантъ Императора Рейзеръ показалъ: въ бытность его въ Петергофѣ о томъ, что Ея Императорское Величество соизволила принять родительскій престолъ, какъ онъ, такъ и другіе тамо живущіе люди вѣдали, а черезъ кого это тамъ произошло онъ не зналъ. Архивъ Сената, Секретн. дѣла, № 700, л. 1-й.

[1]) Schumacher, 36.

фейерверкъ для Сансуси. Обратились къ нему съ разспросами; поручикъ сообщилъ, что «при выѣздѣ изъ Петербурга, въ 9-мъ часу, слышалъ въ Преображенскомъ полку большой шумъ и видѣлъ, какъ многіе солдаты бѣгали съ обнаженными тесаками, провозглашая Государыню царствующею Императрицею», но онъ, «не обративъ на то вниманія, поѣхалъ доставить фейерверкъ въ Петергофъ» [1]).

Теперь всѣ сомнѣнія исчезли, всѣ надежды, что «авось все уладится» разомъ улетучились. Нервы дамъ не выдержали—слышавшіяся и прежде негромкія всхлипыванья перешли въ открытыя рыданія, въ общій вой. По счастью, положеніе было слишкомъ серьезно, чтобъ обращать вниманіе на дамскіе нервы, и теперь былъ принятъ, наконецъ, рядъ мѣръ, свидѣтельствовавшихъ, что не всѣ совѣтники Петра III потеряли головы.

Тотчасъ же, въ 3 часа дня, адъютанты, ординарцы и гусары были посланы по дорогамъ, идущимъ въ Петербургъ, на развѣдки. Флигель-адъютантъ Рейзеръ былъ посланъ въ Горѣлый Кабачекъ: онъ долженъ былъ отвезти туда семь голштинскихъ рекрутъ и оставить ихъ тамъ, на заставѣ, приказавъ имъ никого не пропускать ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга [2]); полковникъ Нееловъ былъ

---

[1]) Штелинъ, 286.

[2]) Рейзеръ былъ схваченъ, привезенъ въ Петербургъ, допрошенъ сенатомъ и въ допросѣ показалъ: «Сего числа пополудни въ три часа посланъ онъ ісъ Петергофа въ Горелый Кабачокъ съ вербованными въ голштинскую армію рекрутами семью человѣки съ такимъ приказомъ, чтобъ ихъ, туда отведя, оставить тамъ на заставе, съ тѣмъ чтобъ, вопервыхъ, развѣдать не проезжалъ ли какой куріеръ, а потомъ темъ рекрутамъ приказать, чтобъ чрезъ то место ни кого какъ въ Петербурхъ такъ і ісъ Петербурха непропускать, а тотчасъ репортовать въ Петергофъ, есть либъ кто пріехалъ; но токмо онъ сего не исполнилъ по случаю такому, какъ онъ не доехавъ до того кабачка напримеръ за версту увиделъ маширующей воронежскій полкъ, то спросилъ куда онъ машируетъ, напротивъ чего і ево Резера спросили отъ кого онъ идетъ и куда, і онъ Резеръ сказалъ, что посланъ ісъ Петергофа отъ Государя, і коль скоро онъ сие выговорилъ, то его офицеры того полку схватя арестовали і какъ его такъ і показанныхъ рекрутъ привезли подъ карауломъ въ Петербурхъ». (Архивъ Сената, Секретн. дѣла № 700, л. 1-й). Беранже, въ депешѣ отъ 13 іюля, разсказываетъ, что полковникъ воронежскаго полка Олсуфьевъ совершенно случайно прибылъ въ Петербургъ 28-го іюня и тотчасъ же присягнулъ Императрицѣ; ему предложили ѣхать немедленно въ полкъ, который шелъ, по приказу Императора, въ Ораніенбаумъ, склонить полкъ на сторону Екатерины и привести

отправленъ въ Кронштадтъ, чтобъ собрать тамъ команду въ 3.000 человѣкъ и тотчасъ же отправить ее на ботахъ и шлюпкахъ въ Петергофъ [1]); адъютантъ ингерманландскаго полка Костомаровъ, по приказу своего шефа Мельгунова и М. Л. Измайлова, поѣхалъ въ Петербургъ, съ объясненіемъ полковникамъ астраханскаго и ингерманландскаго полковъ, чтобъ они немедленно привели свои полки въ Ораніенбаумъ [2]). Въ это время неизвѣстно откуда прошелъ слухъ, что во главѣ «петербургскаго возмущенія» находится гетманъ гр. К. Г. Разумовскій—Императоръ приказалъ привести изъ Гостилицъ его брата, кн. А. Г. Разумовскаго [3]).

Такая дѣятельность въ теченіе получаса утомила Петра III. Онъ отправился пройтись въ нижній садъ, къ каналу. Тамъ Императоръ «продолжаетъ толковать и разсуждать съ гр. Р. Л. Воронцовымъ, Мельгуновымъ, Гудовичемъ, Измайловымъ, Волковымъ, Л. А. Нарышкинымъ. Прочіе бродятъ вокругъ или сидятъ на рѣшеткѣ, а иногда подходятъ для сообщенія своихъ мыслей о томъ, что слѣдовало бы предпринять. Значительное большинство того мнѣнія, что прежде всего необходимо поставить въ безопасность особу Императора и для этого ѣхать въ Кронштадтъ. Самъ Императоръ склоняется къ тому же, но хочетъ отплыть въ Кронштадтъ не прежде, какъ по полученіи ближайшаго извѣстія о положеніи дѣла въ Петербургѣ» [4]). Фельдмаршалъ Минихъ «предлагаетъ Государю ѣхать, съ небольшою свитою изъ нѣсколькихъ знатнѣйшихъ особъ, прямо въ Петербургъ, явиться тамъ передъ народомъ и гвардіею, указать имъ свое происхожденіе и право, спросить о причинѣ ихъ неудовольствія и обѣщать всякое удовлетвореніе. Можно

въ Петербургъ. Немного спустя послѣ Олсуфьева, прибылъ въ воронежскій полкъ флигель-адъютантъ Рейзеръ съ приказаніемъ полку идти въ Петергофъ. Рейзера арестовали, полкъ двинули въ Петербургъ (Париж. Архивъ Russie, vol. 69, № 3). Helbig, Biographie, II, 116.

[1]) Письмо Девьера, въ «Осмнадц. Вѣкѣ», II, 636.

[2]) По порученію Сената маіоръ кн. Черкасской допросилъ Костомарова, который показалъ: «какъ ево Мельгуновъ і Ізмаиловъ посылали изъ Раніэнбома (объявляя імянной імператора указъ) въ Петербурхъ, то приказывали они ему, чтобъ онъ въ ихнихъ полкахъ сказалъ полковникамъ, дабы они съ полками своими слѣдовали въ Раніэнбомъ». Архивъ Сената, Секретн. дѣла 1762, № 700, л. 4-й; Will. 37; Saldern, 87; Rulhiere, 115.

[3]) Штелинъ 287; Helbig, Biographie, 135.

[4]) Штелинъ, 288.

быть увѣрену, говоритъ онъ, что личное присутствіе государя сильно подѣйствуетъ на народъ и дастъ дѣлу благопріятный оборотъ, подобно тому, какъ внезапное появленіе Петра Великаго неоднократно предотвращало такія же опасности». Храбрый Минихъ, облагодѣтельствованный Императоромъ, очевидно, не сознавалъ, что Петру III не по плечу примѣры Петра I; къ тому же его любимцы, Гудовичъ и Мельгуновъ, стали оспаривать такой совѣтъ, справедливо «находя, что исполненіе его будетъ слишкомъ опасно для лица монарха». Пертъ III прекратилъ споръ, заявивъ, что «онъ не довѣряетъ Императрицѣ, коя могла бы допустить оскорбить его» [1]).

Въ совѣтахъ, кажется, недостатка не было [2]). Пруссакъ Гольцъ находилъ наиболѣе надежнымъ бѣжать въ Нарву, т.-е. къ войскамъ, идущимъ въ дѣйствующую армію [3]). Совѣтъ этотъ многіе одобряли и потому уже, что при исполненіи можно было воспользоваться лошадьми, заготовленными по нарвскому тракту для принца Георга-Людвига Голштинскаго. Иные совѣтовали не останавливаться въ Нарвѣ, а бѣжать прямо въ Голштинію, въ отчину Петра; другіе предлагали искать спасенія на Украйнѣ, даже въ Финляндіи [4]).

Нерѣшительный, неуважающій чужого мнѣнія, нетерпящій совѣтовъ, неспособный сосредоточить мысль на одномъ вопросѣ, даже когда этотъ вопросъ касается личной его безопасности, Петръ III все медлитъ, уклоняется, и, какъ бы въ оправданіе этой нерѣшительности, отдаетъ различныя приказанія, ни для кого уже необязательныя, и подписываетъ указы, которыхъ никто не будетъ читать. Гр. Р. Л. Воронцовъ и Волковъ диктуютъ и пишутъ именные указы, и государь подписываетъ ихъ на поручнѣ канальнаго шлюза;

---

1) Депеша Беранже, отъ 13 іюля, въ Париж. Архивѣ, Russie, vol. 69 № 3; Schumacher, 44; Marche, 233; Laveaux, 267; Saldern, 86; Helbig, Biographie, II, 137. Одинъ только Штелинъ, подробно разсказывая этотъ эпизодъ, не называетъ гр. Миниха (289).

2) Man hat bald diesen jenen Vorschlag zur Vertheidigung oder Rettung gethan, въ депешѣ Прассе отъ 11 іюля (Дрезден. Архивъ), vol. VII, 56).

3) Monsieur Goltze luy conseilla de s'enfuir à Narva, въ депешѣ Беранже, отъ 13 іюля (Париж. Архивъ, Russie vol. 69, № 3); гр. Мерси приписываетъ Волкову этотъ совѣтъ бѣжать въ Нарву (Сборникъ, XVIII, 472).

4) Denkwürdigkeiten, 93; Gazette de Bera 1762, № 69; Banfft, 291; Nachrichten, II; Helbig, Biographie, II, 135.

четыре писца продолжаютъ писать на другомъ поручнѣ, подъ руководствомъ Волкова» [1]). Въ силу одного изъ такихъ приказовъ генералъ Девьеръ, въ сопровожденіи флигель-адъютанта кн. И. Барятинскаго, «ѣдетъ въ Кронштадтъ, чтобъ удержать за государемъ эту крѣпость».

Этимъ указомъ отмѣнялся предыдущій: полковнику Неелову велѣно было препроводить изъ Кронштадта въ Петербургъ 3.000 солдатъ съ провіантомъ и патронами на пять дней; теперь генералъ Девьеръ долженъ былъ пріостановить отправку солдатъ и, напротивъ, приготовить все къ пріему Императора [2]). Девьеръ выѣхалъ изъ Петергофа въ 4 часа дня, часомъ позже Неелова, и въ началѣ 6-го былъ уже у кронштадтскаго коменданта Нуммерса. Въ Кронштадтѣ ничего не знали о переворотѣ—весь этотъ день никто въ Кронштадтъ не пріѣзжалъ ни изъ Петербурга, ни изъ Петергофа или Ораніенбаума; только отъ Неелова слышалъ Нуммерсъ «новость дня», которая самому Неелову была мало извѣстна. Приказаніе, привезенное Девьеромъ, тоже ничего не разъяснило—оно только отмѣняло приказъ, привезенный Нееловымъ.

Въ крѣпости и на судахъ все оставалось попрежнему, и Кронштадтъ, какъ всегда, готовъ былъ встрѣтить Императора. Уже кн. И. Барятинскій хотѣлъ возвратиться въ Петергофъ, какъ, въ исходѣ 7-го часа, въ Кронштадтъ прибылъ изъ Петербурга корабельный секретарь Ѳедоръ Кадниковъ съ запечатаннымъ ордеромъ адмирала И. Л. Талызина на имя коменданта Нуммерса. Въ ордерѣ было приказано никого не впускать въ Кронштадтъ и никого не выпускать изъ Кронштадта [3]). Кадниковъ не зналъ содержанія привезеннаго имъ ордера; Нуммерсъ скрылъ самый ордеръ отъ Девьера. Но скрыть появленіе Кадникова въ Кронштадтѣ было невозможно. Девьеръ и кн. И. Барятинскій стали допрашивать корабельнаго секретаря, который на все отзывался полнымъ невѣдѣніемъ. Къ 8-ми часамъ былъ составленъ докладъ Императору, въ которомъ Девьеръ извѣщалъ Петра III, что въ Кронштадтѣ все готово для его

---

1) Schumacher, 38; Штелинъ. 289; Helbig, Biographie, II, 136.

2) Письмо Девьера въ Восемнадц. Вѣкѣ, 11, 637; Schumacher, 39; Rulhiere 118; Сборникъ, XVIII, 472.

3) Архивъ Сената, Копіи высоч. повел., т. 176, л. 4; Schumacher, 40; Asseburg, 320.

пріема и что государь найдетъ въ кронштадтской крѣпости надежную защиту. Этотъ докладъ повезъ кн. И. Барятинскій; съ нимъ былъ отправленъ въ Петергофъ и арестованный Кадниковъ.

Теперь для коменданта Нуммерса все стало ясно. Девьеръ—генералъ, къ тому же ненавистнаго всѣмъ голштинскаго отряда—не начальникъ Нуммерса; непосредственный его начальникъ, адмиралъ Талызинъ именемъ Императрицы Екатерины II, которой онъ только что присягалъ, приказываетъ Нуммерсу разобщить Кронштадтъ отъ всякаго сношенія. Нуммерсъ, правда, выпустилъ кн. И. Барятинскаго, повинуясь приказу Петра III; но онъ не задумывается исполнить и приказъ Екатерины II, когда воочію увѣрится въ ея воцареніи, котораго онъ давно желаетъ.

Былъ 10-ый часъ вечера, когда кн. Барятинскій прибылъ въ Петергофъ съ докладомъ Девьера. Князь нашелъ большія перемѣны и въ Императорѣ, и въ Петергофѣ.

Петръ III сталъ еще раздражительнѣе, непокойнѣе. Уже съ 5-ти часовъ «государь досадуетъ, что большая часть посланныхъ имъ лицъ не возвращается назадъ, и выражаетъ нетерпѣливое желаніе узнать что-нибудь болѣе достовѣрное о положеніи дѣлъ». Свита его значительно порѣдѣла: адъютанты и ординарцы всѣ разосланы, Гольцъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, нѣкоторые ушли съ дамами во дворецъ, иные отправились гулять, пользуясь хорошей погодой; изъ дамъ только фаворитка «не хочетъ оставить государя и, въ тревожномъ состояніи духа, все вертится около него» [1]). Въ 7-мъ часу Императоръ пообѣдалъ на-скоро, по-лагерному: «на деревянную скамью у канала ставятъ блюда жаркаго и буттербродовъ съ нѣсколькими бутылками бургонскаго и шампанскаго». Говорили, будто Петръ III именно теперь особенно много пилъ [2]). Вслѣдъ за этимъ, часовъ въ 7-мь вечера, Императоръ послалъ въ Ораніенбаумъ приказъ Голштинскимъ войскамъ «прибыть въ Петергофъ и окопаться въ звѣринцѣ, чтобъ выдержать первый натискъ». Черезъ часъ, генералъ фонъ-Лэвенъ привелъ голштинцевъ и расположилъ ихъ въ звѣринцѣ; но для всѣхъ стало ясно, что

[1]) Dames und Cavaliers strecken sich neben einander auf Stühle. Der General Schild gehet im Garten spatziren, weil es angenehm Wetter ist. Nachrichten, 12; Штелинъ, 289.

[2]) Депеша Беранже, отъ 13 іюля, въ Париж. Архивѣ, Russie, vol. 69, № 3.

голштинцы не выдержатъ натиска: «у артиллеріи очень мало ядеръ, а картечи и совсѣмъ нѣтъ; добавляютъ ядеръ отъ егермейстерской части, но калибръ не соотвѣтствуетъ орудіямъ».

Къ 8-ми часамъ вечера «безпокойство государя по случаю медленнаго возвращенія гонцовъ, отправленныхъ имъ въ разные концы, все болѣе и болѣе возрастаетъ». Это и понятно: трое изъ «гонцовъ» имѣли порученія, отъ которыхъ зависитъ, по мнѣнію Петра III, его спасеніе. Если его приказанія будутъ въ точности исполнены, какъ и подобаетъ приказаніямъ самодержца, то Петръ не сомнѣвается, онъ сломитъ сопротивленіе коварной Императрицы и, во всякомъ случаѣ, спасетъ себя и ему близкихъ. Что же это за приказанія?

Одно изъ этихъ приказаній свидѣтельствуетъ, что совѣтъ прусскаго посланника Гольца, бѣжать въ Нарву, понравился Императору и Петръ III принималъ мѣры къ его осуществленію. Адъютантъ ингерманландскаго полка Костомаровъ, посланный въ Петербургъ съ приказомъ, чтобы астраханскій и ингерманландскій полки спѣшили въ Петергофъ, повезъ съ собою еще и слѣдующій приказъ [1]).

«Приказъ въ ямскія слободы».

«Получа сей приказъ выбрать пятьдесятъ лошадей самыхъ хорошихъ прислать сюда въ Петергофъ съ выборнымъ и явитца на конюшни, а ежели потребуетъ адъютантъ Костомаровъ пару лошадей то дать ему безъ всякой отговорки.

«Ларіонъ Овцынъ».

Генералъ-поручикъ Ларіонъ Яковлевичъ Овцынъ былъ главноприсутствующимъ въ ямской канцеляріи, т.-е. завѣдывалъ почтовою гоньбою въ имперіи: если онъ признавалъ необходимымъ пятьдесятъ добрыхъ коней, значитъ безъ этого условія «спасеніе бѣгствомъ» представляется немыслимымъ; а между тѣмъ ни лошадей, ни отвѣта отъ Костомарова нѣтъ. Вотъ что раздражало Петра III.

Къ тому же, надежда на стягиваніе къ Петергофу полевыхъ полковъ, хотя бы ближайшихъ, только что исчезла. Въ девятомъ часу вечера были получены крайне непріятныя извѣстія о миссіи, порученной флигель-атъютанту Рей-

[1]) Архивъ Сената, Секретн. дѣла, № 7000, л. 3.

зеру, который былъ посланъ по дорогѣ къ Красному Селу, въ Горѣлый Кабачокъ, съ шестью голштинскими гусарами, чтобъ устроить у заставы наблюдательный пикетъ и приказать воронежскому полку идти ускореннымъ маршемъ къ Петергофу. Съ этимъ флигель-адъютантомъ Рейзеромъ случилось вотъ что:

«Не доехавъ до того кабачка напримеръ за версту», Рейзеръ увидѣлъ «маршируюшій воронежскій полкъ». Солдаты, офицеры, всѣ были въ возбужденномъ состояніи: только что пріѣхалъ изъ Петербурга полковникъ Олсуфьевъ и сообщилъ радостную вѣсть: гвардія присягнула Императрицѣ Екатеринѣ Второй. Воронежцы привѣтствовали это извѣстіе громкимъ ура и полкъ спѣшилъ въ Петербургъ. Когда воронежскій полкъ узналъ, что флигель-адъютантъ Рейзеръ посланъ изъ Петергофа «отъ Государя», то офицеры схватили его, арестовали и какъ его, такъ и голштинскихъ рекрутъ-гусаръ привезли подъ карауломъ въ Петербургъ [1]).

Извѣстіе объ арестованіи флигель-адъютанта Рейзера пришло въ Петергофъ въ 9-мъ часу и привело Петра III въ крайнее раздраженіе. Даже «прогулка по берегу канала» не принесла успокоенія. Императоръ выслушалъ докладъ о расположеніи голштинской кавалеріи, которая была разсыпана по опушкѣ всего петергофскаго парка и находилась подъ командою голштинца фонъ-Шильдъ; кое-гдѣ были выставлены пушки съ прусскими канонирами, при чемъ отъ Императора скрыли, конечно, что изъ пушекъ нельзя стрѣлять, за неимѣніемъ ядеръ [2]). Фельдмаршалъ Минихъ и принцъ Гольштейнъ-Бекъ указывали Петру III на «ужасныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ такого, въ сущности мнимаго сопротивленія, если бы, по неосмотрительности, была выпущена противъ ожидаемой гвардіи хотя бы одна пуля» [3]), но вполнѣ безуспѣшно. Такъ какъ лошадей для бѣгства нѣтъ и русскіе полки передаются на сторону Екатерины, Петръ возлагаетъ всѣ свои надежды только на голштинскія войска.

Въ это-то именно время, въ 10-мъ часу вечера, «является изъ Кронштадта князь И. Барятинскій» съ докладомъ

---

[1]) Архивъ Сената, Секретн. дѣла 1762 г., № 700, л. I; депеша Беранже отъ 13 іюля, въ Парижъ. Архивѣ, Russie, vol. 69, № 3; Штелинъ, 290; Laveaux, 263, 275; Helbig, Biographie, II, 103.

[2]) Schumacher, 40.

[3]) Штелинъ, 290.

гр. Девьера. Это былъ первый и послѣдній «гонецъ», возвратившійся къ Императору; докладъ гр. Девьера — единственное доброе извѣстіе, полученное Петромъ III во весь злополучный для него канунъ своего тезоименитства. У всѣхъ появляются радужныя надежды, всѣ обступаютъ Императора — Мельгуновъ, Гудовичъ, Измайловъ, Нарышкинъ читаютъ докладъ гр. Девьера. Всѣ сомнѣнія исчезли: въ Кронштадтѣ спасеніе—въ Кронштадтъ. «Рѣшаются тотчасъ отплыть моремъ».

Тотчасъ нельзя: нужно время, чтобы перенести на яхту кухню и погребъ, приготовить суда къ плаванію, привести шлюпки для переѣзда на галеру и яхту. Садясь въ шлюпку, Императоръ «отдаетъ генералу Шильду приказаніе отослать голштинскія войска обратно въ Ораніенбаумъ и оставаться тамъ спокойными» [1]). Только въ исходѣ 11-го часа ночи «галера выходитъ съ рейда и вмѣстѣ съ яхтою направляется къ Кронштадту, при довольно хорошемъ попутномъ вѣтрѣ» [2]).

---

1) Will, 17; Штелинъ, 290; Nachrichten, 13.

2) На галерѣ находились: Петръ III; г-жа Помпадуръ (гр. Е. Р. Воронцова); супруга канцлера гр. А. К. Воронцова и ея дочь гр. Строгонова; супруга гетмана графиня Разумовская; супруга фельдмаршала кн. Трубецкая; принцесса Голштейнъ-Бекъ съ ея гофмейстериною, вдовою шталмейстера, кн. Голицыною, и съ фрейлиною Мирабель; невѣстка принца Голштейнъ-Бекъ принцесса Карлъ и ея компаньонка Дервицъ; супруга оберъгофмейстера М. П. Нарышкина; супруга шталмейстера М. О. Нарышкина; супруга камергера кн. Гагарина съ дочерью, графиня Брюсъ; супруга фельдмаршала графа А. Шувалова; принцъ Голштейнъ-Бекъ; фельдмаршалъ гр. Минихъ; оберъ-гофмаршалъ Л. А. Нарышкинъ; шталмейстеръ А. А. Нарышкинъ; генералъ-лейтенантъ Мельгуновъ; сенаторъ г. Р. Л. Воронцовъ; генералъ-адъютантъ кн. И. Ѳ. Голицынъ; генералъ-адъютантъ Гудовичъ; генералъ-маіоръ Измайловъ; голштинскій оберъ-егермейстеръ Бредаль; тайный секретарь Волковъ; вице-канцлеръ кн. Голицынъ; начальникъ канцеляріи отъ строеній И. И. Бецкій—всего 29 человѣкъ, прибывшихъ изъ Ораніенбаума вмѣстѣ съ Петромъ III. На яхтѣ: оберъ-егермейстеръ С. К. Нарышкинъ; гофмаршалъ М. М. Измайловъ; камергеры: кн. Гагаринъ, гр. Головинъ, кн. Соловой; тайный кабинетскій совѣтникъ Олсуфьева; статскій совѣтникъ Штелинъ; голштинскій тайный совѣтникъ фонъ-Руморъ; прусскій посланникъ баронъ Гольцъ и секретарь прусскаго посольства Дистель; депутатъ эстляндскаго дворянства гр. Штейнбокъ, всѣ эти 11 лицъ прибыли съ Императоромъ изъ Ораніенбаума; сверхъ того на яхтѣ находились: вызванный изъ Гостилицъ гр. А. Г. Разумовскій и дежурные при Императрицѣ въ Петергофѣ: камергеры гр. Ягужинскій, А. И. Нарышкинъ и кн. М. М. Голицынъ; камеръ-юнкеры Матюшкинъ и кн. Н. М. Голицынъ, гофъ-

Въ девятомъ часу, вскорѣ по отплытіи кн. И. Барятинскаго, прибылъ въ Кронштадтъ вице-адмиралъ И. Л. Талызинъ и предъявилъ коменданту Нуммерсу собственноручный указъ Екатерины: «что адмиралъ Талызинъ прикажетъ, то исполнить». Нуммерсъ, предупрежденный уже Кадниковымъ, охотно повиновался. Онъ тотчасъ же сообщилъ Талызину о графѣ Девьерѣ и, съ общаго совѣта, было рѣшено привесть немедленно къ присягѣ какъ гарнизонъ крѣпости, такъ сухопутныя и морскія команды, при чемъ, для избѣжанія всякихъ возможныхъ случайностей, Нуммерсъ «настоятельно» просилъ гр. Девьера не выходить изъ комендантскихъ покоевъ, пока не будутъ окончены всѣ формальности.

Несмотря на позднее время, весь крѣпостной гарнизонъ былъ собранъ на комендантскомъ плацу и объявленіе о вступленіи на престолъ Екатерины II было привѣтствовано радостными криками и громкимъ ура. Вѣсть о воцареніи Екатерины быстро распространилась по всему острову и, менѣе чѣмъ въ одинъ часъ, не только весь Кронштадтъ, но и команды всѣхъ судовъ присягнули на вѣрность Императрицѣ.

Талызинъ дѣйствовалъ энергично и осторожно. Онъ оградилъ Кронштадтъ со стороны моря, выставивъ вооруженное судно, усилилъ караулы со стороны Петергофа. Онъ сознавалъ, что если Петръ III овладѣетъ Кронштадтомъ, то будетъ «трудно его изъ него выживать»; необходимо, слѣдовательно, во что бы то ни стало не допускать Петра утвердиться въ Кронштадтѣ. Задача не легкая, тѣмъ болѣе, что «людей всемѣрно въ Кронштадтѣ мало обнять такую обширную гавань». Между тѣмъ присутствіе гр. Девьера ясно свидѣтельствовало, что каждую минуту можно ожидать появленія Петра предъ Кронштадтомъ. Талызинъ немедленно принялъ всѣ мѣры, и, желая испытать команду, онъ въ 12-мъ уже часу ночи пробилъ первую тревогу, которая показала, что принятыя имъ мѣры вполнѣ дѣйствительны. Этими внезапными тревогами онъ будилъ людей, держалъ ихъ всегда на-готовѣ, вселялъ въ каждаго солдата и матроса ту возбужденность, которая, какъ оказалось, сослужила свою важную службу.

медикъ Унгебауеръ—всего на яхтѣ было 18 человѣкъ, не считая придворной прислуги, помѣщавшейся въ трюмѣ, гдѣ находились кухня и погребъ. Штелинъ, 294; Nachrichten, 9.

Ночью въ 1-мъ часу, петергофская флотилія подошла къ кронштадской гавани. Гавань заперта бономъ. Императорская галера стала на якорь; яхта остановилась «насупротивъ галеры, по лѣвую руку отъ входа въ гавань, шагахъ въ 20 или 30 отъ стѣнки». Шлюпка, спущенная съ галеры, подплываетъ ко входу въ гавань и требуетъ, чтобы отдали бонъ. Караульный на бастіонѣ, мичмамъ Михаилъ Кожуховъ, «отказываетъ въ томъ съ угрозами». Петръ III могъ видѣть въ этомъ только точное исполненіе его приказанія гр. Девьеру—никого не пускать въ Кронштадтъ; судя по донесенію гр. Девьера и по увѣреніямъ кн. И. Барятинскаго, что въ Кронштадтѣ все готово къ пріему Императора, къ его защитѣ, Петру III стоило только назвать себя и бонъ будетъ отданъ. Петръ кричитъ караульному, что «онъ самъ тутъ и чтобъ его впустили»—караульный отвѣчаетъ, что не приказано никого впускать; онъ называетъ себя Императоромъ Петромъ III, показываетъ свою андреевскую ленту — караульный дерзко кричитъ, что теперь нѣтъ уже Петра III, что есть только Екатерина II, и что если галера и яхта не удалятся, то въ нихъ «будутъ стрѣлять» [1]).

Въ Кронштадтѣ бьютъ тревогу — медлить нельзя! Яхта перерубаетъ якорный канатъ, распускаетъ паруса и пускается въ ходъ, поворачивая подъ вѣтеръ; галера на веслахъ опережаетъ ее, направляясь къ Ораніенбауму. «Государь кричитъ, чтобы яхта слѣдовала за галерою». При поворотѣ «съ яхты замѣчаютъ, что между кронштадскимъ валомъ и Кронштадтомъ расположилось плоскодонное судно съ многолюднымъ экипажемъ, чтобы загородить свободный проходъ въ открытое море.

Петергофская флотилія разбилась: галера ушла въ Ораніенбаумъ, яхта—въ Петергофъ. Отдѣляясь отъ Императорской галеры и не имѣя точнаго назначенія, яхта лавировала нѣкоторое время между Кронштадтомъ и Петергофомъ, приняла было галеру контръ-адмирала Милославскаго за

---

1) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, отъ 6-го іюля, адмиралъ Талызинъ ходатайствовалъ о награжденіи «двойнымъ чиномъ и годовымъ жалованьемъ мичмана Михаила Кожухова, который поставленъ былъ на бастіонѣ на караулъ, къ которому мѣсту бывшій Императоръ пріѣзжалъ и онъ его по многому прошенію въ гавань не пустилъ». Екатерина собственноручно написала: *два чина, два года жалованья.* (Архивъ Сената. Ар. кн. Воронцова т. XXV, 423 стр.).

императорскую, пошла за нею, но, видя, что эта галера держитъ курсъ на Петербургъ [1]), повернула назадъ. Въ 4-мъ часу ночи «яхта опять подходила къ Кронштадту», но, встрѣтивъ попрежнему недружелюбный пріемъ, возвратилась, наконецъ, на петергофскій рейдъ. Императорская галера шла прямо къ Ораніенбауму.

Кронштадскій эпизодъ, въ его рѣзкой, грубой дѣйствительности, способенъ былъ смутить и не такого слабаго человѣка, какъ Петръ III; на всѣхъ пассажировъ галеры онъ произвелъ удручающее впечатлѣніе. Императоръ, видимо, изнемогалъ. Онъ спустился въ каюту, слабый и разбитый, молча, прилегъ на первую скамью и впалъ въ забытье, родъ обморока. Фаворитка и графиня Брюсъ сошли въ каюту; графъ Минихъ и Гудовичъ остались на палубѣ. Ни для кого уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія—партія Петра III проиграна.

[1]) Архивъ Сената.

Въ Ропшѣ.

Глава изъ сочиненія Бильбасова.

Петръ Ѳедоровичъ отъ рожденія былъ слабаго болѣзненнаго сложенія; дряблый тѣломъ и духомъ, онъ жилъ впечатлѣніями минуты, то безгранично самоувѣренный, то безконечно растерянный. Впечатлѣнія, пережитыя имъ 28-го іюня, были ему не по плечу; слабый организмъ не выдержалъ бурныхъ толчковъ и Петръ нѣсколько разъ впадалъ въ обморокъ. Ударъ 29 іюня сломилъ его окончательно. Всѣ 35 лѣтъ, прожитыя имъ на свѣтѣ, онъ сознавалъ себя то герцогомъ, то великимъ княземъ, то императоромъ; ему не легко было освоиться съ новою ролью не только частнаго человѣка, но арестанта, окруженнаго стражею. Онъ то ловитъ руку Панина [1]), своего подданнаго, чтобы поцѣловать, то возмущается, что его прихоти исполняются не такъ быстро, какъ онъ привыкъ.

Нужно быть однако справедливымъ даже и къ «бывшему Императору». Событія послѣднихъ двухъ дней могли надломить не такую слабую натуру. Нужна сильная, почти не человѣческая энергія, нужна могучая сила характера, чтобы выдержать рядъ сильныхъ потрясеній, поражавшихъ съ необыкновенною послѣдовательностью, жестокостью и быстротою. Менѣе чѣмъ въ 24 часа Петръ изъ самодержавнаго Императора обратился въ безправнаго узника. Въ пят-

---

[1]) См. его воспоминанія. *Русскій архивъ*.

ницу вечеромъ его слово было закономъ для всей имперіи; въ субботу утромъ грубый солдатъ повелѣвалъ въ Ропшѣ каждымъ его движеніемъ.

И дворцы, какъ домашнія животныя, могутъ быть не ко двору. Съ ними связываются иногда такія воспоминанія, которыя кладутъ на нихъ печать отверженія. Такова Ропша, которую Императоръ Павелъ I назвалъ «Кровавымъ полемъ».

Ропшинскій дворецъ былъ построенъ Петромъ Великимъ и подаренъ имъ своему любимцу князю Ѳ. Ю. Рамодановскому, этому «чорту», этому кровожадному «его величеству». Что, кромѣ ужаса, могъ поселить этотъ «чортъ» тайной канцеляріи въ прелестныхъ окрестностяхъ и въ самомъ дворцѣ? Послѣдній князь Рамодановскій далъ Ропшу въ приданое за своей дочерью, знаменитою Екатериною Ивановною, которая вышла замужъ за гр. М. Г. Головкина,— Елизавета Петровна сослала Головкина въ Сибирь, а Ропшу отписала въ казну. Каменный дворецъ былъ увеличенъ, обстроенъ службами. Вокругъ дворца былъ обширный садъ, въ саду большой прудъ, въ которомъ Елизавета Петровна любила ловить рыбу. Скоро, однако, Ропша надоѣла, и Императрица подарила ее великому князю Петру Ѳедоровичу. Великій князь полюбилъ ропшинскій дворецъ, но охотнѣе жилъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ была своя «игрушечная крѣпость», между тѣмъ какъ въ Ропшѣ былъ только небольшой залъ. Петръ, будучи Императоромъ, ни разу не былъ въ Ропшѣ и, только ставъ «бывшимъ Императоромъ», провелъ въ своемъ ропшинскомъ дворцѣ одну недѣлю.

Въ 8 часовъ вечера, 29 іюня, «арестантская карета» прибыла въ Ропшу. Петръ былъ помѣщенъ въ спальнѣ ропшинскаго дворца, довольно обширной комнатѣ, въ которой стояла кровать подъ альковомъ. Онъ былъ оставленъ одинъ; у дверей стоялъ часовой. Все зданіе дворца было оцѣплено гвардейскимъ карауломъ. Петръ провелъ ночь дурно, и поутру жаловался дежурному офицеру и выражалъ желаніе имѣть свою любимую кровать, оставшуюся въ Ораніенбаумѣ. Въ тотъ же день, 30-го іюня, ораніенбаумская кровать была перевезена въ Ропшу.

Въ первые дни, малѣйшее желаніе Петра исполнялось и онъ ни въ чемъ не нуждался. «Онъ имѣлъ все, что хотѣлъ, кромѣ свободы»—пишетъ Екатерина и пишетъ правду. Въ воскресенье, 30-го іюня, въ первый день своего ареста,

Петръ пожелалъ, чтобы ему дали его скрипку, собаку, чтобъ ему прислали его врача, его прежнюю прислугу. Какъ только Императрицѣ дали знать объ этомъ, она, 30-го же іюня, написала В. И. Суворову: «господинъ генералъ Суворовъ. По полученіи сего извольте прислать, отыскавъ въ Ораніенбаумѣ или между плѣнными, лѣкаря Лидерса, да арапа Нарциса, да оберъ-камердинера Тимлера; да велите имъ брать съ собою скрипицу бывшаго Государя, его мопсика собаку; да на тамошнія конюшни кареты и лошадей отправьте ихъ сюда скорѣе. Также извольте изъ голштинскихъ офицеровъ подполковника Кіиль, который на моей кормилицѣ женатъ, отпустить въ его домъ въ Ораніенбаумъ безъ караула и безъ присмотра за нимъ для того, что онъ не мало не подозрительной. *Екатерина*».

Караулъ, составленный изъ гвардейскихъ гренадеръ, безсмѣнно находился въ ропшинскомъ дворцѣ для надзора за арестантомъ; но дежурный офицеръ смѣнялся каждый день. Офицеры эти, безусловно гвардейскіе, пріѣзжали изъ Петербурга и, болѣе чѣмъ вѣроятно, считали подобное дежурство крайне для себя непріятнымъ: въ Петербургѣ кипитъ жизнь, въ Петербургѣ на виду у Императрицы, а въ Ропшѣ, кромѣ скуки, еще тяжелая забота, чтобъ охранить Петра отъ ярости гвардейскихъ солдатъ, ненавидящихъ бывшаго Императора. Окна въ комнатѣ завѣшаны зелеными гардинами, чтобъ ничего не было видно; пускать Петра изъ комнаты, не только въ садъ, даже на террасу или въ другую комнату запрещено. Отдѣленный отъ всего міра, «узникъ», больной и раздражительный, безпрестанно вызывалъ замѣчанія дежурнаго офицера, дѣлалъ дежурство пыткой. Можно повѣрить, что офицеры относились къ «императорскому арестанту» грубо, если не жестоко: по нравамъ того времени это, вообще, было весьма вѣроятно, особенно же при данномъ положеніи дежурнаго офицера. Исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ, по отзывамъ современниковъ, только Алексѣй Орловъ.

Въ понедѣльникъ, 1-го іюля, играя въ карты съ бывшимъ Императоромъ, Орловъ, узнавъ, что у Петра нѣтъ денегъ, предложилъ ему нѣсколько червонцевъ, при чемъ обѣщалъ, что ему будетъ доставлена такая сумма, какую онъ пожелаетъ.

Такъ какъ главный надзоръ за Петромъ въ Ропшѣ былъ порученъ Алексѣю Орлову, то, конечно, только Орловъ и

могъ разрѣшить ту или другую льготу въ содержаніи узника; вотъ почему, вѣроятно, Петръ и обратился именно къ Орлову съ просьбою дать ему нѣсколько денегъ. Но и Орловъ не могъ преступить точныхъ приказаній, полученныхъ имъ относительно содержанія бывшаго Императора. Этимъ, вѣроятно, объясняется слѣдующій разсказъ о прогулкѣ: Петръ просилъ позволенія прогуляться въ саду, желая подышать свѣжимъ воздухомъ; Орловъ, только что увѣрявшій Петра, что малѣйшее его желаніе будетъ исполнено, изъявилъ согласіе и на прогулку, но, отворивъ двери, онъ мигнулъ часовымъ, тѣ скрестили ружья и преградили узнику выходъ изъ комнаты [1]).

Чѣмъ же разрѣшатся эти узы? Какая судьба ожидаетъ бывшаго Императора?

Этотъ вопросъ поднимался уже два раза; два уже раза обсуждался онъ, если не Екатериною, то въ ея присутствіи, по крайней мѣрѣ, съ ея вѣдома—до переворота, когда еще не опредѣлилась ни конечная его цѣль, ни общій ходъ, и во время самаго переворота, въ сутолокѣ военнаго мятежа, среди опьяняющаго успѣха.

До переворота вопросъ обсуждался спокойнѣе. Къ будущей судьбѣ Петра относились тогда почти безразлично—никого не интересовалъ вопросъ, что съ нимъ будетъ; всѣ думы и заботы сосредоточивались только на томъ, чтобъ онъ не былъ Императоромъ. Въ немедленномъ рѣшеніи вопроса не настояло и надобности: въ случаѣ нужды, можно было руководствоваться бывшимъ примѣромъ, дѣйствовать по шаблону—Иванъ Антоновичъ былъ, вѣдь, заключенъ въ Шлюссельбургѣ; отчего же съ Петромъ Ѳедоровичемъ не можетъ быть поступлено такъ же? Заточеніе въ крѣпость

---

1) Schumacher, 55. Ни въ дипломатическихъ депешахъ того времени, ни въ запискахъ современниковъ, ни въ иностранныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ этому вопросу, не встрѣчается ни одной черты, которая касалась бы содержанія Петра въ Ропшѣ подъ карауломъ, только секретарь датскаго посольства Шумахеръ разсказывалъ эпизоды, приведенные въ текстѣ. Эти эпизоды очень вѣроятны, возможны, и нѣтъ основанія отвергать ихъ потому только, что другіе не знаютъ ихъ. Шумахеръ жилъ въ Россіи около семи лѣтъ; у него было много знакомыхъ. Онъ могъ слышать эти подробности отъ солдатъ и сержантовъ, бывшихъ въ ропшинскомъ дворцѣ. Ему, какъ датчанину въ душѣ, можно вѣрить въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говорилъ съ чувствомъ сожалѣнія о Петрѣ, который ненавидѣлъ Данію и готовился къ войнѣ съ нею.

ѣдйствительно во всякомъ случаѣ: ребенокъ ли возмужалъ въ темницѣ или взрослый состарѣется въ ней, это безразлично. Тогда же промелькнула и другая мысль, тоже не новая, возникшая уже 20 лѣтъ назадъ, при обсужденіи вопроса о судьбѣ младенца Ивана VI: Петръ III, родомъ изъ Голштиніи, прибывшій въ Россію по желанію Елизаветы Петровны, можетъ, по желанію Екатерины Алексѣевны, быть отправленъ на родину, обратно въ Киль. Его къ тому же, и отправлять незачѣмъ—онъ самъ стремится за границу; собирается въ походъ противъ Даніи. Одно время предполагалось даже пріурочить переворотъ къ тому именно времени, когда Петръ III удалится изъ Петербурга, будетъ

Медаль въ память восшествія на престолъ Екатерины II.

находиться внѣ предѣловъ Россіи. Эта мысль, однако, вскорѣ была оставлена: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, нападать на Императора, когда онъ находится во главѣ войскъ, во всеоружіи своей власти. Войска не любили Петра, но войска не выдадутъ своего полководца, не измѣнятъ своему главнокомандующему. Это предположеніе скрывало только мысль о будущей судьбѣ низвергнутаго съ престола Императора—лишь бы его не было въ Россіи.

Во время переворота, при спѣшномъ обсужденіи вопроса, сами событія указали, прежде всего, наиболѣе необходимое рѣшеніе, прямо противоположное прежнимъ предположеніямъ—нужно не выпустить Петра за границу, нужно

лишить его возможности бѣжать за предѣлы Россіи, слѣдуетъ захватить Петра, какъ носителя титула власти. Всѣмъ теперь стало ясно, какъ день, что и на родинѣ въ Голштиніи, какъ и въ Россіи, Петръ, пока онъ на свободѣ, является укоромъ, даже угрозой. Необходимо, прежде всего овладѣть имъ, лишить его свободы, а потомъ—объ этомъ «потомъ» некогда было думать: надо было спѣшить въ Петергофъ—заточить его, по шаблону въ Шлюссельбургъ.

Послѣ переворота, когда уже Петръ арестованъ, лишенъ свободы, содержится подъ крѣпкимъ карауломъ, вопросъ о его будущей судьбѣ опять подвергается обсужденію.

Теперь явились новыя соображенія, въ силу созданныхъ переворотомъ новыхъ обстоятельствъ. Шаблонъ, указанный Елизаветою Петровною, не выдерживаетъ строгой критики—Шлюссельбургская крѣпость, какъ крѣпость, не имѣетъ значенія; Шлюссельбургъ, какъ государственная тюрьма, представляетъ, конечно, извѣстныя удобства; но какъ мѣстопребываніе бывшихъ самодержцевъ, какъ депо бывшихъ Императоровъ, Шлюссельбургъ никуда не годится и потому уже, что слишкомъ близокъ къ столицѣ. Самодержецъ Петръ на тронѣ, оскорбляющій религію, глумящійся надъ народностью, возбуждаетъ, конечно, общее негодованіе; но тотъ же Петръ въ тюрьмѣ, въ заточеніи, лишенный свободы, становится «несчастнымъ», внушаетъ сожалѣніе, вызываетъ сочувствіе. Всѣхъ удовлетворить нельзя; недовольные всегда были и будутъ; будутъ недовольные и переворотомъ. Въ случаѣ какого-либо броженія, какого-либо движенія, эти недовольные воспользуются близостью Шлюссельбурга и могутъ создать новому правительству большія затрудненія. Мысль о заточеніи въ Шлюссельбургъ была оставлена; 28-го іюня туда ѣдетъ генералъ-маіоръ Савинъ для устройства помѣщенія, въ ночь на 29-е туда же летитъ указъ Императрицы, подписанный въ Красномъ Кабачкѣ [1]); но со

1) *Архивъ Сената*, Секретн. протоколы 1762 г. № 56, л. 125. Когда въ 3 ч. ночи на 29-е іюня, Ѳ. И. Ушаковъ привезъ изъ Краснаго Кабачка и вручилъ сенату «конвертъ съ указами Ея императорскаго величества къ генералу-маэору Савину», то сенатъ, въ виду того, что Савинъ давно уже отправился въ Шлюссельбургъ, приказалъ: «дослать ему съ нарочнымъ сей конвертъ» Указомъ отъ 29-го іюня, изъ Петергофа, Савину, предписывалось вывести Ивана Антоновича изъ Шлюссельбурга въ Кексгольмъ, а въ Шлюссельбургѣ «очистить лучшіе покои»: для этихъ покоевъ, указомъ 2-го іюля, подпоручикъ Плещеевъ повезъ нѣкоторыя вещи (*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 4-ая).

2-го іюля о заточеніи «бывшаго Императора» въ Шлюссельбургъ нѣтъ болѣе и рѣчи.

Самый желанный исходъ заключался бы, конечно, въ естественной смерти бывшаго Императора. Петръ всегда былъ хворый, слабый; пережитыя имъ въ послѣдніе дни потрясенія должны были повліять на его здоровье. Уже 30-го іюня, съ утра, стало извѣстно, что наканунѣ вечеромъ и всю ночь бывшій Императоръ жаловался на головныя боли, происходившія отъ чисто физической причины; днемъ онъ просилъ прислать къ нему придворнаго врача Лидерса. Такъ какъ Лидерсъ былъ Голштинской службы, а всѣ голштинцы арестованы, то его нужно еще было отыскать; когда же отыскали—нужно было уговорить ѣхать въ Ропшу: голштинецъ опасался, что попадетъ въ вѣчное заточеніе вмѣстѣ со своимъ бывшимъ герцогомъ. Выслушавъ разсказъ о болѣзненныхъ припадкахъ Петра, Лидерсъ нашелъ болѣзнь ничтожною: онъ прописалъ лекарство, но ѣхать въ Ропшу не согласился. Лучшее упованіе, надежда на естественную смерть, исчезло послѣ заявленія Лидерса, признавшаго, что состояніе больного вовсе не опасно. Можетъ быть Лидерсъ умышленно скрываетъ серьезность положенія, чтобы избѣжать поѣздки въ Ропшу; но, вѣдь, возможно также, что онъ говорилъ правду; если бы Петръ былъ серьезно опасенъ, Лидерсъ скорѣе бы согласился ѣхать въ Ропшу, убѣжденный, что скорая смерть узника освободитъ и его отъ заточенія. Лидерсъ не ѣдетъ въ Ропшу, значитъ Петръ еще далекъ отъ смерти.

Что же дѣлать съ Петромъ? При обсужденіи вопроса, Екатерина спокойно выслушиваетъ доклады о необходимости принять мѣры, чтобы бывшій Императоръ не могъ вредить правленію Екатерины, смущая слабыя головы; всѣ отлично сознаютъ опасности, которыя могутъ быть созданы ей, если не Петромъ, то его сторонниками. Ихъ не много, но они есть; ихъ можетъ быть въ будущемъ больше. Петра необходимо окончательно обезвредить, но какъ? При обсужденіи средствъ не церемонились присутствіемъ Императрицы. Екатерина не Елизавета Петровна; она сразу поняла негодность заточенія въ Шлюссельбургѣ или въ иномъ мѣстѣ; она не упадетъ въ обморокъ ни отъ какого предложенія—примѣры Іоанна Грознаго и Петра В. ее не смущаютъ. Тѣмъ не менѣе, никто изъ присутствующихъ, ни даже лица, ей наиболѣе близкія,

не осмѣлились даже заикнуться о неестественной смерти; они могли ея желать, но не вслухъ передъ Императрицей.

Когда лица, окружавшія Екатерину, окончательно убѣдились, что устраненіе Петра признается ею вполнѣ необходимымъ, они рѣшились извести Петра безъ ея вѣдома и привести свой планъ въ исполненіе безъ ея согласія. Въ этомъ были заинтересованы, прежде всего, всѣ личные сторонники Екатерины, тѣ «избранники народа», которые «подвигли» Императрицу стать во главѣ движенія. Они были заинтересованы въ этомъ гораздо болѣе, чѣмъ сама Екатерина: переворотъ произведенъ всѣми сословіями, всѣмъ народомъ, не ею; никто даже не можетъ и помыслить о вторичномъ возведеніи на тронъ ненавистнаго Петра—не на Екатеринѣ могутъ вымещать свою злобу недовольные, если они есть, если они будутъ, а на «избранникахъ народа». Петръ не помѣшалъ произвести переворотъ; но Петръ можетъ препятствовать, не Екатеринѣ, а многимъ «избранникамъ» воспользоваться плодами своихъ трудовъ. Болѣе же всего въ этомъ заинтересованы братья Орловы. Всѣ братья, особенно же Григорій, заняли видное положеніе, которое даетъ имъ право мечтать о многомъ; осуществленію этихъ мечтаній можетъ воспрепятствовать, какъ имъ казалось, только Петръ, живой, хотя и арестованный, въ заточеніи. Пока Петръ живъ, Екатерина не свободна: теперь уже всѣ замѣтили, что въ манифестѣ 28-го іюня Петръ ни разу не названъ супругомъ, мужемъ Екатерины; но подобныя узы, наложенныя церковью, не расторгаются ни манифестомъ, ни заточеніемъ—Петръ живой однимъ тѣмъ, что онъ живъ, мѣшаетъ Орловымъ достигнуть конечныхъ результатовъ ихъ усилій, ихъ жертвъ. Во что бы ни стало, Орловымъ надо оградить не только еще возможное, лелѣемое въ мечтаніяхъ, но и добытое уже счастіе, и съ этимъ надо торопиться. Ихъ фаворъ, особенно же Григорія, рѣжетъ уже всѣмъ глаза, при дворѣ начались уже козни противъ нихъ, идетъ интрига, стремящаяся свергнуть Григорія Орлова; съ Григоріемъ же падутъ и его братья. Надо торопиться.

Въ среду, 3-го іюля, на четвертый только день послѣ появленія болѣзненныхъ припадковъ Петра, вечеромъ, въ Ропшу прибылъ изъ Петербурга врачъ Лидерсъ. Въ четвергъ, 4-го іюля, бывшему Императору, вѣроятно, стало хуже: по крайней мѣрѣ, въ четвергъ же прибылъ въ Ропшу

второй врачъ — штабъ-лекарь Паульсенъ. Доктора не констатировали [1]) ухудшенія и, выражаясь современнымъ языкомъ, самочувствіе больного не оставляло желать ничего лучшаго.

Пятница прошла спокойно. Въ субботу, 6-го іюля, по утру, когда узникъ еще спалъ, камердинеръ, прислуживавшій Петру, вышелъ въ садъ, «чтобъ подышать чистымъ воздухомъ». Офицеръ, находившійся въ саду, приказалъ схватить его; камердинеръ былъ посаженъ въ приготовленный экипажъ и удаленъ изъ Ропши. Вечеромъ часовъ въ 6-ть нарочный, прискакавшій изъ Ропши, подалъ Екатеринѣ пакетъ отъ Алексѣя Орлова [2]). На листѣ сѣрой нечистой

[1]) Петръ былъ боленъ пять сутокъ. La peur lui avait donné un cours de vendre qui dura *trois jours* et qui passa le quatrième... La colique hémoroidale lui prit avec des transports au cerveau; il fut—*deux jours* dans cet état писала Екатерина (*Госуд. Архивъ*, III; Арх. кн. Воронцова, XXV, 420). Петръ захворалъ 30-го іюня; три дня, т.-е. 30-го іюня, 1-го и 2-го іюля, былъ боленъ; 3-го ему стало лучше; вслѣдъ за тѣмъ явилась новая болѣзнь, въ которой онъ находился двое сутокъ, т.-е. съ вечера 4-го по полдень 6-го іюля. Официально было объявлено, что Петръ умеръ 6-го іюля, по другимъ извѣстіямъ 2-го (*Штелинъ*, 293) и даже 3-го іюля (*Schumacher*, 56). Въ частномъ письмѣ канцлера Воронцова, отъ 7-го іюля, говорится: «бывшій и *вчерась* умершій Императоръ» (*Архивъ кн. Воронцова*, V, 102). Если есть поводъ относиться съ недовѣріемъ къ официальному заявленію по поводу кончины Петра, то несомнѣнно, что у Воронцова не было повода обманывать своего племянника.

[2]) Письмо это впервые напечатано въ Москвѣ, въ 1881 году, г. Бартеневымъ, въ Арх. кн. Воронцова, XXI, 430. Такъ какъ это письмо имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о степени участія Екатерины II въ ропшинской драмѣ, то для опредѣленія достовѣрности письма необходимо имѣть въ виду слѣдующую замѣтку гр. Ѳ. В. Ростопчина, снявшаго 11-го ноября 1796 года, пять дней послѣ смерти Екатерины II, копію съ этого письма; «кабинетъ ея былъ запечатанъ графомъ Самойловымъ и генералъ-адъютантомъ Ростопчинымъ. Черезъ три дня по смерти Императрицы поручено было великому князю Александру Павловичу и графу Безбородкѣ разсмотрѣть всѣ бумаги. Въ первый самый день найдено это письмо графа Алексѣя Орлова и принесено къ Императору Павлу: по прочтеніи имъ возвращено Безбородкѣ и я имѣлъ его съ $^1/_4$ часа въ рукахъ. Почеркъ извѣстный мнѣ графа Орлова. Бумага — листъ сѣрой и нечистой, а слогъ означаетъ положеніе души сего злодѣя и ясно доказываетъ, что убійцы опасались гнѣва Государыни, и симъ изобличаетъ клевету, падшую на жизнь и память сей великой царицы. На другой день графъ Безбородко сказалъ мнѣ, что Императоръ Павелъ потребовалъ отъ него вторично письмо графа Орлова. Прочитавъ въ присутствіи его, бросилъ въ каминъ и самъ истребилъ памятникъ невинности Великой Екатерины, о чемъ и самъ чрезмѣрно послѣ соболѣзновалъ».

бумаги, неумѣлымъ почеркомъ, пьяною рукою Алексѣя Орлова было написано:

«Матушка, милосердная государыня! Какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу; но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! Готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нѣтъ на свѣтѣ. Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Ѳедоромъ [1]), не успѣли мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали; но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ; прогнѣвали тебя и погубили души на вѣкъ».

Вѣсть о смерти — великій актъ. Ни приготовиться, ни привыкнуть къ ней нельзя. Въ данномъ случаѣ, смерть Петра, разрѣшая всѣ недоумѣнія, развязывая многимъ руки, являлась единственно возможнымъ, наиболѣе желаннымъ исходомъ политической драмы, волновавшей русскаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, вѣсть о смерти Петра поразила однихъ, встревожила другихъ, озадачила всѣхъ, какъ неожиданное внезапное явленіе. Наиболѣе сильное впечатлѣніе

---

[1]) Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій. Такимъ образомъ, съ полною достовѣрностію извѣстны только два участника: Алексѣй Орловъ и Ѳедоръ Барятинскій. Ихъ было, конечно, болѣе: «всѣ до единаго виноваты» сказано въ письмѣ. Въ числѣ участниковъ называютъ: лейбъ-медика Карла Ѳедоровича *Крузе*, Григорія Николаевича *Теплова*, сержанта гвардіи Николая Николаевича *Энгельгардта*, капрала конной гвардіи Григорія Александровича *Потемкина*, Григорія Никитича *Орлова*, актера Ѳедора Григорьевича *Волкова*, бывшаго лейбъ-кампанца, артиллериста Александра *Шваповича*, князя Ивана Сергѣевича *Барятинскаго* (Schumacher, Rulhiere, Lavaeux, Castéra, Helbig). Сверхъ этихъ десяти лицъ, въ комнатѣ находились еще четыре лица, изъ нихъ три безъимянныя: кабинетъ-курьеръ, пріѣхавшій съ А. Орловымъ, и два гвардейскіе сержанта, бывшіе на часахъ у дверей, четвертый—Голштинскій камердинеръ—Александръ *Брессанъ*, пожалованный Петромъ III въ дѣйствительные бригадиры. Участіе ихъ было весьма различно. Между тѣмъ, какъ Шваповичу приписана датскимъ резидентомъ наиболѣе дѣятельная роль, другіе о немъ даже не упоминаютъ; Г. Н. Орловъ и Г. Н. Тепловъ были, по Гельбигу, только зрителями; участіе Г. А. Потемкина рѣшительно отвергается, а о Брессанѣ сказано, что онъ бросился защищать своего «барина».

эта смерть произвела на Екатерину, и, надо отдать ей справедливость, она прежде всѣхъ овладѣла собой, разобралась въ массѣ новыхъ положеній, созданныхъ смертью Петра, и справилась съ разнообразными ощущеніями, нахлынувшими вмѣстѣ съ вѣстію о ропшинской катастрофѣ.

«Que je suis affectée même terassée par cette mort», сказала Екатерина кн. Дашковой. Она была тронута этой смертью, какъ женщина; она была поражена ею, какъ Императрица. Екатерина хорошо сознавала свое положеніе: смерть Петра,—смерть скоропостижная, и въ такое время возбудитъ толки, броситъ тѣнь на ея намѣренія, ляжетъ пятномъ на память до сихъ поръ чистыхъ, свѣтлыхъ десяти дней.

Трагизмъ положенія Екатерины усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ропшинская катастрофа произошла при дѣятельномъ участіи Алексѣя Орлова: Орловымъ она многимъ обязана, какъ Императрица, и, какъ женщина, она связана съ Григоріемъ Орловымъ сердечными узами; она гнушается преступленіями, но выдать преступника не можетъ. «Нужно быть твердымъ въ своихъ рѣшеніяхъ,—говорила Екатерина,—только слабоумные нерѣшительны».

Она, именно она, должна и покрыть преступленіе, и защитить преступника, принявъ на себя всю нравственную отвѣтственность и всю политическую тяжесть катастрофы. Екатерина впервые выказала при этомъ здравый политическій смыслъ самаго обширнаго діапазона и разыграла принятую на себя роль съ талантливостью виртуоза.

Письмо Алексѣя Орлова, вполнѣ обѣлявшее Екатерину отъ всякихъ подозрѣній, было спрятано въ шкатулку и пролежало въ ней болѣе 34-хъ лѣтъ, до самой смерти Императрицы. Кромѣ двухъ, трехъ лицъ, наиболѣе близкихъ, кромѣ Никиты Панина, гетмана Разумовскаго и другихъ очень немногихъ, бывшихъ при Императрицѣ въ моментъ полученія письма, его никто уже не прочтетъ; о немъ никто не узнаетъ, пока жива Екатерина. Рѣшивъ судьбу письма, Екатерина сама начертала программу своихъ дѣйствій, краткую и ясную: il faut marcher droit—je ne dois pas être suspecte.

Программа была выполнена въ точности. Письмо Алексѣя Орлова не сообщало мелкихъ подробностей катастрофы, но общій смыслъ разсказа не оставлялъ сомнѣнія отно-

сительно главной его черты и поэтому Екатерина нашла необходимымъ удостовѣриться прежде всего, не было ли употреблено отравленіе: вскрытіе трупа, сдѣланное по приказанію Императрицы, не нашло ни малѣйшихъ слѣдовъ отравленія. Ни докторское свидѣтельство о причинахъ смерти, ни скорбный листъ не сохранились; можно лишь догадываться, что этимъ свидѣтельствомъ руководствовались при составленіи слѣдующаго «Скорбнаго» манифеста.

«Въ седьмой день послѣ принятія Нашего престола Всероссійскаго, получили Мы извѣстіе, что бывшій Императоръ Петръ Третій, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ, впалъ въ прежестокую колику. Чего ради не призирая долгу Нашего христіанскаго и заповѣди святой, котораго мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что истребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія опасныхъ въ здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но къ крайнему Нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили Мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло привести въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ; а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ Нашимъ Императорскимъ и Матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошедшаго, съ тѣломъ Его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы; сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе принимали за Промыслъ Его Божественный, который Онъ судьбами своими неисповѣдимыми Намъ, Престолу Нашему и всему Отечеству строетъ путемъ, Его только святой волѣ извѣстнымъ. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ мѣсяца іюля 7 дня 1762. *Екатерина*».

Крестился русскій человѣкъ, читая этотъ манифестъ: судьбы Божіи, дѣйствительно, неисповѣдимы! Бывшій Императоръ испыталъ въ послѣдніе дни столько горя, столько невзгодъ—ничего нѣтъ мудренаго, что натура слабая, болѣзненная, страдавшая уже «припадками геморроидическими», не вынесла этихъ потрясеній; въ смерти никто не воленъ—заболѣлъ и умеръ. Простымъ русскимъ людямъ смерть эта представлялась естественною; даже и не простые, кое-что слышавшіе, не допускали и мысли о какомъ-либо участіи

Екатерины въ этой смерти. Императрица «не должна быть заподозрѣваема», и она осталась незаподозрѣнною [1]).

Въ ночь съ воскресенья, 7-го іюля, на понедѣльникъ 8-го, тѣло было привезено въ Петербургъ, прямо въ нынѣшнюю Александро-Невскую лавру, въ тѣ самые покои, гдѣ было выставлено для поклоненія тѣло принцессы Анны Брауншвейгской и, позже, тѣло великой княжны Анны Петровны, дочери Екатерины.

Въ небольшомъ монастырскомъ зданіи приготовлены тѣ же двѣ, довольно низкія, комнаты; вся мебель вынесена, только на стѣнахъ оставлены «стѣнники», но безъ свѣчей. Стѣны обиты чернымъ сукномъ. Первая отъ входа комната совершенно пуста; у дверей, ведущихъ во вторую, гдѣ выставлено тѣло, стоятъ часовые. Гробъ поставленъ на катафалкѣ въ двѣ ступени; вокругъ гроба свѣчи. Гробъ обитъ краснымъ бархатомъ съ широкимъ серебрянымъ галуномъ; на него наброшенъ широкій парчевой покровъ, спускающійся до полу; вокругъ гроба ни орденовъ, ни знаковъ отличія. Народъ впускается длинной, безпрерывной вереницей изъ первой комнаты во вторую. Дежурные при гробѣ офицеры приглашаютъ народъ, сперва, поклониться тѣлу усопшаго, потомъ—проходить, «не останавливаясь», мимо гроба, въ противоположную, выходную дверь. Нѣтъ времени ни остановить взоръ на покойникѣ, ни всмотрѣться въ подробности печальной обстановки. Бывшій Императоръ одѣтъ въ мундиръ голштинскихъ драгунъ, свѣтло-голубой съ бѣлыми отворотами; руки сложены на-крестъ, но въ большихъ съ крагами перчаткахъ формы Карла XII. Сквозной вѣтеръ отъ раскрытыхъ настежь дверей развѣваетъ жидкіе волосы покойника. Лицо его черно, чернѣе, чѣмъ у апоплектика; на шеѣ широкій шарфъ, но офицеры не даютъ времени всмотрѣться, приглашая проходить, проходить...

Сюда, въ эти траурныя комнаты, на это печальное зрѣлище, придетъ въ среду, 10-го іюля, Екатерина, чтобъ при-

---

[1]) Депеша Кейта отъ 20 іюля: His death was occasioned by a violent fit of the cholie; other indeed said it was owing to some accident attending the piles (*Лондонъ*, Архивъ, Russie № 83). Даже значительно позже, въ 1774 году, когда въ печати впервые появляются указанія на рѣшительную катастрофу (on ajoute même que la mort fut cruelle et qu'il l'entendit jetter de grands cris et se plaindre des douleurs qu'il endurait), нѣтъ и намека на заподозрѣваніе Екатерины.

сутствовать при погребеніи тѣла Петра Ѳеодоровича. Она, вѣдь, присутствовала при погребеніи Анны Леопольдовны, тоже низвергнутой, но только правительницы—ей нельзя же не присутствовать при погребеніи, хотя и низвергнутаго, но Императора. Приводимъ протоколъ Сената отъ 8-го іюля:

«Сенаторъ и кавалеръ Никита Ивановичъ Панинъ собранію Правительствующаго Сената предлагалъ: Извѣстно ему, что Ея імператорское величество всемилостивѣйшая Государыня намѣреніе положить соизволила шествовать къ погребенію бывшаго императора Петра третьяго въ невской манастырь, но какъ великодушное Ея величества и непамятозлобивое сердце наполнено надмерною о семъ приключеніи горестію и крайнимъ соболѣзнованіемъ о столь скорой и нечаянной смерти бывшаго імператора, такъ что съ самаго полученія сей нечаянной вѣдомости Ея величество въ непрерывномъ соболезнованіи и слезахъ о таковомъ приключеніи находитца: то хотя онъ господинъ сенаторъ, почитая за необходимый долгъ, обще съ господиномъ гетманомъ, сенаторомъ и кавалеромъ графомъ Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ и представляли, чтобъ Ея величество, сохраняя свое здравіе, по любви своей къ Россійскому Отечеству, для всѣхъ истинныхъ Ея вѣрноподданныхъ и для многихъ непріятныхъ слѣдствъ, изволилабъ намѣрение свое отложить; но Ея величество на то благоволенія своего оказать не соизволила, и потому онъ за должное призналъ о томъ Сенату объявить, дабы весь Сенатъ, по своему усердію къ Ея величеству, о томъ съ рабскимъ своимъ прошеніемъ предсталъ. Сенатъ уважа всѣ учиненные притомъ господиномъ сенаторомъ Панинымъ справедливые изъясненіи, тотъ часъ выступая изъ собранія пошолъ во внутренния Ея величества покои и, представъ монаршему ея лицу, раболѣпнейше просилъ, дабы Ея величество шествіе свое въ невскій монастырь, къ тѣлу бывшаго Императора Петра третьяго, отложить соизволила, представляя многие и весьма важные резоны къ сохраненію для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества Ея іимператорскаго величества дрожайшаго здравія, и хотя Ея величество долго къ тому согласія своего и не оказывала, но на послѣдокъ, видя неотступное всего Сената рабское и всеусерднѣйшѣе прошение, ко удовольствію всѣхъ Ея вѣрныхъ рабовъ, намѣреніе свое отло-

жить благоволила. Сенатъ, принявъ сіе за отмѣнной знакъ Ея матернего милосердія, по отданіи своей рабской благодарности, возвратясь въ собраніе, приказали: о семъ записать въ журналѣ объявя чрезъ господина оберъ-прокурора князя Козловскаго всему святейшему синоду, что погребеніе отправляемо будетъ безъ высочайшаго Ея імператорскаго величества при томъ присутствія и съ сего для напечатанія въ газетахъ въ академію наукъ дать копію».

Въ среду, 10-го іюля, въ Невскій монастырь прибыли многіе изъ особъ первыхъ пяти классовъ, особыми повѣстками приглашенные присутствовать на печальной церемоніи. Явились въ церковь, между прочимъ, и престарѣлый фельдмаршалъ гр. Минихъ, прямой, честный, и генералъ-полиціймейстеръ Н. А. Корфъ, любимецъ Петра, угодникъ Екатерины; явились и нѣкоторые изъ служившихъ въ голштинскомъ войскѣ. Всѣ лужайки монастыря, не говоря уже о кладбищѣ, были запружены народомъ, ожидавшемъ какого-то чрезвычайнаго, вообще небывалаго зрѣлища.

Въ назначенное время, восемь «асессоровъ» внесли гробъ въ Благовѣщенскую церковь. Послѣ заупокойной литургіи, тѣло «бывшаго Императора Петра Третьяго» было предано землѣ въ самой церкви, рядомъ съ бывшей правительницей Анной Леопольдовной.

Народъ долго не расходился. На него, очевидно, произвела впечатлѣніе эта внезапная смерть, о которой ходили уже «неосновательные» толки, сложились даже «пустыя враки».

Письма Петра III изъ Ропши.

I.

Madame.

Je prie Vostre Majesté destre assuré surement de moy et davoir la bonté dordonner quon ote les bostres de la seconde chambre parce que la chambre ou je suis est si petite qua peine ji peut my remuer et comme elle sait que je me promene toujours dans la chambre ça me fera enfler les jembes encore je Vous prie de dordonner point que les officiers restent dans la meme chambre comme jai des besoins c'est impossible pour moy au reste je prie Vostre Majesté de me traiter du moins comme le plus grand malfaiteur ne scachant pas de lavoir offensé jamais en me recommendant a sa pense magnine je la prie de me laisser au plutot avec les personnes nommées en Alemagne Dieux le lui repayera surement et suis Vostre tres humble valet Pierre.

P. S. Vostre Majesté peut estre sure de moy que je ne penserai rien ni ferai rien qui puisse estre contre sa personne ou contre son regne.

Переводъ:

Сударыня, я прошу Ваше Величество быть увѣренной во мнѣ и не отказать снять караулы отъ второй комнаты, такъ какъ комната, въ которой я нахожусь, такъ мала, что я едва могу въ ней двигаться. И такъ какъ Вамъ извѣстно, что я всегда хожу по комнатѣ и то отъ этого распухнутъ у меня ноги. Еще я васъ прошу не приказывать, чтобы офицеры находились въ той же комнатѣ со мной, когда я имѣю естественныя надобности—это невозможно для меня; въ остальномъ я прошу Ваше Величество поступать со мной по меньшей мѣрѣ, какъ съ большимъ злодѣемъ, не думая никогда его этимъ оскорбить. Отдаваясь Вашему великодушію, я прошу отпустить меня въ скоромъ времени съ из-

-вѣстными лицами въ Германію. Богъ ей заплатитъ непремѣнно, Вашъ нижайшій слуга Петръ.

P. S. Ваше Величество можетъ быть увѣренной во мнѣ, что я ни подумаю ничего, ни сдѣлаю ничего, что могло бы быть противъ ея особы или ея правленія

II.

Vostre Majesté,

Si Vous ne voulez point absolument faire mourir un homme qui est deja assez malheureux ayez dont pitié de moy et laissé moy ma seule consolation qu'il est Elisabeth Romanovna. Vous ferez par ça un de plus grand oeuvre de charité de Vostre regne au reste si Vostre Majesté voudrait me voir pour un instant je serai au comble de mes voeux.

Vostre tres humble valet Pierre.

Переводъ:

Ваше Величество, Если Вы совершенно не желаете смерти человѣку, который достаточно уже несчастенъ, имѣйте жалость ко мнѣ и оставьте мнѣ мое единственное утѣшеніе Елизавету Романовну. Вы этимъ сдѣлаете большее милосердіе Вашего царствованія; если же Ваше Величество пожелало бы меня видѣть, то я былъ бы совершенно счастливъ. Вашъ нижайшій слуга Петръ.

III.

Ваше Величество,

Я ещо прошу меня, которой Ваше воле исполналъ во всемъ отпустить меня въ чужие краи стеми, которие я Ваше Величество прежде просилъ и надеюсь на Ваше великодушие, что Вы меня не оставите безъ пропитания.

Верный слуга Петръ.

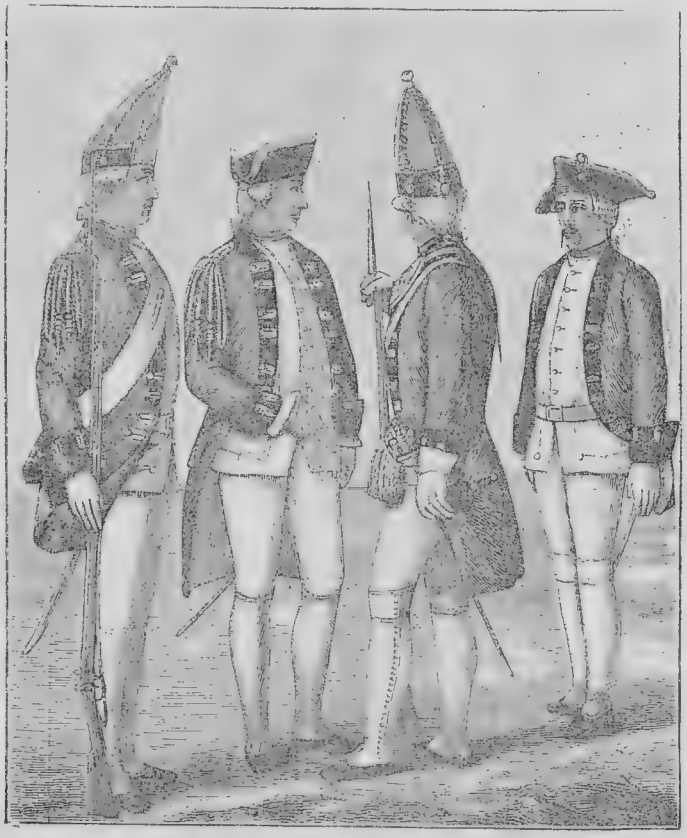
Письма А. Орлова изъ Ропши.

I.

Матушка Милостивая Государыня здравствовать вамъ мы все (всѣ) желаемъ нешетныя годы. Мы теперь по отпускъ сего письма і со всею камандою благополучны, только уродъ нашъ очень занемогъ і схватила Ево нечаеная колика, і я опасенъ, штобъ онъ севоднишную ночь не умеръ,

а болще опасаюсь, штобъ не ожилъ. Первая опасность для того што онъ всіö здоръ говоритъ і намъ ето несколко весело, а другая опасность, што онъ дествительно для насъ всехъ опасенъ для тово што онъ іногда такъ отзывается хотя в прежнемъ состояни быть.

Всилу Імяннова вашего повеления я солдатамъ деньги за полгода отдалъ, такожъ і ундеръ-афицерамъ, кромѣ одного



Форма при Петрѣ III.

Патіомкина вахмистра для того што служитъ бесжалованья. Ісалдаты некоторыя сквозь сльозы говорили про милость вашу, што оне еще такова для васъ не заслужили за штобъ іхъ такъ вкороткое время награждать іхъ. При семъ посылаю списокъ вамъ всей команде, которая теперь здесь, а тысечи рубліовъ матушка не достало і я дополнилъ червон-

ными, і у насъ здѣсь было много смеха надъ гранодерами об червонныхъ, когда оне у меня брали, іныя просили для тово што не видовали і опять іхъ отдавали, думая, што оне ничего не стоятъ. Посланный Чертковъ к вашему величеству обратно еще кнамъ не бывалъ і для того я опоздалъ васъ репортовать, а сие пишу во вторникъ вдевятомъ часу вполовине.

Посмерть вашъ верны рабъ
Алексей Орловъ.

II.

Матушка наша, милостивая Государыня, не знаю, што теперь начать, боясь гнева отъ вашего величества, штобъ вы чево на насъ неистоваго подумать не изволили и штобъ мы не были притчиною смерти злодея вашего і всей Роси также і закона нашего, а теперь і тотъ приставленной къ нему для услуги лакей Масловъ занемогъ, а онъ самъ теперь такъ боленъ, што не думаю, штобъ онъ дожилъ до вечера і почти совсемъ уже вбезпамятстве о чемъ уже і вся каманда здешнея знаетъ і молитъ Бога, чтобъ онъ скорей снашихъ рукъ убрался, а оной же Масловъ і посланной офицеръ можетъ вашему величеству донесть, вкакомъ онъ состояніи теперь ежели вы обо мнѣ усумнится ізволете писалъ сие рабъ ваше верны (подпись оторвана).

III.

Смотри 136 страницу настоящей книги.

Роль Екатерины II

по донесеніямъ иностранныхъ пословъ.

Какъ помнитъ читатель, въ переворотѣ не малую роль играли послы иностранныхъ дворовъ; они съ напряженіемъ слѣдили за молодымъ Дворомъ и заранѣе учитывали каждый шагъ новаго монарха и его жены; наименѣе освѣдомленнымъ былъ приверженецъ Императора, Кейтъ; для него переворотъ былъ дѣйствительно «неожиданной» революціей.

Однако, положеніе дѣлъ и обращеніе супруговъ были таковы, что французскій посолъ 29-го іюня доносилъ: «Кромѣ этого унизительнаго зрѣлища для Императрицы, она терпитъ со стороны царя лицъ очень непріятныхъ, которымъ она отвѣчаетъ только самыми почтительными словами и слезами. Нація раздѣляетъ ея горе и выражаетъ свои безсильныя желанія для нея». Какъ извѣстно, эти желанія скоро стали фактомъ. Петръ пересталъ быть царемъ, но онъ пересталъ и жить.

Екатерина впослѣдствіи понесла жестокое наказаніе, когда Емельянъ Пугачевъ, принявъ имя бывшаго Императора, желалъ занять ея тронъ; но убійство Петра бросило густую тѣнь на его супругу. Современникамъ было очень интересно

знать, какую роль играла въ этомъ событіи Екатерина, и въ вопросѣ каждый судилъ по-своему. Кейтъ удовольствовался тѣмъ, что писалъ отъ 20-го іюля (новаго стиля):

«Я получилъ отъ русскаго министра бумагу такого содержанія: «Государственный министръ Россіи считаетъ своею обязанностью извѣстить иностранныхъ министровъ, что бывшій государь, имѣя ужасную спазму, которыми часто былъ обезпокоенъ, умеръ вчера. Императоръ умеръ въ маленькомъ загородномъ домикѣ, принадлежащемъ казнѣ, и его тѣло было первезено оттуда ночью съ воскресенья на понедѣльникъ въ Невскій монастырь, гдѣ онъ теперь выставленъ для поклоненія публики. Тысячи народу толпятся тамъ, чтобы его видѣть».

И три дня спустя отъ 23-го: «Императоръ похороненъ въ Невскомъ монастырѣ во вторникъ утромъ, безъ церемоніи. Члены первыхъ пяти классовъ присутствовали, по приказанію, при погребеніи».

Беренжеръ, который не считалъ себя обязаннымъ такъ сдерживаться, какъ Кейтъ, писалъ въ то же самое число, 23-го іюля, слова, служащія какъ бы моралью ко всему выше сказанному: «Какая картина для самаго народа, разсуждая хладнокровно! Съ одной стороны внукъ Петра I, лишенный трона и убитый; съ другой—внукъ царя Ивана, томящійся въ цѣпяхъ, тогда какъ принцесса Ангальтъ присваиваетъ себѣ корону ихъ предковъ, начиная царствованіе съ цареубійства».

Дѣйствительно трудно не спросить себя, какое участіе принимала Екатерина въ смерти мужа. Требовала ли она ея отъ своихъ фанатическихъ сектантовъ или, какъ сдѣлалъ ея внукъ Александръ въ подобномъ же случаѣ, удовольствовалась выгодой этого убійства, котораго она не приказывала, но допустила дѣлать? Однако, въ первыя минуты даже тѣ, которые были менѣе всего расположены судить ее снисходительно, считали ее невинной.

Беренжеръ, напримѣръ, писалъ отъ 23-го іюля: «Я не подозрѣваю въ этой принцессѣ такой ужасной души, чтобы думать, что она участвовала въ смерти царя. Но такъ какъ тайна самая глубокая будетъ вѣроятно всегда скрывать отъ общаго свѣдѣнія настоящаго автора этого ужаснаго убійства, подозрѣніе и гнусность останутся на Императрицѣ, которая пожинаетъ отъ него плоды».

Бретейль, какъ будто болѣе освѣдомленный, писалъ отъ 28-го октября: «Въ день, въ который рѣшено было сократить дни Петра III, Императрица получила извѣстіе объ этомъ ужасномъ исполненіи въ полдень. Это было время показаться при Дворѣ. Она собрала потомъ интимный совѣтъ изъ тѣхъ, которые могли узнать о концѣ ея мужа, и рѣшали, сообщить ли въ тотъ же день въ сенатъ о смерти Петра III. Большинство было за то, чтобы скрыть это еще сутки отъ сената и народа. Послѣ этого рѣшенія царица показалась, какъ всегда, вечеромъ при Дворѣ. На другой день, назначенный для объявленія о смерти Императора, Екатерина сдѣлала видъ, что узнала это вмѣстѣ съ публикою, плакала, не выходила и показывала свое горе. Я зналъ всѣ ужасныя причины, требовавшія этой трагической сцены, но я не знаю, правъ ли я, она мнѣ такъ же отвратительна, какъ и событіе, вызвавшее ее. Я знаю уже давно и мнѣ это сообщили со времени моего возвращенія, что ея принципы таковы: нужно быть стойкой въ своихъ рѣшеніяхъ и лучше плохо сдѣлать, чѣмъ мѣнять рѣшеніе, а главное, только дураки нерѣшительны».

Вся опасность предпріятія выяснилась послѣ, когда появились недостаточно награжденные и потому недовольные и когда еще не улегся духъ мятежа. Меньше чѣмъ черезъ 6 недѣль послѣ переворота, 20-го августа Кейтъ писалъ:

«Плохое настроеніе и недовольство, которое тлѣло и бродило глухо со времени переворота въ войскахъ гвардіи, дошло до того, что вспыхнуло на этихъ дняхъ въ видѣ открытаго возмущенія. Солдаты Семеновскаго полка дрались съ оружіемъ въ рукахъ этою ночью, и съ большою трудностью офицеры уговорили ихъ. То же самое возмущеніе продолжалось двѣ ночи подрядъ, хотя меньше, и это дало серьезныя опасенія правительству. Большое количество офицеровъ и солдатъ было арестовано и ихъ скрыли. Опасность въ данную минуту миновала».

Несмотря на мѣры, принятыя Императрицею, употреблявшею по очереди то хитрость, то суровость, то же волненіе царило въ гарнизонахъ Петербурга. Тамъ образовывались заговоры всякаго рода, одни для того, чтобы свергнуть Екатерину съ престола и отдать корону ея сыну, великому князю Павлу; другіе—дать имперію Ивану.

Лордъ Букингамъ, замѣнившій лорда Кейта, писалъ отъ

23-го ноября 1762 года: «Императрица сказала мнѣ вчера вечеромъ въ разговорѣ, что съ нѣкотораго времени она была разсѣянной въ обществѣ и что она незамѣтно пріобрѣла эту привычку, она не знала почему».

Лордъ Букингамъ приписывалъ это расположеніе къ заботамъ и грусти броженію, которое продолжало царить въ войскахъ и особенно въ войскахъ гвардіи. Онъ писалъ немного дней спустя отъ 8-го ноября: «6 офицеровъ гвардіи, выразившихся немного свободно, разжаловали сегодня ут-

Екатерина II у Казанскаго Собора.

ромъ и отослали потомъ до конца ихъ жизни въ самую отдаленную провинцію государства».

«Однако, печаль и разсѣянность Императрицы выдавали усталость чисто физическую, если вѣрить де Бретейлю, который писалъ около этихъ чиселъ, 28-го октября, что Екатерина была въ эту минуту «занята прекращеніемъ безпорядковъ, произведенныхъ выкидышемъ, въ которомъ Петръ III былъ такъ же невиненъ, какъ и не освѣдомленъ».

Сужденіе, вынесенное лордомъ Букингамомъ объ Екатеринѣ, было со всѣхъ сторонъ очень выгодное для той вы-

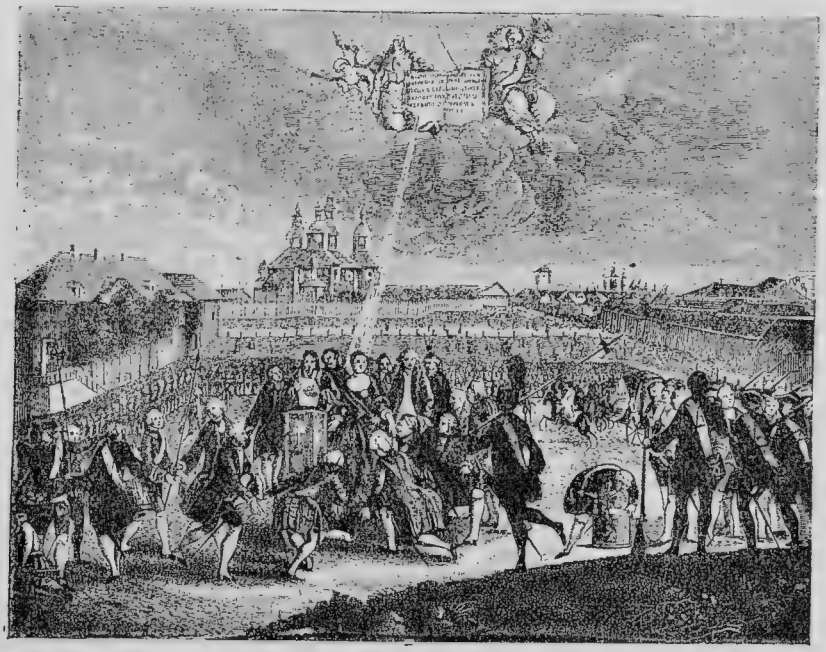
дающейся женщины, на которую были устремлены взгляды всей Етропы. Можно было видѣть, что онъ былъ очарованъ. Онъ писалъ отъ 25-го ноября: «По моимъ наблюденіямъ, Императрица своими талантами, своимъ образованіемъ и своимъ трудолюбіемъ превышаетъ всѣхъ въ этой странѣ. Стѣсненная обязательствами, которыя она заключала въ послѣднее время, сознавая трудность своего положенія и боясь опасностей, которыми до сихъ поръ она считала себя окруженной, она не можетъ еще рѣшиться открыто поступать по своему желанію и освободиться отъ нѣсколькихъ лицъ изъ ея двора, которыхъ она презираетъ за характеръ и способности. Она принимаетъ всѣ мѣры, чтобы получить довѣріе и расположеніе своихъ подданныхъ. Если ей это удастся, она воспользуется полученной властью для блага своего государства».

Бретейль писалъ почти въ то же время отъ 9-го января 1763 года:

«Кромѣ Панина, который имѣетъ болѣе привычку, чѣмъ большіе таланты или познанія, у этой принцессы нѣтъ никого, кто бы могъ служить ея планамъ управленія и величія. Несмотря на это, нужно, чтобы она слушала и исполняла по большей части совѣты этихъ старыхъ русскихъ, которые, сознавая выгоду ихъ положенія, надоѣдаютъ ей постоянно, то съ соблюденіемъ ихъ предразсудковъ, касающихся государства, то съ ихъ частными интересами. Это любопытное зрѣлище смотрѣть въ пріемные при Дворѣ дни на трудныя усилія, которыя дѣлаетъ Императрица, чтобы нравиться своимъ подданнымъ, на свободу большинства, на крайнюю назойливость, съ которой они съ нею говорятъ и просятъ постоянно объ ихъ дѣлахъ и мысляхъ. Для меня, знающаго характеръ этой принцессы и видящаго, съ какой несравненной милостію и граціей она примѣняется къ нимъ, я могу себѣ представить, чего ей это стоитъ и насколько она увѣрена, что обязана такъ дѣлать. Въ одинъ изъ послѣднихъ придворныхъ пріемныхъ дней она была болѣе уставши отъ множества разговоровъ и особенно отъ Безстужева, мертвецки-пьянаго и разговора котораго она избѣгала, но онъ былъ длиненъ и очень оживленъ съ той и съ другой стороны. Кончая его, Императрица приблизилась ко мнѣ и меня спросила, видѣлъ ли я когда-нибудь охоту на зайца? На что я ей отвѣтилъ, что да, она сказала: вы должны находить, что все, что дѣлается со мною здѣсь, очень на нее похо-

дить, меня подняли и быстро толкаютъ, хотя что бы я ни сдѣлала, чтобы избѣгнуть предъявленій и предположеній, которыя не всегда основаны на смыслѣ и честности. Несмотря на это, я отвѣчаю всѣмъ настолько, насколько могу удовлетворить и когда не могу чего-либо сдѣлать, я даю себѣ трудъ объяснить почему».

Бретейлъ часто бесѣдовалъ съ Екатериной и эти разговоры передавалъ своему правительству. Такъ онъ писалъ



Присяга въ полкахъ въ присутствіи Екатерины II.

еще отъ 23-го февраля 1763 года, донося о длинномъ разговорѣ, бывшемъ у него съ Екатериной:

«Императрица выразила мнѣ довѣріе относительно ея личнаго положенія и говорила со мной съ тщеславіемъ о высокомъ ея мнѣніи, о своемъ величіи и могуществѣ. Она повторяла разъ тридцать: «государство такое обширное и такое могущественное, какъ мое». Она мнѣ говорила о нѣсколькихъ проектахъ, касающихся блага его внутренней жизни. Она очень распространялась о ея прежнихъ разсчетахъ и теперешнемъ могуществѣ. Она мнѣ сказала, что, вступая въ Россію, она всегда мечтала здѣсь царствовать

одна. Она ко всему этому приплетала благословеніе неба и любовь ея подданныхъ. Она говорила, что съ эпохи ея восшествія на тронъ, она не вѣрила въ судьбу и ея гордость имѣла этому массу доказательствъ какъ пріятныхъ, такъ и полезныхъ для нея. Несмотря на это, послѣ всѣхъ этихъ прекрасныхъ описаній, Императрица мнѣ призналась, что она несчастлива и что ей надо было управлять людьми, которыхъ невозможно удовлетворить; что она старательно искала средства сдѣлать ея подданныхъ счастливыми; но она чувствовала, что имъ нужно нѣсколько лѣтъ, чтобы привыкнуть къ ней. Наконецъ, очевидно гордясь своими успѣхами и красотой своего положенія, эта принцесса дала мнѣ увидѣть, что она безпокойна и что душа ея не чувствуетъ себя хорошо... У нея голова кружится отъ сознанія, что она Императрица, но отъ этого она еще болѣе смутна и взволнована. Вы въ этомъ были бы болѣе увѣрены, если бы могли видѣть безпокойство и чувства лицъ, которыя имѣютъ во всемъ ея довѣріе. Интриги и продѣлки только волнуютъ ее, а національный характеръ русскихъ для того и созданъ, чтобы ихъ увеличивать. Никогда еще Дворъ не былъ такъ терзаемъ партіями; онѣ растутъ съ каждымъ днемъ; а Императрица показываетъ только слабость и неувѣренность, недостатки, ранѣе не показывавшіеся въ ея характерѣ».

Бретейль писалъ еще мѣсяцъ спустя, отъ 19-го марта:

«Боязнь потерять то, что Императрица имѣла смѣлость взять, такъ ясно замѣтна въ ея ежедневномъ поведеніи, что всякій, хотя не много имѣющій власть, чувствовалъ бы себя сильнѣе ея. Удивительно, какъ эта принцесса, которая всегда слыла за храбрую, слаба и нерѣшительна, когда нужно рѣшить какой-нибудь малѣйшій вопросъ, который можетъ потерпѣть пораженіе внутри страны. Ея тонъ высомѣрный, гордый, чувствуется только въ вещахъ, находящихся извнѣ, потому что какъ только опасность не ея личная, она надѣется нравиться ея подданнымъ».

У Екатерины было много причинъ для безпокойства. Она знала лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, что ея положеніе непрочно. Она хотѣла, какъ и писалъ лордъ Букингамъ отъ 3-го февраля 1763 года, вести себя такъ, какъ будто бы она чувствовала себя въ совершенной безопасности. Она выѣзжала ночью въ Петербургѣ, въ открытыхъ саняхъ и съ очень маленькой свитой; и даже, когда она ѣхала въ Се-

натъ, съ ней было только два лакея, стоявшихъ за каретой. Но она знала, что видъ подчиненія и рабства, который она видѣла всюду, скрывалъ зачатки возстанія, которыхъ самая бдительная полиція съ трудомъ могла найти слѣды.

Бретейль писалъ отъ 19-го марта:

«Отправляютъ въ Сибирь самымъ скорѣйшимъ образомъ партію недовольныхъ, но не всѣ туда попадутъ»

Лордъ Букингамъ, почти въ тѣ же числа, выражался такъ въ своемъ донесеніи отъ 21-го февраля:

«Большой безпорядокъ паритъ внутри страны. Не видно болѣе общаго довольнаго вида и удовлетворенности, какъ было 2 мѣсяца тому назадъ, и много людей осмѣливаются выразить недовольство мѣрами, принимаемыми Дворомъ».

Причиной или вѣрнѣе предлогомъ глухого волненія, которое было замѣтно теперь при Дворѣ и въ арміи, былъ очевидный фаворъ, которымъ Императрица почтила Григорія Орлова. Сейчасъ же послѣ переворота она дала ему титулъ графа, такъ же какъ и двумъ его братьямъ Алексѣю и Владиміру; она его назначила камергеромъ и не проходило мѣсяца, чтобы она его не осыпала новыми благодѣяніями, деньгами, должностями и чинами. Лордъ Букингамъ писалъ:

«Пристрастіе Императрицы къ графу Орлову и знаки отличія, которые она ему даетъ, прибавляются день ото дня, и обижаютъ многихъ. Это было бы еще ничего, если бы она сдѣлала и удовольствовалась только однимъ подаркомъ, часами, украшенными брилліантами, стоящими около 500 фунтовъ стерлинговъ, хотя въ этой странѣ очень мало денегъ, и ихъ много тратятъ».

Главное, чѣмъ были недовольны важные чиновники, министры, это то, что онъ былъ по ихъ мнѣнію выскочка небольшого значенія и онъ одинъ пользовался довѣріемъ Императрицы. Екатерина хорошо сознавала, чего не хватало ея фавориту. Такимъ образомъ, особенно въ первое время, она дѣлала видъ, что исполняетъ свой долгъ благодарности по отношенію къ нему и его братьямъ, и дѣлала видъ, что не отличаетъ ихъ другъ отъ друга. Уже видѣли, въ какихъ выраженіяхъ она говорила о нихъ въ ея отзывѣ о переворотѣ, отзывѣ, написанномъ ею самой или отъ ея имени. Эти похвалы были умышленно преувеличены и она знала это лучше, чѣмъ кто-либо другой на свѣтѣ, что онѣ не были справедливы. Но въ этомъ документѣ, который она должна была

сдѣлать публичнымъ, она какъ бы обращалась къ цѣлой Европѣ, у которой хотѣла имѣть о себѣ хорошее мнѣніе и порицаніе которой хотѣла отвратить. Она такъ не говорила въ Петербургѣ, и она была болѣе стѣснена оправданіемъ своего фаворита. Бретейль писалъ въ своемъ донесеніи отъ 23-го февраля 1763 г.:

«Императрица говорила мнѣ такъ объ ея окружающихъ и хотѣла мнѣ указать на Орловыхъ, и я думаю, какъ бы извиняться за нихъ, сказала: я не веду пріятный образъ жизни, и я знаю, что люди, окружающіе меня, мало образованы, но я имъ обязана тѣмъ, что я есть; они полны храбрости и честности, и я увѣрена, что они меня не предадутъ».

Что главное причиняло общее недовольство противъ Григорія Орлова, это было не его фаворъ, который возбуждалъ только зависть и ревность, но его претензіи, болѣе или менѣе выраженныя. Орловъ не довольствовался добрыми милостями своей государыни, тѣмъ, что былъ заваленъ почетомъ и имуществомъ, тѣмъ, что имѣлъ больше всѣхъ власти при Дворѣ; онъ хотѣлъ большаго, надѣясь ни много, ни мало, какъ раздѣлить тронъ его любовницы. Странная вещь и которая съ трудомъ вѣрится, хотя она и была подтверждена освѣдомленными современниками, гордая Екатерина не была далека отъ мысли удовлетворить притязанія своего фаворита. Была даже небольшая партія при Дворѣ, которая ее на это открыто толкала. Болѣе, чѣмъ кто-либо другой, Бестужевъ побуждалъ Императрицу къ этому безумному поступку. Онъ былъ призванъ торжественно изъ ссылки, но, въ награду за прежнія услуги, онъ получилъ только мѣсто въ совѣтѣ и большую пенсію. Екатерина слишкомъ хорошо его знала, чтобы ему довѣрить дѣятельную часть въ ея правленіи. Бестужевъ не могъ утѣшиться, что онъ не былъ возстановленъ въ должности канцлера, которая была оставлена за его преемникомъ Воронцовымъ, онъ главное оттого и присоединился къ фавориту, надѣясь получить, благодаря его поддержкѣ, старое мѣсто. Если мы должны вѣрить тому, что писалъ Бретейль отъ 18-го мая 1763 года, Бестужевъ съ согласія Императрицы уговорилъ нѣсколько епископовъ адресовать ей просьбу, чтобы ее умолять выбрать себѣ мужа изъ ея подданныхъ, того, котораго она найдетъ болѣе достойнымъ этой чести. Екатерина спросила совѣта, какой отвѣтъ она должна дать на эту просьбы.

Канцлеръ, Панинъ, Разумовскій и нѣкоторые другіе сильно воспротивились даже противъ мысли о замужествѣ Императрицы, и ей даже утрировали опасности, которымъ она подвергалась, если она унизится до того, что выйдетъ замужъ за Орлова. Между тѣмъ по Москвѣ, гдѣ находился Дворъ, распространился слухъ, что Екатерина хочетъ присоединить своего фаворита къ правленію, и сейчасъ же вспыхнуло народное возстаніе, въ которомъ приняло участіе много солдатъ гвардейскихъ полковъ. У однихъ было на устахъ имя Ивана, другіе громко требовали, чтобы имъ показали великаго князя, жизнь котораго, говорили они, въ опасности; всѣ проклинали Орлова. Это былъ только мятежъ, у котораго не было ни начальника, ни плана и онъ былъ скоро усмиренъ. Самыя точныя изысканія не могли доказать, что здѣсь былъ заговоръ. Англійскій посланникъ писалъ отъ 25-го августа 1763 года:

«Лица, участвовавшія въ послѣднихъ смутахъ, отрицаютъ присутствіе какого-либо намѣренія противъ Ея Величества. Они признаются, что ихъ единственной заботой было удаленіе графа Орлова отъ фавора, которымъ онъ пользовался.

Его считаютъ такимъ выскочкой и при этомъ Дворѣ, гдѣ почти всѣ таковы, исключая только царствующую семью, которая видитъ вездѣ враговъ. Самые разозленные противъ него это тѣ, которые принимали съ нимъ вмѣстѣ участіе въ послѣднемъ переворотѣ и считаютъ себя неизмѣримо болѣе достойными, чѣмъ онъ».

Когда все немного успокоилось, Екатерина стала себя держать съ привычной ей ловкостью. Большое количество солдатъ было строго наказано, чтобы утвердить дисциплину, которая была очень ослаблена, но настоящіе виновники были пощажены. Можетъ быть, боялась она наказать слишкомъ много уважаемыхъ лицъ, быть можетъ, тѣхъ, которыя стояли ближе всего къ ней.

Ей все же нужна была жертва, и вотъ на княгиню Дашкову обрушился весь ея гнѣвъ.

Всецѣло отвергнутая, съ сердцемъ, изъязвленнымъ такой неблагодарностью, княгиня Дашкова приняла, не жалуясь, опалу: она примирилась съ мужемъ и поѣхала къ нему въ Москву. Она тамъ и находилась, когда вспыхнулъ послѣдній мятежъ, и Екатерина увѣрила себя, правда или нѣтъ, что Дашкова въ немъ участвовала. Такъ какъ ей не хватало до-

казательствъ, Императрица сдѣлала видъ, что хочетъ употребить милосердіе по отношенію къ своему прежнему другу, и съ оскорбляющимъ сожалѣніемъ предложила ей все простить, если она ей «откроетъ разговоры, если она что-либо слышала», это она писала ей своей собственной рукой. Беранжеръ, оставшійся повѣреннымъ по дѣламъ Франціи, со времени отъѣзда де-Бретейля въ Швецію, намъ сохранилъ въ донесеніи отъ 15-го іюня 1763 года отвѣтъ княгини Дашковой; онъ былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Государыня, я ничего не слыхала; но даже если бы я и слышала что-нибудь, я бы не сказала. Чего вы требуете отъ меня? Чтобы я умерла на эшафотѣ? Я готова на него взойти».

Екатерина удовлетворилась тѣмъ, что удалила ее изъ Москвы, гдѣ она была сборнымъ пунктомъ для недовольныхъ, а ихъ было много въ этой старинной столицѣ, которая всегда была началомъ оппозиціи. Лордъ Букингамъ писалъ отъ 28-го іюня:

«Княгиня Дашкова была послана со своимъ мужемъ въ Ригу. Раздражающее поведеніе этой дамы много способствовало лишенію ея уваженія Императрицы. Ея гордость была слишкомъ велика для того, чтобы искать какъ бы успокоить ея государыню или же чтобы подчиниться ея немолости; и со временъ переворота ее всегда подозрѣвали, что она возбуждаетъ и ободряетъ недовольныхъ настоящимъ правительствомъ».

Но каковы бы ни были заботы Екатерины, она охотно ихъ забывала. Лордъ Букингамъ писалъ отъ 1-го августа 1763 года:

«Жизнь Императрицы, это смѣщеніе легкомысленныхъ забавъ съ усиленнымъ занятіемъ дѣлами, которыя, благодаря препятствіямъ, искусно разсѣяннымъ на ея дорогѣ, и разнообразію ея проектовъ, ничего еще не произвели. Ея планы многочисленны и обширны, но очень несоотвѣтственны средствамъ, которыми она располагаетъ».

Вторичное погребеніе Петра III.

Исторія ропшинской драмы и переворота 1762 года была бы не закончена, если бы мы не упомянули о болѣе чѣмъ удивительномъ событіи, происходившемъ 19 ноября 1796 года, т.-е. *тридцать три года* спустя послѣ свержения Петра. Мы имѣемъ въ виду коронованіе и вторичное погребеніе «бывшаго Императора», устроенное Павломъ I. Трудно сказать, для чего это было сдѣлано: для отместки ли своей матери, Екатеринѣ, изъ усердія ли къ памяти «бывшаго Императора», для того ли чтобы «напомнить народу о наслѣдственныхъ прирожденныхъ правахъ своихъ», но странность, прямо сказать, поразительность факта отъ этого нисколько не измѣняется. Поэтому мы сочли необходимымъ привести описаніе этого событія такъ, какъ его повѣствуетъ лѣтопись Александро-Невской лавры. Въ ней приведены всѣ важнѣйшія событія Лавры и конечно уже такое выдающееся, какъ коронованіе «бывшаго» и къ тому же мертваго Императора и вторичныя его похороны.

Къ этому описанію мы прикладываемъ аллегорическую картинку, касающуюся до этого событія. Она изображаетъ посѣщеніе Павломъ Петра въ Невскомъ монастырѣ, при чемъ Петръ привсталъ изъ гроба и обращается къ Павлу съ его свитой. Смотри собраніе гравюръ Ровинскаго въ Румянцевскомъ музеѣ.

Ред.

1796-го года Ноября 19-го числа, повелѣніемъ благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя нашего Павла Петровича, вынуто тѣло въ Невскомъ монастырѣ погребеннаго, покойнаго благочестивѣйшаго государя Импе-

ратора Петра Ѳеодоровича, и въ новый сдѣланный великолѣпный гробъ, обитый золотымъ глазетомъ, съ гербами императорскими, въ приличныхъ мѣстахъ съ гасами серебряными, съ старымъ гробомъ, тѣло его положено.

Въ тотъ день, въ 7-мь часовъ пополудни, изволили прибыть въ Невскій монастырь его императоское величество, ея величество и ихъ высочества въ нижнюю Благовѣщенскую церковь, гдѣ стояло тѣло и, по прибытіи ихъ, открытъ былъ гробъ; къ тѣлу покойнаго государя изволили прикладываться его императоское величество, ея величество и ихъ высочества, и потомъ закрыто было; и преосвященный Гавріилъ митрополитъ, съ преосвященнымъ архіепископомъ Казанскимъ, митрополитомъ Греческимъ Хрисанфомъ и викаріемъ епископомъ Досифеемъ, по отпѣтіи панихиды, изволили отсутствіе свое имѣть въ Зимній дворецъ.

Ноября 20-го, его императорское величество изволилъ прибыть съ высочайшею своею фамиліею ея императорскимъ величествомъ благочестивѣйшею государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною, наслѣдникомъ его императорскимъ высочествомъ благовѣрнымъ государемъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ въ Александровскій монастырь, пополудни въ 5-ть часовъ, гдѣ въ нижней Благовѣщенской церкви отправляема была Гавріиломъ, митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ, съ прочими преосвященными архіереями и духовенствомъ при гробѣ его императорскаго величества благочестивѣйшаго государя императора Петра Ѳеодоровича, панихида. Предъ отправленіемъ оной изволили его императорское величество, съ высочайшею своею фамиліею, прикладываться къ гробу и положена на гробъ крышка. 24-го, во дворцѣ, литургію справлялъ Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій, а панихиду, съ прочими преосвященными архіереями и духовенствомъ.

Тогожъ числа, по полудни въ 4-ре часа, изволили прибыть въ Александровскій монастырь ея императорское величество, съ первымъ возрастомъ и благоволила съ онымъ прикладываться къ гробу.

25-го, въ 10-ть часовъ поутру, изволилъ прибыть въ Невскій монастырь его императорское величество съ наслѣдникомъ его императорскимъ высочествомъ благочестивѣйшимъ государемъ цесаревичемъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и его императорскимъ высочествомъ благо-

вѣрнымъ государемъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. При возглашеніи вѣчная память, возложилъ на гробъ его императорскаго величества корону; по отправленіи малой литіи, приложился его императорское величество, съ ихъ высочествами, къ гробу; послѣ сего высочайше указать соизволилъ высокопреосвященнѣйшему Гавріилу митрополиту, что о касающихся Петербургской Консисторіи отъ придворныхъ священниковъ потребностяхъ имѣть сношеніе съ духовникомъ его величества.

Тогожъ числа, по отбытіи его императорскаго величества съ ихъ императорскими высочествами, правлена во дворцѣ литургія и панихида преосвященнымъ Амвросіемъ, архіепископомъ Казанскимъ.

Тогожъ 25-го, въ исходѣ 7-го часа вечера, во дворцѣ, предъ положеніемъ тѣла его императорскаго величества во гробъ правлена литія высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Гавріиломъ, съ прочими архіереями и духовенствомъ; а по положеніи во гробъ, по выносѣ въ траурное зало и по постановленіи на тронъ, отправлена панихида высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Гавріиломъ, съ прочими архіереями и духовенствомъ.

Декабря 1-го, пополудни въ 6-ть часовъ, изволилъ прибыть въ Невскій монастырь его императорское величество съ наслѣдникомъ его императорскимъ высочествомъ благовѣрнымъ государемъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и его императорскимъ высочествомъ благовѣрнымъ государемъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и, по положеніи на назначенныя мѣста принесенныхъ въ то время императорскихъ регалій, и по отправленіи высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Гавріиломъ, при гробѣ его императорскаго величества, малой литіи, приложился его императорское величество съ ихъ высочествами ко гробу.

2-го, по утру въ 10-ть часовъ, изволилъ его императорское величество, съ высочайшею своею фамиліею, прибыть въ Невскій монастырь, откуда, по отправленіи высокопреосвященнѣйшимъ Гавріиломъ митрополитомъ, съ прочими архіереями и духовенствомъ, при гробѣ его императорскаго величества, малой литіи, перенесенъ гробъ, съ надлежащею церемоніею, въ зимній его императорскаго величества домъ, гдѣ, по постановленіи на назначенное мѣсто, правлена высо-

копреосвященнѣйшимъ же митрополитомъ, съ прочими архіереями и духовенствомъ, литія. 3-го и 4-го числъ служенія архіерейскаго во дворцѣ не было. 5-го по утру въ 11-ть часовъ, изъ Зимняго дворца, при назначенной церемоніи, перенесены тѣла ихъ императорскихъ величествъ въ Петропавловскій соборъ, гдѣ правлена литургія преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ Псковскимъ; а отпѣваніе тѣлъ ихъ императорскихъ величествъ — высокопреосвященнѣйшимъ Гавріиломъ митрополитомъ, съ прочими архіереями и духовенствомъ, къ тому назначеннымъ. 6-го, въ Петропавловскомъ соборѣ, правлена литургія и панихида высокопреосвященнѣйшимъ Гавріиломъ.

18-го, служеніе литургіи совершалъ Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій, по литургіи, отправлена панихида по государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Послѣ сего, въ началѣ 12-го часа, прибылъ его императорское величество, съ высочайшею фамиліею, и встрѣченъ съ крестомъ. Въ собраніи были шесть архіереевъ, пять архимандритовъ, четыре игумена, духовникъ, съ придворнымъ духовенствомъ и Петропавловскіе священнослужители. При начатіи панихиды, во время эктеніи, при раздачѣ свѣчъ, митрополитъ кадилъ гробы ихъ величествъ государя императора Петра Ѳеодоровича и государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, и церковь. По окончаніи кажденія, во время пѣнія панихиды, несенъ и опущенъ въ землю гробъ императрицы Екатерины Алексѣевны и когда, потомъ, несенъ гробъ императора Петра Ѳеодоровича, въ то время духовенство съ лѣвой стороны пришли къ царскимъ дверямъ и, при опущеніи, окончена панихида и возглашена вѣчная память. Потомъ понесены регаліи, и за ними изволилъ изъ церкви итти его императорское величество, съ высочайшею фамиліею.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Предисловіе къ четвертому изданію	
II.	Исторія и анекдоты революціи въ Россіи въ 1762 году—*Рюльера*	5
III.	Переворотъ по запискамъ Екатерины II	11
	Послѣднія мысли Императрицы Елизаветы Петровны . . .	71
	Смерть Елизаветы Петровны	—
	Наставленіе для Императора Петра III	74
	Проектъ указа	82
	Продолженіе записокъ	84
	Анекдоты объ этомъ событіи, записанные Екатериной . .	85
IV.	Письма Екатерины къ Станиславу Понятовскому .	91
V.	Гдѣ искать спасеніе.—*Бильбасова*	97
VI.	Въ Ропшѣ.—*Бильбасова*	113
VII.	Письма Петра III изъ Ропши	127
VIII.	Письма А. Орлова изъ Ропши	142
IX.	Роль Екатерины II по донесеніямъ иностранныхъ пословъ	143
X.	Вторичное погребеніе Петра III	146
		157

БИБЛІОТЕКА
Обл. Дома Учителя

Московское
Книгоиздательское Товарищество
"Образованіе."
Редакція: Долгоруковская, д. 89, кв. 1. Телефонъ 104-31.
Главная контора: Москва, 3-я Тверская-Ямская, д. Лаврова, кв. 2. Телефонъ 245-30.

Библиотека
№ 26

№ 1.